

2000

А.Б. Мартиросян

**МИФОВ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

**ЗА ПОРОГОМ
ПОБЕДЫ**

Annotation

Как это ни парадоксально, но наиболее победоносный период Великой Отечественной войны — 1943 — 1945 гг. — стал наиболее мифологизированным. Более того, в отличие от мифов, относящихся к начальному этапу войны, всевозможные «сказки» миротворцев о событиях 1943 — 1945 гг. имеют еще и конъюнктурную подоплеку, позволяющую нечестным на руку историкам подверстывать их муссирование под текущую политическую конъюнктуру современности.

Все это требует соответствующих историческим реалиям разъяснений, которые читатели найдут на страницах пятого тома нового пятитомного проекта историка А. Б. Мартиросяна «200 мифов о Великой Отечественной». Сенсационные разоблачения пятитомника развенчивают многочисленные мифы, созданные западными и российскими историками, писателями и журналистами.

-
- [За порогом Победы](#)
 -
 - [Миф № 1. Сталин согласился принять за безоговорочную капитуляцию Третьего рейха так называемый Реймский протокол.](#)
 - [Миф № 2. За подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии перед западными державами в Реймсе Сталин репрессировал генерала Сулопарова.](#)
 - [Миф № 3. Сразу же после образования антигитлеровской коалиции западные демократии предложили сурово покарать нацистских преступников, но Сталин не принял эту позицию.](#)
 - [Миф № 4. Сталин предлагал западным странам расстрелять всех военных преступников без суда и следствия.](#)
 - [Миф № 5. Сталин проводил обструкционистскую политику в вопросе о наказании главных военных преступников, а кое-кого и вовсе хотел вывести из-под наказания.](#)
 - [Миф № 6. Сталин пытался навязать такую модель международного суда над главными военными](#)

преступниками, чтобы не допустить обсуждения на его заседаниях невыгодных для СССР вопросов.

- Миф № 7. Русская армия за свою историю не раз вступала на территорию европейских стран, но только в 1945 году она оказалась толпой грабителей и мародеров.
- Миф № 8. Едва только Красная Армия вошла на территорию Германии, началось поголовное убийство немцев.
- Миф № 9. Едва только Красная Армия вошла на территорию Германии, как сразу же начался массированный грабеж и насилие над мирным немецким населением.
- Миф № 10. После победы Сталин планировал расчленить Германию.
- Миф № 11. После расчленения Германии Сталин планировал «построить социализм» в советской зоне оккупации.
- Миф № 12. Советская оккупационная политика была настолько жестока, что немцы взбунтовались.
- Миф № 13. При подавлении беспорядков в советской зоне оккупации погибло огромное количество мирных немцев.
- Миф № 14. Союзники искренне помогали Советскому Союзу в годы войны, а Сталин их отблагодарил атомным шпионажем.
- Миф № 15. Если бы не советская разведка, то в СССР не смогли бы создать атомную бомбу.
- Миф № 16. Едва только нацистская Германия капитулировала, Сталин объявил Западу холодную войну и отгородился «железным занавесом».
- Миф № 17. Едва только нацистская Германия капитулировала, Сталин отдал приказ о подготовке к Третьей мировой войне.
- Миф № 18. Едва только Вторая мировая война закончилась, Сталин стал готовиться к нападению на Запад, прежде всего на США.
- Миф № 19. Воспользовавшись затруднительным положением Америки, связанным с войной с Японией, Сталин путем запугивания, шантажа и вымогательства стремился получить санкцию великих демократических держав на грандиозный грабеж и насилие в Восточной Европе и на Балканах.

- Миф № 20. Пользуясь своим положением победителя в войне, Сталин узурпировал решение польского вопроса.
- Миф № 21. Под конец войны и сразу же после ее окончания Сталин стал насаждать коммунистическое правление в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.
- Миф № 22. Для насаждения коммунистических режимов в странах Восточной Европы Сталин пустил в ход всю мощь советских органов госбезопасности.
- Миф № 23. Сталин насильственным путем привел коммунистов к власти в Чехословакии.
- Миф № 24. Для того чтобы привести к власти в Чехословакии коммунистов, Сталин приказал убить министра иностранных дел этой страны Яна Масарика, который являлся наиболее вероятным кандидатом на пост президента.
- Миф № 25. Сталин насильственным путем привел коммунистов к власти в Болгарии.
- Миф № 26. Сталин насильственным путем привел коммунистов к власти в Венгрии.
- Миф № 27. Сталин насильственным путем привел коммунистов к власти в Румынии.
- Миф № 28. В силу личной неприязни, а также вследствие серьезных идеологических разногласий Сталин приказал ликвидировать лидера Югославии Иосипа Броз Тито, чем серьезно осложнил советско-югославские отношения.
- Миф № 29. В начале 1950-х годов Сталин развязал войну на Корейском полуострове.
- Миф № 30. Сталин панически боялся, что, захватив германские документы, западные союзники разоблачат его предвоенную политику сговора с Гитлером.
- Миф № 31. На основе трофейных документов германского МИДа американская дипломатия сразу же после войны разоблачила предвоенную политику Сталина.
- Миф № 32. Сталин подошел к решению вопроса о репарациях с Германии сугубо грабительски и по-дилетантски, ибо надо было не вывозить действовавшие германские заводы и их устаревшее оборудование, а получать

новое оборудование, которое надо было заставить производить на этих заводах прямо в Германии.

- Миф № 33. Вместо того чтобы после войны строить жилье, Сталин взял курс на милитаризацию страны.
- Миф № 34. Во время войны сильно пострадала советская культура (на примере книгоиздания).
- Миф № 35. Чтобы стать выше всех военачальников, Сталин инспирировал присвоение ему звания Генералиссимуса Советского Союза.
- Миф № 36. Чтобы сравняться со своими военачальниками, Сталин увешал себя всевозможными наградами[144].
- Миф № 37. Генерал Власов выполнял специальное задание Сталина и потому его не уничтожили после войны.
- Миф № 38. После смерти Сталина Маршал Советского Союза Г. К. Жуков объективно оценивал особенно военные таланты Верховного Главнокомандующего.
- Миф № 39. Смерть Сталина способствовала определенной разрядке в отношениях между СССР и Западом, особенно США.
- Миф № 40. Хрущев не мстил Сталину за своего расстрелянного сына Леонида.
- Миф № 41. Оценивая роль Сталина в Истории России, У. Черчилль сказал, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой.
- Послесловие
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)

- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)

- [160](#)
 - [161](#)
 - [162](#)
 - [163](#)
-

За порогом Победы

А. Б. Мартиросян. М.: Вече, 2009. — 320 с. — (200 мифов о Великой Отечественной)
ISBN 978-5-9533-4015-1

УДК 94(47)ББК 63.3(2)62
ISBN 978-5-9533-4015-1

© Мартиросян А. Б., 2009 © 000

**Миф № 1. Сталин согласился принять
за безоговорочную капитуляцию
Третьего рейха так называемый
Реймский протокол.**

Миф № 2. За подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии перед западными державами в Реймсе Сталин репрессировал генерала Сулопарова.

Превентивный комментарий. Официально принцип «безоговорочной капитуляции» нацистской Германии был утвержден союзниками еще в январе 1943 года, на конференции в Касабланке (Марокко), в которой приняли участие Рузвельт, Черчилль и от Национального комитета по освобождению Франции — Де Голль. Сталин также получил приглашение, однако из-за бушевавшей тогда Сталинградской битвы выехать не смог. Однако решение этой встречи — полная и безоговорочная капитуляция Германии перед всеми странами-участницами антигитлеровской коалиции — Сталиным было полностью одобрено.

Откровенно говоря, это редко используемые мифы. Их применяют лишь тогда, когда просто нечего сказать гадкого в адрес Сталина. Применяют, даже невзирая на то, что они диаметрально противоположные. Тем не менее мы их рассмотрим, так как природа их происхождения весьма любопытна. Не говоря уже о том, что в недрах этих мифов, как и всегда, кроется особая подлость англосаксонских подонков, числившихся нашими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Под конец войны нацистская Германия оказалась практически полностью изолированной и единственным ее реальным союзником оставалась Япония, продолжавшая вести военные действия на Дальнем Востоке и Тихом океане. Дипломатические связи, сохранившиеся у Германии с несколькими иностранными государствами, провозгласившими нейтралитет в войне, носили сугубо формальный характер. Число же объявивших Германии войну

государств в марте 1945 года достигло пятидесяти. Понимая всю сложность и тяжесть своего положения на заключительном этапе войны, главари нацистского режима активизировали многочисленные попытки спасти нацизм путем заключения сепаратного мира с западными державами. Такие попытки предпринимали Г. Геринг, Г. Гиммлер, И. Риббентроп и другие ближайшие сообщники А. Гитлера. Главные надежды они возлагали на возможность использования имевшихся в советско-англо-американских отношениях разногласий и трений, а также на возможность вооруженного столкновения между Советским Союзом и западными державами, в котором, как им тогда грезилось, Третий рейх должен стать «естественным союзником» западных держав в войне против СССР.

В конце апреля 1945 года нацисты предприняли последнюю попытку добиться сепаратного соглашения с западными державами. В частности, фюрер безуспешно пытался связаться с командующим группой английских армий в Европе фельдмаршалом Б. Монтгомери с целью заключить сепаратное соглашение между Германией и Великобританией, направленное против СССР. Известно также, что и рейхсфюрер СС Гиммлер в последние дни существования нацистской Германии обращался даже к генералу Шарлю де Голлю, предлагая ему заключить сепаратный альянс, направленный как против англосаксов, так и против СССР. Никто не считал возможным пойти на прямые переговоры с Гиммлером. 25 апреля премьер-министр Великобритании У. Черчилль писал И. В. Сталину в связи с переговорами, что «не может идти речи ни о чем меньшем, кроме как об одновременной безоговорочной капитуляции перед тремя главными державами». В тот же день Сталин ответил Черчиллю: «Ваше предложение о предъявлении Гиммлеру требования безоговорочно капитулировать на всех фронтах, в том числе и на советском фронте, считаю единственно правильным... Прошу действовать в духе Вашего предложения, а Красная Армия будет нажимать на Берлин в интересах нашего общего дела».

30 апреля 1945 года в окруженном Берлине, в бомбоубежище имперской канцелярии покончил жизнь самоубийством Гитлер. Своим преемником он назначил главнокомандующего военно-морским флотом гросс-адмирала К. Деница, который сформировал новое «правительство». Вскоре после этого представители Деница во главе с

новым главнокомандующим военно-морским флотом Германии генерал-адмиралом Г. И. фон Фридебургом вступили в контакт с Монтгомери. Монтгомери потребовал капитуляции немецких войск в Северной Германии, Голландии и Дании, причем капитуляции без всяких условий. 4 мая Фридебург подписал в британской ставке в Люнебурге акт о капитуляции немецких войск на Северо-Западном фронте.

На следующий день он и сопровождавший его полковник Полек были доставлены в ставку Верховного командующего экспедиционными силами союзников в Европе Д. Эйзенхауэра в Реймс для переговоров. Сам Эйзенхауэр в переговорах не участвовал, их вел начальник штаба верховного командования экспедиционными силами союзников генерал-лейтенант У. Б. Смит. В ходе первого разговора выяснилось, что Фридебург не имеет полномочий Деница на ведение переговоров о капитуляции всех войск. Проще говоря, немцы предлагали заключение сепаратного мира с западными державами. На это генерал Смит ответил, что союзники готовы обсудить вопрос о капитуляции немцев на Западном фронте при одновременной капитуляции без всяких условий перед русскими союзниками, в связи с чем Фридебургу был предложен проект акта о военной капитуляции.

Выслушав доклад Смита о результатах первого контакта с Фридебургом, Эйзенхауэр направил одновременно в Вашингтон, Москву и Лондон следующую телеграмму: «Адмирал Фридебург имеет полномочия только на сдачу остатков немецкой армии на Западном фронте. Обсуждение этого ограниченного предложения было отвергнуто. Учитывая, что адмирал расположен обсуждать вопрос о полной капитуляции, если будет на это уполномочен, ему было предложено запросить разрешение германского правительства».

В свою очередь Фридебург направил Деницу послание с просьбой предоставить ему полномочия на переговоры о полной капитуляции или прислать кого-нибудь, кто имел бы на это полномочия. Такая постановка вопроса фактически означала, что не будет действительной капитуляции немецких войск перед советским командованием и что Эйзенхауэр, хотя и отвергал сепаратную капитуляцию, но фактически был готов принять капитуляцию сразу всех германских вооруженных сил — и восточных, и западных. Для Деница же такая позиция Эйзенхауэра означала, что стремление немцев прекратить войну

против англо-американцев с тем, чтобы продолжать ее против русских, потерпело полный крах.

На следующий день Смит проинформировал о ходе переговоров приглашенных Эйзенхауэром в Реймс представителей Красной Армии — начальника советской миссии во Франции генерал-майора И. А. Сулопарова и сопровождавших его полковника И. Зенковича и переводчика лейтенанта И. Черняева.

Для продолжения переговоров в Реймс на самолете США прибыл посланный Деницем начальник оперативного штаба верховного командования вооруженными силами Германии генерал-полковник А. Йодль, который надеялся избежать капитуляции на Востоке и просил отсрочить подписание капитуляции на четыре дня, на что Смит готов был согласиться. Об этом Смит доложил Эйзенхауэру. О результатах разговора с немцами были информированы советские представители.

Здесь следует иметь в виду, что нацисты откровенно проводили политику «капитуляции по частям». Логика и тем более ставки в этой политике были просты: раскол между союзниками по антигитлеровской коалиции случится, не может не случиться. Нужно только дождаться, потянуть время, а значит, продолжать войну. Выбор такой политики произошел 2 мая 1945 года, когда Гитлер, Борман, Геббельс были уже мертвы, новый президент Германии адмирал Карл Дениц провел совещание в своей резиденции во Фленсбурге, где и было принято решение — капитулировать перед англо-американцами, но продолжать боевые действия против Советского Союза. Однако всего лишь через день до нацистов доперло, что на общую капитуляцию на всем Западном фронте ни американцы, ни англичане не пойдут. И вот тогда-то правительство Деница приняло решение о «капитуляции по частям». И началось. 4 мая главнокомандующий германскими ВМС адмирал Фридебург подписал акт о капитуляции в Голландии, Дании, Шлезвиг-Гольштейне и Северо-Западной Германии перед британским фельдмаршалом Монтгомери. 5 мая генерал Шульц «сдал» свою группу армий в Баварии и на западе Австрии американскому генералу Деверсу, а генерал Бранденбергер капитулировал в Тироле. Но на юге оставалась еще значительная сила — группа армий «Австрия». 5 мая в город Реймс на северо-западе Франции, где находилась ставка командующего союзными войсками генерала армии Дуайта Эйзенхауэра (США), прибыл Фридебург, чтобы

сдать эту южную группировку англо-американцам. Но Эйзенхауэр соглашался только на безоговорочную капитуляцию и на всех фронтах. Однако Дениц продолжал надеяться. И уже на следующий день — 6 мая — в Реймс на американском самолете прилетел очередной его эмиссар — генерал-полковник Альфред Йодль. Переговоры Йодля с Эйзенхауэром начались 6 мая после полудня и продолжались до позднего вечера. Начальник штаба Эйзенхауэра генерал Смит поддерживал Йодля чрезвычайно активно. Судя по всему, он выполнял чье-то указание, но это так и осталось невыясненным. Говорят, что в главном Эйзенхауэр остался неколебим и требовал только безоговорочной капитуляции. Наконец, решение было принято: с 23 часов 8 мая все боевые действия должны быть прекращены на всех фронтах.

В этих условиях Йодль вынужден был снова связаться в Деницем и попросить согласия на окончательное подписание акта капитуляции. Такое согласие было получено. Однако в полномочии, данном Деницем Йодлю, осталась формулировка заключить «соглашение о перемирии со ставкой генерала Эйзенхауэра». Началась подготовка к церемонии подписания. Было решено провести ее в «зале карт» штаба Эйзенхауэра, который размещался в здании технического колледжа. В 2 ч. 34 мин. по средневропейскому времени 7 мая в этом зале началась процедура подписания. По одну сторону большого стола среди стен, увешанных картами, заняли места десять представителей вооруженных сил союзных держав. От США — генерал У. Б. Смит, генерал авиации К. Спаатс и генерал-майор Г. Р. Булл; от СССР — генерал-майор И. А. Сулопаров и полковник И. Зенкович; от Великобритании — адмирал Г. М. Бэрроу, генерал-лейтенант Ф. Е. Морган и генерал-майор К. Стронг; от Франции — генерал-майор Ф. Севез. Затем были приглашены трое германских уполномоченных, занявших места по другую сторону стола: генерал-полковник А. Йодль, генерал-адмирал Г. И. фон Фридебург и генерал-майор Ф. В. Оксениус.

После официального вопроса Смита о готовности германской стороны подписать документы Йодль, кивнув в знак согласия, подписал от имени германского верховного командования единственный экземпляр (на английском языке) акта о военной капитуляции, на первой странице текста которого сверху было

написано: «Только этот текст на английском языке является подлинным»:

АКТ О ВОЕННОЙ КАПИТУЛЯЦИИ

Реймс 7 мая 1945 г. Только этот текст на английском языке является подлинным.

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, Верховному командованию Союзных Экспедиционных сил и одновременно Советскому главнокомандованию.

2. Германское Верховное командование немедленно издает приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23.01 час. по центрально-европейскому времени 8 мая и остаться на своих местах, где они находятся в это время. Не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию.

3. Германское Верховное командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным командованием Союзных Экспедиционных сил и Советским главнокомандованием.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае если Германское Верховное командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное командование Союзных Экспедиционных сил и Советское главнокомандование предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

Подписан в Реймсе (Франция) в 2 час. 41 мин. 7 мая 1945 г.

От имени Германского Верховного командования Йодль

В присутствии:

По уполномочию
Верховного командующего Экспедиционными силами союзников У. Б. Смита

По уполномочию
Советского главнокомандования И. Сулопарова

Генерал-майора
Французской армии (в качестве свидетеля) Ф. Севеза»^[1].

Ни Фридебург, ни Оксениус акта не подписывали. Кроме того, Йодль подписал еще один документ на английском языке. Содержание этого документа российским читателям почти неизвестно. Он озаглавлен «Обязательство германских представителей перед союзническими верховными командованиями:

«Обязательство германских представителей перед союзническими верховными командованиями

Достигнута договоренность с подписавшимися ниже германскими представителями о том, что нижеперечисленные германские военнослужащие придут с соответствующими полномочиями в указанные Верховным главнокомандующим Союзных Экспедиционных сил и Советским Верховным командованием время и место для осуществления официальной ратификации от имени Германского Верховного командования этого акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Верховный главнокомандующий
Главномандующий сухопутными войсками
Главномандующий военно-морским флотом
Главномандующий военно-воздушными силами.

Подписал Йодль, представляющий германское
Верховное командование.

2 час. 41 мин. 7 мая 1945 г.

Реймс, Франция»^[2].

Затем представители вооруженных сил коалиции своими подписями подтвердили, что акт был подписан в их присутствии. От имени верховного командующего Союзными Экспедиционными силами документ подписал Смит, от имени Советского Верховного командования Сулопаров, подписавшийся латинскими буквами. В качестве свидетеля от имени французской армии акт подписал Севез^[3]. После подписания слово попросил Йодль и, получив разрешение, заявил: «Генерал, этой подписью германский народ и германские вооруженные силы полностью отдадут себя на милость победителей. В этой войне, продолжавшейся более пяти лет, германский народ и его вооруженные силы осознали и пострадали, может быть больше, чем любой другой народ мира. В этот час я могу лишь выразить надежду, что победитель отнесется к ним с великодушием»^[4]. Ответа на слова Йодля не последовало. Вся процедура длилась 7 минут. После этого

Йодль, Аридебург и Оксениус были доставлены в другое здание, являвшееся резиденцией Эйзенхауэра, которого они увидели впервые. Беседа продолжалась две минуты.

На вопрос Эйзенхауэра, осознают ли германские уполномоченные всю важность подписанного ими акта и будут ли соблюдены условия капитуляции, был дан утвердительный ответ. Затем Эйзенхауэр беседовал с офицерами своего штаба, а также с советскими представителями. Утром 7 мая 1945 года было распространено коммюнике штаба Верховного главнокомандования Экспедиционными силами союзников, которое начиналось следующими словами: «Союзники официально сообщают о капитуляции Германии. Подписание состоялось в Реймсе, в штаб-квартире Эйзенхауэра...»^[5] Одновременно Эйзенхауэр направил всем подчиненным штабам телеграмму с пометкой «срочно», гласившую: «Миссия союзнических сил закончилась 7 мая 1945 года в 2 часа 41 мин. по местному времени».

Представляется интересной история участия генерал-майора Суслопарова в подписании акта о капитуляции Германии в Реймсе.

Когда Эйзенхауэр принял решение о подписании акта о военной капитуляции, не был решен главный вопрос: а как же русские? Ближайший имеющий полномочия представитель советского командования в это время находился в Париже, в 125 км от Реймса. Дениц же меж тем отчаянно торопил Йодля — подписывать как можно скорее, чтобы хотя бы формально, но капитуляция прошла без русских! Эйзенхауэр связался с Монтгомери. Тот дал незамедлительный ответ: подписывать! А русские? «Поставить в известность», — ответил фельдмаршал. Советским представителем, которого «поставили в известность», был начальник советской военной миссии при штабе западных союзников генерал-лейтенант Иван Алексеевич Суслопаров, к которому вечером 6 мая прилетел адъютант Эйзенхауэра с приглашением главнокомандующего срочно прибыть в его штаб. Суслопаров послал донесение в Москву и вылетел в Реймс. Дуайт Эйзенхауэр принял его с подчеркнутой любезностью. Пригласил на ужин. Перед тем как сесть за стол, сообщил, что в штабе сейчас находится генерал Йодль. Недавно, мол, прибыл от Деница с предложением капитулировать перед англо-американскими войсками.

— Вы с ним уже встречались? — уточнил Суслопаров. — Мы беседовали, — уклончиво улыбнулся Эйзенхауэр.

Суслопаров был вне себя от гнева, но сдержался. Генерал всегда помнил, какая миссия ему здесь поручена. Подобная игра нервов была уже не в новинку. Несколько дней назад, 29 апреля, командующий группой армий «Ц» в Италии генерал-полковник Фитингоф-Шеель рвался в Казерту подписать капитуляцию своих войск. Пришлось проявить волю, добиться, чтобы при этом акте присутствовал и советский представитель — генерал Кисленко.

— Значит, перед вами капитулировать, а с нами... — Суслопаров дипломатично не закончил.

— Ну... воевать дальше, конечно, — иронично договорил за него Эйзенхауэр. — Но мы не допустим, — тут же добавил он. И пригласил к столу. Опыт и интуиция подсказывали Суслопарову, что этим разговором дело не закончится.

Вечером его снова пригласили к Эйзенхауэру. Тот сообщил, что после состоявшихся переговоров немцы согласились подписать соответствующие акт. И вручил документ. Подписание было назначено на 2 часа 30 минут 7 мая 1945 года в помещении оперативного отдела. Суслопаров стал читать. Германское командование обязывалось отдать приказ о прекращении военных действий в 00 часов 01 минуту 9 мая. Все германские войска должны были оставаться на занимаемых позициях. Запрещалось выводить из строя вооружение. Гарантировалось исполнение всех приказов главнокомандующего союзными экспедиционными силами и советского Верховного главнокомандования... Казалось бы, все правильно. Но Суслопаров прекрасно знал, что какой бы документ тут, в Реймсе, ни подписали, война на советско-германском фронте все равно будет продолжаться. Потому что прекрасно знал, что Дениц планирует отвести свои войска на гостеприимный Запад. Знал Суслопаров и о том, что Черчилль всеми силами старается не допустить подписания акта на территории поверженного противника, то есть в Берлине. Знал о тайном распоряжении Черчилля собирать германское оружие и сохранять командный состав. Он понимал, что Запад очень спешит с этим актом о капитуляции, чтобы начать другую игру против СССР. Суслопаров немедленно дал телеграмму в Кремль. Но время шло, а Москва молчала. Снова пришли от Эйзенхауэра, чтобы пригласить в штаб на

подписание. И перед генералом Сулопаровым встал тяжелый вопрос: подписать или нет? Если подпишешь без согласия Сталина, то это... В общем, немыслимо! Не подпишешь — значит окажешь содействие реализации нацистской идеи о сепаратном мире. Короче говоря, Сулопаров принял историческое решение подписать. В 2 часа 41 минуту протокол о капитуляции был подписан. Однако Сулопаров настоял на чрезвычайно важном примечании. Согласно ему «церемония подписания акта о капитуляции должна быть повторена еще раз, если этого потребует одно из государств-союзников». Сулопаров немедленно направил доклад в Москву. А оттуда как раз подоспела долгожданная депеша: никаких капитуляций в Реймсе не подписывать! Кто так задержал ответ Москвы — до сих пор непонятно.

Сталин, как известно, весьма категорично выразил свою точку зрения: «Договор, подписанный в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия, — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции». Это было справедливо и правильно, и ни у кого не повернулся тогда язык возразить. 8 мая в пригороде Берлина Карлсхорсте Реймский протокол о безоговорочной капитуляции был ратифицирован представителями верховного командования стран-союзниц. Тем более что в спешке в Реймс не пригласили на подписание представителей Франции, и французский главнокомандующий Делатр де Тассиньи негодовал.

А вот как описывает ее бывший начальник генерального штаба Красной Армии С. М. Штеменко в своих мемуарах. Он отмечает, что 6 мая к Сулопарову прилетел адъютант Эйзенхауэра и передал приглашение главнокомандующего срочно прибыть в его штаб. Эйзенхауэр принял советского генерала в своей резиденции и сказал, что прибыл гитлеровский генерал Йодль с предложением капитулировать перед англо-американскими войсками и воевать против СССР. Сулопаров ответил главе англо-американского командования, что существуют обязательства, совместно принятые членами антигитлеровской коалиции, относительно безоговорочной капитуляции противника на всех фронтах, в том числе, конечно, и на

Восточном фронте. Эйзенхауэр сообщил, что он потребовал от Йодля полной капитуляции Германии и не примет никакой иной. Затем главнокомандующий попросил Суслопарова сообщить в Москву текст документа о капитуляции, получить там одобрение и подписать его от имени Советского Союза.

Суслопарову оставалось совсем немного времени, чтобы получить инструкции своего правительства. Он передал телеграмму в Москву о предстоящем подписании документа о капитуляции и попросил указаний. Пока телеграмма Суслопарова была доложена по назначению, прошло несколько часов. В Реймсе наступила полночь, и настало время подписывать капитуляцию. Инструкции же из Москвы не приходили. Суслопаров принял решение подписать документ. В то же время, пишет Штеменко, он, обеспечивая возможность для Советского правительства повлиять в случае необходимости на последующий ход событий, сделал примечание к документу. В примечании говорилось, что «данный протокол о военной капитуляции не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том заявит какое-либо союзное правительство». По словам Штеменко, Эйзенхауэр и представители других держав при штабе с примечанием Суслопарова согласились. Как повествует далее Штеменко, Эйзенхауэр поздравил Суслопарова с подписанием акта. «Последний направил свой доклад в Москву. А оттуда между тем шла встречная депеша, где указывалось: никаких документов не подписывать!.. Только в Берлине, 9 мая, после процедуры подписания Акта о капитуляции И. А. Суслопаров узнал, что Сталин лично по телефону сообщил Вышинскому, что не имеет претензий к действиям генерала в Реймсе»^[6].

Заслуживает внимания также история с текстом акта о капитуляции, подписанным в Реймсе. В принципе документ о капитуляции не должен был породить никаких проблем. Все было давно согласовано между союзниками. Документ был разработан и согласован трехсторонней Европейской консультативной комиссией (ЕКК), заседавшей в Лондоне, а затем подписан ее членами 25 июля 1944 года. Документ, озаглавленный «Безоговорочная капитуляция Германии»^[7], был утвержден без поправок правительством США 9 августа 1944 года, правительством СССР 21 августа 1944 года и правительством Англии 21 сентября 1944 года. По условиям этого

документа капитуляция Германии должна была быть безоговорочной и единовременной на всех фронтах, на востоке и на западе. Немецкие армии должны были оставаться на месте и сложить оружие перед тем противником, который противостоял им. В связи с крымским решением «Большой тройки» включить Францию в число оккупирующих Германию держав, 1 мая 1945 года в рамках ЕКК было утверждено и подписано соглашение между правительствами трех держав и Францией относительно изменений в документе о безоговорочной капитуляции Германии от 25 июля 1944 года. Все изменения сводились лишь к включению в текст в надлежащих местах слов «французская Республика» и соответствующих этим словам эквивалентов. Это соглашение было утверждено правительствами Англии и Франции 15 мая 1945 года уже после подписания актов о капитуляции Германии. Правительства СССР и США считали, что специального утверждения этого соглашения не требуется, поскольку это предусматривалось решением Крымской конференции^[8].

Таким образом, когда германское командование запрашивало о возможности сложить оружие, единственным официальным документом для подписания был документ от 25 июля 1944 года. В штаб Эйзенхауэра в Реймсе в марте 1945 года был направлен текст именно этого документа. Однако акт о военной капитуляции, подписанный 7 мая в Реймсе, не был тем согласованным документом, который выработала ЕКК. Этот документ был заменен другим и имел с ним мало общего.

Документ, выработанный ЕКК, представлял собой обширный текст из четырнадцати четко сформулированных статей, в которых, помимо военных условий капитуляции, также говорилось, что СССР, США и Англия «будут обладать в отношении Германии верховной властью» и предъявят дополнительные политические, административные, экономические, финансовые, военные и другие требования^[9]. В противоположность этому текст, подписанный в Реймсе, был кратким, содержащим всего пять статей. Он был озаглавлен «Акт о военной капитуляции» и касался исключительно вопроса о капитуляции немецких армий на поле боя.

Сразу же после подписания капитуляции в Реймсе Сталин позвонил маршалу Г. К. Жукову в Берлин и сообщил, что он не согласился с тем, что акт о капитуляции подписан не в Берлине, центре

фашистской агрессии, и что он договорился с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Сталин отметил также, что главную тяжесть на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием Экспедиционных сил союзников.

Однако подписание акта о капитуляции в Реймсе сыграло свою роль. Необходимо было выходить из создавшегося положения. 7 мая Сталин и начальник генерального штаба Красной Армии генерал армии Антонов подписали следующее распоряжение, адресованное Жукову: «Ставка Верховного главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил». 8 мая утром в Берлин был направлен заместитель наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский с группой сотрудников НКВД из пяти человек. В нее, в частности, входил С. Т. Базаров — секретарь возглавлявшейся К. Е. Ворошиловым комиссии, которая занималась в том числе и подготовкой проекта документа о безоговорочной капитуляции Германии. Они привезли необходимую документацию.

В два часа этого же дня в Берлин прибыли представители Верховного командования Экспедиционными Союзными силами: главный маршал авиации Великобритании А. В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс и командующий военно-морскими силами союзников английский адмирал Г. М. Бэрроу. Спустя час прилетел главнокомандующий первой французской армией генерал Ж. Делатр де Тассиньи. Что касается Эйзенхауэра, то он вначале выразил согласие прилететь в Берлин 8 мая на объявленную Жуковым церемонию, но сделал оговорку, что в случае нелетной погоды он направит в Берлин глав военных миссий США и Великобритании в Москве. Однако после возражений некоторых членов своего штаба, к которым присоединился и Черчилль, Эйзенхауэр послал в Берлин вместо себя своего заместителя, британского маршала авиации Теддера. Затем, выполняя данное в Реймсе обязательство, в сопровождении английских офицеров в Берлин прибыли германские уполномоченные: начальник штаба верховного главнокомандования генерал-фельдмаршал В.

Кейтель, генерал-адмирал флота Г. И. фон Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Ю. Штумпф. Верховный главнокомандующий, несмотря на обязательство в Реймсе, в Берлин не прибыл. В полномочии, подписанном Деницем, говорилось, что Кейтель, Фридебург и Штумпф имеют право «ратифицировать безоговорочную капитуляцию германских вооруженных сил перед верховным командующим Союзными Экспедиционными силами и Советским Верховным командованием»:

«Верховный главнокомандующий вермахта
Ставка, 7 мая 1945 г.

Я уполномочиваю генерал-фельдмаршала Кейтеля, начальника штаба верховного главнокомандования вермахта и одновременно генерал-адмирала фон Фридебурга, главнокомандующего военно-морским флотом, генерал-полковника Штумпфа, представителя главнокомандующего военно-воздушным флотом ратифицировать безоговорочную капитуляцию германских вооруженных сил перед верховным командующим союзническими экспедиционными силами и советским верховным командованием.

Дениц, гроссадмирал»^[10].

С аэродрома союзники и германские уполномоченные прибыли в восточную часть Берлина, в Карлсхорст, где в двухэтажном здании офицерского клуба немецкого военно-инженерного училища^[11] был подготовлен зал для церемонии подписания акта. Кейтель и его сопровождающие были размещены в одной из комнат на втором этаже. Представители командования союзных войск собрались в этом же здании в кабинете Жукова, чтобы обсудить порядок и процедуру, которой следовало придерживаться во время принятия капитуляции. Это обсуждение потребовало значительного времени. Была достигнута общая договоренность, что председательствовать будет Жуков.

Ровно в 24 часа по московскому времени представители союзного командования вошли в зал. Маршал Жуков открыл заседание и затем попросил пригласить в зал германских представителей. Им было предложено сесть за отдельный стол, недалеко от входа. Затем им был задан вопрос, ознакомились ли они с документом о безоговорочной капитуляции и имеют ли полномочия подписать его. После утвердительного ответа Кейтеля они по приглашению Жукова приблизились к столу, за которым сидели представители союзных войск и их советники. Кейтель передал Базарову полномочия. После их проверки офицером-переводчиком они были переданы Жукову. Вслед за этим немцы один за другим подписали акт о военной капитуляции, составленный в трех экземплярах, каждый на русском, английском и немецком языках (всего 9). В документе оговаривалось, что только английский и русский тексты являются аутентичными.

Поставив подписи, Кейтель и его спутники возвратились на свои места. Затем, подтверждая, что акт о капитуляции свершился в его присутствии, по уполномочию Верховного главнокомандования Красной Армии, документ подписал маршал Жуков. То же самое по уполномочию Верховного командующего Экспедиционными силами союзников Эйзенхауэра сделал главный маршал авиации Великобритании Теддер. В качестве свидетелей свои подписи поставили Спаатс и Делатр де Тассиньи. Церемония подписания акта о военной капитуляции Германии была закончена в 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года по московскому времени. В заключение в этом же здании для представителей союзников и гостей состоялся большой прием, продолжавшийся до утра.

Что касается документов о капитуляции, то один экземпляр акта сразу же был вручен Кейтелю. Другой подлинный экземпляр акта утром 9 мая был доставлен самолетом в Ставку Верховного главнокомандования Красной Армии. Днем маршал Жуков получил из Москвы сообщение, что вся документация о капитуляции немецко-фашистской Германии получена и вручена Сталину. Полный экземпляр (то есть на трех языках) акта о военной капитуляции Германии, а также подлинный документ с подписью Деница, удостоверяющий полномочия Кейтеля, Фридебурга и Штумпфа, хранятся в фонде международных договорных актов Архива внешней политики

Российской Федерации. Еще один подлинный экземпляр акта находится в Вашингтоне в Национальном архиве США.

Документ, подписанный в Берлине, является, за исключением несущественных деталей, повторением текста, подписанного в Реймсе. Он также содержит статью, которая предусматривала замену подписанного текста «другим генеральным документом о капитуляции». Такой документ, названный «Декларацией о поражении Германии и взятии на себя верховной власти правительствами четырех союзных держав», был подписан 5 июня 1945 года в Берлине четырьмя союзными главнокомандующими. Он практически целиком воспроизводит текст документа о безоговорочной капитуляции, выработанный в Лондоне Европейской консультативной комиссией и утвержденный правительствами СССР, США и Великобритании в 1944 году. В «Декларации о поражении Германии» главнокомандующие от имени правительств СССР, США, Великобритании и Франции заявили, что они берут на себя верховную власть в Германии, но что это не является аннексией страны. В декларации определялись меры по полному разоружению Германии, эвакуации германских войск, расположенных на территориях других стран, передаче союзникам всех военнопленных и интернированных граждан Объединенных Наций, аресту лиц, подозреваемых в военных преступлениях. Державы-победительницы получили право по собственному усмотрению размещать свои вооруженные силы и гражданские органы во всей Германии или любой ее части, предъявлять Германии и в дальнейшем дополнительные политические, административные, экономические, финансовые, военные и другие требования. Все административные органы и германский народ должны были безоговорочно выполнять требования представителей союзных держав и полностью подчиняться всем их приказам. Одновременно с Декларацией о поражении Германии четыре главнокомандующих опубликовали 6 июня краткое изложение достигнутых ранее в ЕКК соглашений о контрольном механизме в Германии и о зонах оккупации Германии.

Принципы «Декларации о поражении Германии», а также соглашений о зонах оккупации и контрольном механизме были развиты в решениях Берлинской конференции руководителей СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 года). В ее

итоговом документе провозглашалось: «Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и союзники в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире». В то же время три державы заявляли, что они не собираются уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ. Они подтвердили свое намерение дать народу Германии возможность осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе, с тем чтобы со временем он смог занять место среди свободных и миролюбивых народов мира^[12].

Такова вкратце Подлинная Правда о тех событиях, о бушевавших тогда политических страстях, о действиях генерала Суслопарова и реакции Сталина на его действия. Никаким репрессиям генерал не подвергался. Все это безмозглая, ни на чем не основанная чушь. За то, что его потом «задвинули», Суслопаров мысленно «благодарил» Жукова и его камарилью, а не Сталина. Потому, что еще с 9 мая 1945 года он абсолютно точно знал, что Сталин претензий к его действиям не имеет.

Миф № 3. Сразу же после образования антигитлеровской коалиции западные демократии предложили сурово покарать нацистских преступников, но Сталин не принял эту позицию.

Миф № 4. Сталин предлагал западным странам расстрелять всех военных преступников без суда и следствия.

**Миф № 5. Сталин проводил
обструкционистскую политику в
вопросе о наказании главных военных
преступников, а кое-кого и вовсе хотел
вывести из-под наказания.**

Миф № 6. Сталин пытался навязать такую модель международного суда над главными военными преступниками, чтобы не допустить обсуждения на его заседаниях невыгодных для СССР вопросов.

Анализ этих мифов осуществлен с помощью материалов, изложенных в книге Н. С. Лебедевой «Подготовка Нюрнбергского процесса», М., 1975, а также собственных данных автора.

Откровенно говоря, эти мифы появились не так давно. Раньше даже на Западе побаивались нести такую чушь. На Западе-то прекрасно знали, что они натворили, провоцируя Вторую мировую войну, и как они пытались вывести нацистов из-под неотвратимости сурового возмездия, которого требовали народы мира, особенно СССР. Но нынче-то на Западе делают вид, что не СССР разгромил Третий рейх, а «доблестные янки да какие-то там англичане», а у нас меж тем царит даже не свобода слова, а вакханалия злобного критиканства под маской свободы слова. Вот и выдумали очередную чудовищную подлость, лишь бы только еще чем-нибудь обгадить нашу недавнюю историю, и уж тем более имя Сталина. Ну, а что было в действительности?! А вот что.

Для начала позвольте привести аргументацию в разоблачение мифа о том, что-де Сталин предлагал западным странам расстрелять всех военных преступников без суда и следствия. Да, действительно, факт такого разговора в реальности имел место. Произошло это на Тегеранской конференции 1943 г. Однако это было отнюдь не

серьезное, а именно язвительно шутливое предложение Сталина. Сам Черчилль в своих мемуарах привел этот случай. Во время ужина лидеров «Большой тройки» в апартаментах Сталина разговор зашел также и о послевоенной судьбе нацистских военных преступников. Сделав абсолютно непроницаемое лицо, Сталин как бы на полном серьезе предложил, что после победы в войне необходимо как можно быстрее казнить немецких генералов и офицеров как военных преступников. И в заключение этой «мысли» заявил, что таковых должно быть не менее 50 тысяч. Импровизация Сталина имела серьезную подоплеку. К тому времени он уже прекрасно знал, что руководители США и особенно Великобритании отчаянно стремятся не допустить какого-либо международного суда над нацистскими военными преступниками, особенно над главарями Третьего рейха, и рьяно пытаются протащить идею о немедленном их расстреле, как только они попадут в плен. Из дальнейшего анализа читатели сами увидят, что тогда происходило. Вот Сталин и решил не столько подкузьмить союзничков, сколько в оригинальной форме дать им понять, что нельзя скатываться на такой путь. Необходимы лишь общепризнанные международно-правовые формы для сурового наказания нацистских военных преступников. Иначе это будет не возмездие за преступления, а уличная месть.

Увы, Черчилль далеко не сразу понял, что его подначивают по очень серьезному поводу. Надувшись, он с возмущением заявил: «Подобный взгляд коренным образом противоречит нашему английскому чувству справедливости! Англичане никогда не потерпят массовых казней!» Вот же «артист» хренов! Ведь именно он более всех настаивал на немедленной казни пойманных военных преступников без суда и следствия!

Надо отдать должное Рузвельту. Этот, судя по всему, мгновенно понял, что Сталин в курсе западных передраг по вопросу о наказании нацистских военных преступников, и потому неожиданно для англичан поддержал Сталина. Однако Черчилль, по-прежнему не понимая сути подначки и самого факта подначки, еще больше вознегодовал. Тогда Рузвельт не без элегантной издевки над своим британским коллегой заявил: «Необходимо найти компромиссное решение. Быть может, вместо казни пятидесяти тысяч военных преступников мы сойдемся на сорока девяти тысячах?»

Тут Черчилля, наконец-то, осенило, что над ним откровенно иронизируют — все-таки не зря еще в юношеские годы педагоги считали его туповатым, — и, обидевшись, вышел в соседнюю комнату и встал у окна. В мемуарах он затем указал, что внезапно почувствовал, как кто-то тронул его за плечо. Обернувшись, он увидел Сталина и Молотова. Улыбаясь, но глядя британскому бульдогу в глаза, Сталин сказал, что он пошутил, но резюме выдал серьезное: «Крепкая дружба начинается с недоразумений».

Вот что в действительности произошло и вот почему появился дурацкий миф о том, что-де Сталин предлагал союзникам казнить всех нацистских военных преступников без суда и следствия. В действительности же Сталин вплоть до конца войны был практически единственным из лидеров «Большой тройки», который с первых дней требовал гласного международного суда над нацистскими военными преступниками. И никогда не сходил с этой позиции. Реальный разговор о судьбе нацистских военных преступников между Черчиллем и Сталиным действительно состоялся. Только вот на этот раз не Сталин, а Черчилль на полном серьезе и без какой-либо тени намека на какую бы то ни было шутку предложил казнить их всех без суда и следствия. И тут же получил вразумляющий отлуп со стороны Сталина, который заявил, что «не должно быть казней без суда: в противном случае мир скажет, что мы их боялись судить». На это Черчилль возразил, мол, возникнут большие трудности международно-правового характера. И опять получил вразумляющий отлуп, ибо Сталин ответствовал, что «если не будет суда, они должны быть приговорены не к смертной казни, а к пожизненному заключению». Вот так «диктатор» Сталин преподал урок подлинной демократии главе правительства «старейшей демократии в мире». Ну а о том, как развивался этот вопрос на протяжении всей войны, далее будут свидетельствовать нижеприводимые факты.

В знаменитом заявлении Молотова 22 июня 1941 года уже содержалась идея уголовной ответственности германских фашистских правителей за развязывание агрессивной войны: «Вся ответственность за это нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германское фашистское правительство»^[13].

В декларации Советского правительства от 24 сентября 1941 года указывалось на недопустимость того, чтобы «шайка вооруженных до

зубов гитлеровских разбойников, возомнивших и объявивших себя высшей расой, безнаказанно громила города и села, опустошала земли, истребляла многие тысячи и сотни тысяч мирных людей во имя осуществления бредовой идеи господства гитлеровской банды над всем миром»^[14].

В нотах Советского правительства от 25 ноября 1941 года, от 6 января 1942 года и от 27 апреля 1942 года сообщалось о зверствах, превосходивших по своей жестокости все известное ранее в истории, и вся ответственность за них возлагалась на преступное гитлеровское правительство^[15]. В них подчеркивался систематический, заранее запланированный и санкционированный германским правительством и военным командованием характер этих преступлений и содержалось заверение, что Советское правительство и его органы ведут подробный учет злодейских преступлений гитлеровской армии.

В ноте от 27 апреля 1942 года на основании трофейных документов сообщалось, что планы и приказы фашистских захватчиков предусматривают всеобщее ограбление населения нашей страны, полное разрушение городов и деревень, захват земли, рабско-крепостнический труд и кабалу для советских людей, насильственный увод в Германию на принудительные работы нескольких миллионов советских граждан, ликвидацию русской национальной культуры и национальных культур народов Советского Союза, насилия, пытки и массовое истребление советского населения, военнопленных и партизан^[16]. В ноте заявлялось, что гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные преступления против народов СССР и против всех свободолюбивых народов^[17]. Неотвратимость уголовной ответственности гитлеровцев за их злодеяния нашла свое выражение и в совместной декларации правительства Советского Союза и правительства Польской Республики о дружбе и взаимной помощи от 4 декабря 1941 года. В ней устанавливалась неразрывная связь между наказанием нацистских преступников и обеспечением прочного и справедливого мира^[18].

Заявления об ответственности гитлеровцев за их злодеяния были сделаны также и правительствами Англии и США 25 октября 1941 года. При этом Ф. Рузвельт отметил, что зверства, применяемые фашистами, чтобы распространить свой «новый порядок», «могут

посеять только семена ненависти, которые в один прекрасный день приведут к суровому возмездию». У. Черчилль же подчеркнул, что «возмездие за эти преступления отныне должно стать одной из целей войны»^[19]. Обратите внимание на то, что Рузвельт дал какую-то общую формулировку, а верный «традициям» несносного британского словоблудия Черчилль и вовсе ляпнул нечто невразумительное. Потому что из его слов было непонятно, кому возмездие. Как выяснилось впоследствии, все эти лишь только внешне общие на первый взгляд заявления имели дальнюю стратегическую цель. Постепенно ее контуры стали вырисовываться.

В начале декабря 1941 года в ответе американскому послу при польском эмигрантском правительстве А. Биддлу по вопросу о наказании нацистских преступников государственный секретарь США заявил: «Мы не хотим в настоящее время связывать себя какими-либо совместными протестами против нарушения прав человека на оккупированных территориях»^[20]. Не правда ли, хороши заокеанские «демократы»?!

Поняв, правда, с небольшими интеллектуальными затруднениями, что зарвались, западные страны сделали «реверанс» принципу справедливого возмездия за преступления против человечества. 13 января 1942 года в Сент-Джеймском дворце в Лондоне собралась межсоюзническая конференция представителей девяти оккупированных нацистами стран с целью принять декларацию о наказании военных преступников^[21]. Заседание проходило в торжественной обстановке, в присутствии премьер-министров и членов правительств этих стран, министра иностранных дел Великобритании, послов СССР, США и Китая при эмигрантских правительствах и представителей некоторых других государств^[22]. В декларации, принятой конференцией, отмечалось, что Германия и ее союзники установили в оккупированных странах режим террора, выражающийся в массовых депортациях и убийствах мирного населения, казнях заложников, жестоких преследованиях, что находится в противоречии с общепринятыми взглядами и законами цивилизованных народов. От имени правительств девяти стран Декларация объявила, что:

— одной из основных целей войны является «наказание путем организованного правосудия тех, кто виновен и ответственен за эти

преступления, независимо от того, совершены ли последние по их приказу, ими лично или при их соучастии в любой форме»;

— подписавшие ее правительства «исполнены решимости в духе международной солидарности проследить за тем, чтобы виновные и ответственные, какова бы ни была их национальность, были разысканы, переданы в руки правосудия и судимы и чтобы вынесенные приговоры были приведены в исполнение»^[23].

Небезынтересно отметить, что правительства девяти стран, подписавших декларацию, обратились в конце июля 1942 года, в частности, к Ватикану с призывом сделать еще одно серьезное предупреждение виновникам злодеяний. Однако обращение девяти стран к Ватикану так и не нашло отклика со стороны папы Пия XII, хотя США и Англия провели определенный зондаж с целью добиться публичного выступления папы с осуждением фашистских зверств. В ответ Пий XII лицемерно заявил, что любые конкретные указания относительно зверств нацистов могут лишь ухудшить дело!^[24] Между прочим, такую политику Ватикан вел до конца войны, после чего попросту отпустил все грехи нацистов. Главный католик, не приведи Господь, если не того хуже!

СССР же твердо стоял на принципе неотвратимости сурового наказания нацистских преступников. В Заявлении Советского правительства от 14 октября 1942 года выражалась готовность поддержать практические мероприятия союзных правительств по наказанию военных преступников и указывалось на необходимость оказывать взаимное содействие в розыске, выдаче, предании суду и суровому наказанию гитлеровцев и их пособников, виновных в организации, поощрении или совершении преступлений на оккупированных территориях. В тексте Заявления, в частности, подчеркивалось: «Всему человечеству уже известны имена и кровавые злодеяния главарей преступной гитлеровской клики — Гитлера, Геринга, Гесса, Геббельса, Гимmlера, Риббентропа, Розенберга и других организаторов немецких зверств из числа руководителей фашистской Германии. Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии».

И вот после этого Заявления Советского правительства Великобритании и США показали себя во всей, так сказать, западно-демократической красе.

Советское предложение о создании международного трибунала для суда над главными военными преступниками было встречено в штыки правительствами США и Великобритании. К примеру, послу Великобритании в СССР «для его личной информации» была направлена специальная депеша по этому вопросу. В ней говорилось: «...Имеются серьезные возражения... против создания специального международного суда по делу главных военных преступников и что Гесс — не подходящая фигура для этой цели, поскольку он находился в Англии с 10 мая 1941 г., в то время как наиболее злостные преступления, включая и все те, что были совершены в России, были совершены позднее»^[25]. Ишь, как англосаксы забеспокоились! А причина была в следующем. Правительство Великобритании создало специальный комитет при военном кабинете по вопросу о военных преступлениях. В его состав вошли: лорд-канцлер Д. Саймон^[26], министр иностранных дел А. Иден, член британского военного кабинета сэр Стаффорд Криппс (бывший посол в СССР), постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кадоган, генеральный прокурор Д. Самервел, королевский адвокат Д. М. Файф и другие ответственные лица. По предложению английского правительства участие в работе комитета принимал и американский посол в Лондоне Д. Вайнант. 29 июля 1942 года комитет представил рекомендации, в которых говорилось: «Предложение о каком-либо международном суде для наказания военных преступников должно быть решительно отклонено. Уже достаточно хорошо выявились необязательность и нежелательность создания нового юридического органа для суда над военными преступниками. Комиссия должна быть органом по собиранию фактов и составлению периодических докладов правительствам Объединенных Наций и Сражающейся Франции...»^[27] Вот как!

Вопрос о предании главных военных преступников суду специального международного трибунала обсуждался 5 ноября 1942 года английским послом А. Кларком Керром в длительной беседе с И. В. Сталиным. Посол заверил главу Советского правительства, что пребывание Гесса в Англии не будет использовано правительством

Великобритании для заключения сепаратного мира с Германией, и пытался доказать нецелесообразность предания главных немецких преступников суду международного трибунала. А. Керр сообщал, что «хотя Сталин был удовлетворен этими заверениями, тем не менее, он не отказался ни в коей мере от своей идеи, что лидеры стран оси, виновные в военных преступлениях, должны быть судимы международным трибуналом»^[28]. 24 ноября этот вопрос обсуждался английским послом с наркомом иностранных дел СССР. В. М. Молотов согласился с А. Керром, что для учреждения такого трибунала необходимо и сотрудничество Соединенных Штатов, однако это не исключало предварительного обсуждения вопроса между правительствами СССР и Англии с целью достижения взаимопонимания. В. М. Молотов отнесся резко отрицательно к предложению посла наказать главных военных преступников после окончания войны не в соответствии с приговором международного трибунала, а в результате совместного политического решения^[29].

Постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган в декабре 1942 года вручил послу СССР И. М. Майскому памятную записку, посвященную вопросу о наказании военных преступников. Английское правительство, гласила она, придерживается точки зрения, что наказание **вражеских лидеров должно быть решено как политический вопрос совместно всеми Объединенными Нациями в конце войны, в то время как преступники не столь значительные должны быть судимы в местных судах заинтересованных стран**^[30].

Правительство США было полностью информировано о вышеупомянутых беседах и разделяло точку зрения Форин Офис^[31]. Вместе с тем оно, видимо, опасалось выступать официально против предложения Советского правительства относительно создания международного трибунала. Заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, комментируя на пресс-конференции заявление Советского правительства от 14 октября, выразил удовлетворение по поводу того, что Соединенные Штаты и Советский Союз сходятся относительно принципа, предусматривающего предание суду лиц, ответственных за страшные зверства. Он заявил, что, вероятно, все заинтересованные страны пожелают в ближайшее время принять

участие в консультации по вопросу о процедуре и организации подобного рода судебных процессов^[32].

Вопрос о наказании нацистских военных преступников постоянно находился в поле зрения Советского правительства. В докладе Сталина 6 ноября 1942 года определялись основы политики СССР по отношению к Германии. Подчеркивалось, что советский народ не ставит перед собой задачу уничтожения Германии, но преследует цель ликвидации фашистского государства и его вдохновителей, уничтожения гитлеровской армии, разрушения ненавистного «нового порядка в Европе» и наказания его инициаторов. «Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов»^[33], — отмечалось в докладе. Таким образом, задача справедливого и сурового наказания фашистских главарей стала важным элементом всей политики Советского Союза.

Англосаксонские же «союзнички» по антигитлеровской коалиции в это же время пытались навязать иную политику. К примеру, в ходе переговоров Ф. Рузвельта с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом в Вашингтоне в марте 1943 года был затронут и вопрос о наказании главных военных преступников. Государственный секретарь США К. Хэлл выразил надежду, что союзники смогут найти способ избежать длительных судебных процессов над фашистскими главарями после войны, что те, кто будет захвачен, должны быть тотчас же без шума расстреляны^[34]. Это заявление не встретило возражения ни со стороны Ф. Рузвельта, ни со стороны А. Идена. Вот это уже чисто западная «демократия»: нацистские мавры свое дело сделали и могут быть без шума расстреляны! Ну вот как тут не выругаться в адрес этих хреновых «демократов»?!

Продолжая свою принципиальную политику, Советское правительство в ноте от 11 мая 1943 года довело до сведения всех народов мира новые факты и документы о неслыханных злодеяниях, чинимых нацистами над угнанными в Германию советскими мирными гражданами, и заявило о неминуемом возмездии за эти преступления^[35].

12 октября 1943 года У. Черчилль направил Ф. Д. Рузвельту и И. В. Сталину письма, в которых предлагал принять декларацию,

предусматривающую возвращение гитлеровских палачей на места их преступления и суд над ними в соответствии с законами тех стран, против которых совершались эти преступления. Однако в предложенном английским премьер-министром проекте ничего не говорилось о наказании главных военных преступников, чьи преступления не связаны с определенным географическим местом. Напротив, указывалось, что декларация к ним не относится. Поэтому весьма важной была поправка, предложенная Советским правительством 25 октября 1943 года. Поправка предусматривала, что главные военные преступники «будут наказаны совместным решением правительств союзников»^[36]. Эта формулировка еще не предопределяла форму наказания — в результате суда или политического решения союзников, — поскольку у правительств трех великих держав не было к этому времени согласованного мнения по данному вопросу. Однако она временно заполняла правовой вакуум, который явно хотел сохранить Черчилль. И вовсе не случайно. По свидетельству Г. Трумэна, Черчилль вновь пытался убедить Сталина попросту расстрелять главных военных преступников без суда^[37]. Но ведь и США не отставали. Государственный секретарь США К. Хэлл впоследствии писал о своей позиции на Московской конференции министров иностранных дел стран антигитлеровской коалиции: «Если бы я выбирал путь, я бы предал Гитлера, Муссолини, Тодзио и их основных соратников военно-полевому суду. И на рассвете следующего дня произошел бы исторический инцидент»^[38]. И только под давлением Советского правительства, настаивавшего на судебном процессе^[39], была подписана «Декларация об ответственности гитлеровцев...». Проще говоря, у «союзничков» в голове постоянно вертелась мысль о каких-то гангстерских разборках — расстрелять без суда и следствия там, где поймают нацистских преступников, и баста! И все концы в воду!

Но Советский Союз не только добивался четкого формулирования принципов ответственности и наказания военных преступников, но и первым стал принимать практические меры для выполнения своих торжественных обязательств. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и

причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР^[40]. Указ предусматривал, что в задачу Чрезвычайной государственной комиссии входит полный учет злодейских преступлений нацистов и причиненного ими ущерба советским гражданам и социалистическому государству, установление личности немецко-фашистских преступников с целью предания их суду и суровому наказанию; объединение и согласование уже проводимой советскими государственными органами работы в этой области. Комиссии предоставлялось право поручать надлежащим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к преступным действиям оккупантов и их сообщников. Председателем комиссии был назначен секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник, ее членами — А. А. Жданов, писатель А. Н. Толстой, академики Е. В. Тарле, Н. Н. Бурденко, Б. Е. Веденеев, И. П. Трайнин, летчица В. С. Гризодубова, митрополит Киевский и Галицкий Николай.

16 марта 1943 года было утверждено положение о Чрезвычайной государственной комиссии, где сообщалось, что ЧГК собирает документальные данные, проверяет их и по мере необходимости публикует материалы о нацистских преступлениях и материальном ущербе, что она издает распоряжения и инструкции по вопросам, входящим в компетенцию комиссии. Указывалось, что в необходимых случаях ЧГК будет иметь своих уполномоченных в союзных республиках, которые будут подчиняться непосредственно ей. Предусматривалось, что к составлению актов должны привлекаться представители советских, хозяйственных, профсоюзных, кооперативных и других общественных организаций, рабочие, колхозники и служащие. Для ведения дел Чрезвычайной государственной комиссии создавался секретариат в составе:

- а) ответственный секретарь^[41],
- б) отдел по учету злодеяний, совершенных немецкими оккупантами и их сообщниками против граждан Советского Союза;
- в) отдел по учету ущерба, причиненного колхозам и совхозам;
- г) отдел по учету ущерба, причиненного промышленности, транспорту, связи и коммунальному хозяйству;

д) отдел по учету ущерба, причиненного кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям;

е) отдел по учету ущерба, причиненного культурным, научным и лечебным учреждениям, зданиям, оборудованию и утвари религиозных культов;

ж) отдел по учету ущерба, причиненного советским гражданам;

з) инспекторский отдел;

и) архив комиссии^[42].

3 апреля 1943 года был утвержден штат комиссии в количестве 116 человек и смета в сумме 2 млн 669 тыс. рублей.

В соответствии с положением от 16 марта 1943 года в республиках и областях также были созданы местные комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, которые действовали в тесном сотрудничестве и под руководством Чрезвычайной государственной комиссии^[43]. К началу 1944 года действовало 19 областных и республиканских комиссий^[44].

Чрезвычайная государственная комиссия сразу же приступила к работе и собрала массу доказательств преступлений фашистских захватчиков. В работе по составлению актов о преступлениях гитлеровцев и установлению ущерба, причиненного захватчиками, приняло участие свыше 7 млн человек — рабочих, колхозников, инженеров, техников, деятелей науки, культуры, священнослужителей и др.^[45] Акты составлялись в соответствии с подробно разработанными Чрезвычайной государственной комиссией инструкциями о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и по установлению размеров ущерба. Чрезвычайная государственная комиссия рассмотрела и изучила 54 тыс. актов и свыше 250 тыс. протоколов опросов свидетелей и заявлений о злодеяниях фашистов. По данным этих документов, только на территории Советского Союза фашистские палачи убили и замучили во время оккупации миллионы мирных советских граждан и военнопленных. Комиссия рассмотрела около 4 млн актов об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками, который составлял 679 млрд рублей (лишь прямой ущерб). На основании материалов расследований Чрезвычайная государственная комиссия составила список руководителей и

непосредственных исполнителей преступлений немецких захватчиков, а также лиц, эксплуатировавших советских людей.

Опираясь на многочисленные акты, документы, вещественные доказательства, Чрезвычайная государственная комиссия опубликовала за время своей работы 27 сообщений о злодеяниях гитлеровцев, совершенных ими на территории СССР и Польши. Эти сообщения и опубликованные комиссией два тома документов еще раз показали всему миру звериное лицо фашизма, представлявшего смертельную опасность для всего человечества^[46]. Акты и сообщения Чрезвычайной государственной комиссии стали одним из важнейших доказательств обвинения в Нюрнберге. Сотрудник комиссии С. Т. Кузьмин был включен в состав советской делегации на процессе.

Собранные ЧГК материалы уже в 1943 году позволили провести судебные процессы над военными преступниками в Харькове и Краснодаре^[47]. А в 1945 — 1946 годах и в других городах — Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске, Брянске, Великих Луках и др. При этом особо следует отметить роль судебного процесса в Харькове как первого юридического прецедента наказания нацистских военных преступников. Этот процесс являл собой реализацию деклараций союзников о наказании военных преступников и придавал необратимый характер правительственным заявлениям. В то же время харьковский процесс оказал своего рода давление на правительства союзников, делая невозможным отказ от проведения подобных процессов. Именно здесь впервые со всей определенностью было заявлено, что ссылка на приказ начальника не освобождает от ответственности за совершение военных преступлений.

Небезынтересно отметить, что посол США в СССР А. Гарриман в донесении госдепартаменту подчеркивал, что «процесс не оставляет сомнения в намерении советских властей привлечь к ответственности германское правительство и верховное командование за преступления и зверства, совершенные их именем и по их приказу». Он сообщал также, что американские корреспонденты, присутствовавшие на харьковском процессе, были убеждены в виновности обвиняемых, обоснованности предъявленных обвинений и отмечали строгое соблюдение судом юридических норм^[48]. Посол рекомендовал использовать этот случай для проведения широкой кампании протестов против военных преступников.

Однако ни госдепартамент, ни военное министерство не только не сочли нужным поддержать это предложение, но даже выразили серьезную озабоченность^[49]. Вопрос рассматривался Лондонским политическим военно-координационным комитетом, который решил, что следует в любом случае избегать повторения процессов, «на которых бы делались заявления, что они входят или выходят за рамки Московской декларации»^[50]. Правящие круги Англии и США опасались, как бы их не заподозрили в причастности к осуществлению практических мер по наказанию военных преступников, проводимых Советским правительством. Хуже того. На Западе стали раздувать миф о том, что-де в СССР якобы проводится политика массовых казней, в связи с чем стали выражать деланные «беспокойства» и «опасения»^[51].

Правительства Англии и США по-прежнему не торопились, например, с организацией Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям, о создании которой было объявлено еще в октябре 1942 года^[52]. Такая политика западных держав вызвала серьезную критику и давление со стороны прогрессивных сил. Поняв, что далее уже просто нелепо уклоняться от решения вопроса о наказании нацистских преступников, 20 октября 1943 года на встрече представителей союзных стран и доминионов, состоявшейся в Лондоне, была учреждена Комиссия Объединенных Наций по военным преступлениям. Однако ее первое заседание состоялось только 18 января 1944 года^[53]. В состав Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям вошли представители 17 стран. Советский Союз участия в работе комиссии не принимал, так как его Чрезвычайная государственная комиссия успешно выполняла те же задачи, что и Комиссия Объединенных Наций.

В задачу Комиссии Объединенных Наций входили сбор и изучение доказательств военных преступлений и сообщение о них союзным правительствам, а также разработка рекомендаций по процедуре наказания военных преступников. В компетенцию комиссии не входило непосредственное расследование военных преступлений на местах. Все материалы она получала от национальных органов. Комиссия лишь определяла, достаточно ли имеется доказательств виновности того или иного лица для включения его в список военных преступников. Комиссия не имела полномочий возбуждать уголовные дела против преступников или судить их. Все это относилось к

компетенции национальных органов. Для выполнения своих функций комиссия создала три основных комитета: комитет по фактам и доказательствам (для составления списка военных преступников и собирания документальных доказательств), комитет по санкциям (для разработки мер по обеспечению расследования, ареста, суда и наказания лиц, виновных или ответственных за военные преступления) и юридический комитет (для консультаций комиссии и заинтересованных правительств по юридическим вопросам). Кроме того, были созданы комитет по финансам, исследовательский и издательский комитеты^[54]. Но основная работа комиссии в ходе ее деятельности сосредоточилась в комитете по фактам и доказательствам. Английское предложение создать параллельно с комиссией и независимо от нее технический комитет для разработки принципов наказания военных преступников вызвало энергичное сопротивление.

Однако очень быстро западная политика двойных стандартов, за которой явственно проглядывалось откровенное нежелание участвовать в наказании нацистских преступников, вошла в открытую конфронтацию с деятельностью этой комиссии. Дело в том, что, получая в процессе работы многочисленные сообщения из разных стран о зловещих преступлениях оккупантов, комиссия встала перед необходимостью расширения рамок своей деятельности. Но правящие круги США и Англии стали оказывать давление на Комиссию Объединенных Наций по военным преступлениям, препятствуя активизации ее деятельности и тормозя всю ее работу. Так в мае 1944 года, по инициативе американского представителя Г. К. Пелла, комиссия единогласно решила обратиться в Форин Офис с предложением распространить компетенцию комиссии на преследование за преступления, совершенные фашистами против своих сограждан по национальным, религиозным или политическим мотивам. При этом имелось в виду, что правительство Великобритании выступит в качестве инициатора дискуссии по данному вопросу среди правительств Объединенных Наций. Как вы думаете, каков же был ответ? Отрицательный ответ министра иностранных дел Англии А. Идена пришел лишь через пять месяцев. Но в сентябре 1944 года и вновь единогласно комиссия приняла решение рекомендовать создание трибунала Объединенных Наций для суда и наказания главных

военных преступников^[55]. Председатель комиссии сэр С. Херст, выступая в прениях, отрицательно отозвался об этом проекте, но голосовать против него не решился. На этот раз Идену для отрицательного ответа потребовалось три месяца. В октябре 1944 года комиссия ходатайствовала перед Форин Офис о созыве межсоюзнической конференции по проблеме наказания военных преступников, но и это предложение успеха не имело^[56].

Раздраженное активностью комиссии и желая укрыться от справедливой критики за спиной США, английское правительство сделало хитрый шаг. В памятной записке английского посла в Вашингтоне от 26 декабря 1944 года говорилось следующее: «Некоторые члены комиссии, видимо, придерживаются точки зрения, что рекомендации комиссии игнорируются правительством его Величества, и, очевидно, пришли к заключению, что правительство его Величества не желает преследовать военных преступников слишком уж усердно... Было бы весьма желательно, если бы правительство его Величества было в состоянии заявить, что... правительство США разделяет его точку зрения»^[57]. Госдепартамент США также игнорировал рекомендации комиссии и даже не отвечал на ее запросы^[58].

Дальше обструкционистская политика США и Великобритании потекла в русле юридической казуистики, чем западные «демократии» всегда славились. К примеру, когда на комиссии было выдвинуто предложение об обвинении лидеров стран «оси» в подготовке и развязывании Второй мировой войны и квалификации этих деяний как тягчайшего преступления, то большинство членов комиссии под давлением своих правительств высказалось не только против такого предложения. Они заявили, что-де в настоящее время агрессивную войну можно рассматривать лишь как грубое нарушение элементарных принципов международного права, но не как международное преступление!? И в дальнейшем неоднократные попытки узаконить эту юридическую мысль приводили к тому, что под давлением правительств США и Англии развязывание и ведение агрессивной войны не признавалось тягчайшим военным преступлением.

Еще весной 1944 года ответственные чиновники Форин Офис в ходе переговоров с заместителем государственного секретаря Э. Стеттиниусом признавали, что в стране существует «меньшинство на

крайне правом фланге, которое рассматривает большевизм как подлинную угрозу Европе и отстаивает необходимость сильной Германии после войны»^[59]. Не решаясь выступать открыто за сотрудничество с фашистскими режимами, именно эти силы выдвигали всякого рода аргументы с целью предотвращения суда над немецкими военными преступниками и облегчения их участи. Они всячески старались доказать, что не существует юридического основания для суда над немецкими военными преступниками, вплоть до того, что была выдвинута идея территориальной юрисдикции, в соответствии с которой граждан стран «оси» могут судить лишь их собственные суды. Противники наказания военных преступников выдвигали много других аргументов, из которых наиболее распространенными были следующие:

1. События международной политики не могут быть предметом юридических решений, а поскольку война — средство политики, то к уголовной ответственности за ее развязывание привлекать нельзя.

2. Принципы *nolumus crimen sine lege*^[60] и *ex post facto*^[61], то есть что в 1939 году агрессивная война не считалась еще международным преступлением, и, следовательно, привлечение к уголовной ответственности тех, кто развязал Вторую мировую войну, было бы нарушением этих основных принципов права.

3. Доктрина государственного акта, в соответствии с которой все действия, предпринятые от имени государства, не подлежат суду третьего государства, доктрина, исходящая из признания абсолютного суверенитета государства, не связанного никакими нормами международного права.

4. Принцип иммунитета глав государств, в соответствии с которым глава государства мог быть осужден лишь национальным судом.

5. Преступное действие, совершенное в соответствии с приказом начальника, не может рассматриваться как преступление.

В результате получался замкнутый круг — глав государств судить нельзя, у них иммунитет, правительство и военное командование действовали от имени государства — следовательно, неподсудны, а все остальные преступники действовали в соответствии с приказами и также не отвечали за свои действия.

На Западе не только отрицали юридическую правомерность наказания военных преступников, но договаривались даже до того, что немецкие фашисты не несут и моральную ответственность за свои чудовищные преступления. Так, в английском журнале «Раунд тебл» (судя по всему, журнал принадлежал британской масонской ложе «Круглый стол») была опубликована статья (без подписи), в которой утверждалось, что немецкие руководители, развязавшие войну в 1939 году, не несут за это моральной ответственности, так как в то время якобы не существовало решительного осуждения войны. В статье не признавалась моральная ответственность и тех, кто совершал преступления, действуя в соответствии с приказом начальника. Наказание фашистских преступников в целях предотвращения подобных преступлений в будущем авторы не считали морально оправданным. В статье утверждалось, что фашистским главарям и даже сотрудникам гестапо будет трудно, если не невозможно, предъявить юридические обвинения, так как они «не являются преступниками ни с точки зрения международного, ни с точки зрения государственного права»^[62].

Особенно старалось католическое духовенство и католическая печать Англии, озабоченные проблемой создания «дружественной Германии», оплота антикоммунизма, требовали «милосердия» к фашистским преступникам, взывали к «всепрощению». Католические епископы Англии, Уэльса и Шотландии в своем заявлении от 22 февраля 1945 года писали, что «карающий мир принес бы вред нациям-победительницам»^[63].

Архиепископ Кентерберийский не только призывал к прощению врагов, но и выражал «опасение», что страны-жертвы будут применять суды Линча по отношению к поверженным противникам^[64].

Сравните позицию католического духовенства и Русской православной церкви. За наказание военных преступников выступали и представители православной церкви. Поместный собор Русской православной церкви, избравший Патриарха Московского и всея Руси, обратился 2 февраля 1945 года к христианам всего мира с призывом бороться за суровое и справедливое наказание гитлеровских преступников. Этот призыв был поддержан и представителями всех православных автокефальных церквей, присутствовавшими на соборе. Они осудили попытки тех, особенно Ватикана, кто в своих

выступлениях стремился оградить фашистскую Германию от ответственности за совершенные ею преступления и взывал к милосердию по отношению к гитлеровским преступникам^[65].

Некоторые американские и английские политики и юристы предлагали предоставить наказание военных преступников самим немцам, чтобы не вызывать в них «враждебных чувств к союзникам»^[66]. Более того. Стали предприниматься попытки прямого выведения нацистских преступников даже из-под угрозы наказания. Так, была предпринята попытка исключить из круга военных преступников всех квислинговцев и лиц, виновных в массовом истреблении своих сограждан по расовым, политическим и религиозным мотивам^[67]. Хуже того, дело докатилось до того, что руководство комиссии стало отказываться от внесения в этот список самого Гитлера. Отвечая на вопрос, включен ли Гитлер в список военных преступников, председатель комиссии сказал: «Я вынужден отказаться отвечать на вопросы об отдельных военных преступниках»^[68]. И даже когда его уволили с этого поста, председатель комиссии все равно утверждал следующее: «Несомненно, Гитлер — военный преступник. Я не вижу другого решения вопроса. Тем не менее, комиссия, действуя в соответствии с директивами, не включила нацистских лидеров в число нескольких сот военных преступников, против которых после года работы уже было подготовлено обвинение»^[69]. Вот так ангlosаксы пытались спасти от сурового, но исключительно справедливого возмездия своих подопечных — главарей нацистского режима Германии!

Вплоть до конца 1944 года правительства США и особенно Англии весьма неохотно шли на практические действия по подготовке суда и наказания военных преступников. Раньше это пытались объяснить тем, что союзники по-разному относились к войне. Для Советского Союза его противником была не просто Германия, но прежде всего германский фашизм, наиболее реакционная, шовинистическая форма империализма. Для правящих кругов Запада это была борьба за сохранение своей государственности, за устранение Германии и Японии как империалистических конкурентов и восстановление там старых порядков, свободных от «крайностей фашизма». Все это, конечно, имело место быть. Однако в действительности все было гораздо проще.

Прежде всего и, во-первых, следует твердо помнить, что германский национал-социализм и его фюрер Адольф Гитлер — прямое порождение открытой и особенно тайной политики Великобритании и США. Более того. Это прямое порождение Версальского договора 1919 г., которым якобы завершилась Первая мировая война. Хуже того. Адольф Гитлер и германский национал-социализм злоумышленно были приведены к власти в Германии именно же стараниями США и особенно Великобритании. Приведены к власти именно с той целью, чтобы они развязали войну против СССР ради его уничтожения во имя реализации идеи установления англосаксонского господства во всем мире, чего Гитлеру, естественно, не сообщали.

Во-вторых, перед нападением на СССР Великобритания гарантировала Гитлеру безнаказанность однофронтного разбоя на Востоке вплоть до 1944 года. И именно соблюдению этой договоренности были посвящены все действия правительства Великобритании, вплоть до того, что Черчилль нередко шел наперекор политике Рузвельта, который не во всех деталях знал об этой подлой договоренности. Именно по этой причине Великобритания отчаянно боролась против открытия второго фронта в 1941—1943 годах, навязывая к тому же совершенно бессмысленные его варианты. И лишь только тогда, когда на Западе наконец-то поняли, что СССР и без «союзничков» в пух и прах разгромит Третий рейх и станет единственным победителем и освободителем в этой войне, который единолично будет сурово, но в соответствии с международным правом карать нацистских преступников, правительства Великобритании и США скрепя зубами пошли и на открытие второго фронта и создание международного суда для нацистских преступников. Потому как поняли, что если Советский Союз осуществит это справедливое правосудие в одиночку, то не только десятикратно увеличит свой международный авторитет главного победителя и освободителя, но и на весь мир разоблачит всю грязную, но именно же англосаксонскую подноготную Второй мировой войны. И не надо думать, что это какой-то перебор со стороны автора. Не автор, а именно же сами англосаксы еще в 1945 году совершенно однозначно раскрыли все свои карты, причем именно так, как автор их и описал. У нас едва ли столь уж широко известно, что, прекрасно зная, что конкретно натворило

против мира и человечества Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии в своем безумно преступном стремлении разжечь Вторую мировую войну и повернуть ее на Восток, самым последним — в мае 1945 года — из правительств государств антигитлеровской коалиции согласившееся на проведение международного суда над нацизмом и нацистскими военными преступниками. Правительство Их Британских Величеств самым первым выдвинуло жесткое требование о резких ограничениях на свободу слова для подсудимых Нюрнбергского трибунала! Знаете, чего оно больше всего опасалось?! «Обвинений против политики Великобритании вне зависимости от того, по какому разделу Обвинительного акта они возникают»!^[70] Но особенно британская сторона опасалась обвинений в адрес «так называемого британского империализма XIX в.» Так оно и говорилось в английском меморандуме от 9 ноября 1945 года!^[71]

Но ладно бы только британское правительство так засуетилось. А то ведь куда рак с клешней, туда же и конь с копытом. Американский представитель на Нюрнбергском процессе Р. Джексон, не моргнув глазом заявил то же самое: «Я полагаю, что этот процесс, если на нем будут допущены дискуссии о политических и экономических причинах возникновения войны, может принести неисчислимый вред как Европе... так и Америке»^[72].

О каком же неисчислимом вреде Европе и Америке изволил говорить Джексон?! Ведь давно подмечено, что если по обе стороны Атлантики начинают говорить в унисон об одном и том же, то как минимум не спроста. А тут ведь не только в унисон, а чуть ли не дословное совпадение.

Но тут нам поможет сам Черчилль. Разъясняя роль Запада в разжигании Второй мировой войны, он охарактеризовал ее следующим образом: «В истории, которая, как говорят, в основном представляет собой список преступлений, безумств и несчастий человечества, после самых тщательных поисков мы вряд ли найдем что-либо подобное такому внезапному и полному отказу от проводившейся пять или шесть лет политики благодушного умиротворения и ее превращению почти мгновенно в готовность пойти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях и в самых больших масштабах»^[73]. Это он насчет того, что вытворяли

западные «демократии» в межвоенный период, когда СССР едва ли не круглосуточно пытался достучаться до их сознания, предлагая создать действенную систему коллективной безопасности и противодействия нацистской агрессии. Увы, западные «демократии» делали вид, что не слышат. Так что все верно сказал У. Черчилль. Список преступлений, безумств и несчастий человечества, которые натворили западные «демократии», был столь безумно обширен, что именно они-то и занялись тем, чтобы противодействовать подлинному правосудию Нюрнбергского трибунала. Надеюсь теперь понятно, чего они боялись, противодействуя созданию механизма сурового возмездия нацистским преступникам?!

А что касается непосредственного создания Международного военного трибунала для суда над главными немецкими военными преступниками, то здесь следует отметить выдающийся вклад советской юридической науки. Ученые Советского Союза еще в сентябре 1943 года собрались на специальную сессию Академии наук, посвященную ответственности фашистской Германии за злодеяния и ущерб, нанесенный агрессией. Основные доклады были сделаны академиками И. П. Трайниным и Е. В. Тарле, в прениях выступили члены Государственной чрезвычайной комиссии академики Б. Е. Веденеев, Н. Н. Бурденко, А. Н. Толстой и др.^[74] В трудах советских ученых А. Н. Трайнина, Н. Н. Полянского, И. П. Трайнина, В. Н. Дурденевского, Д. Б. Иевина, Е. А. Коровина, Б. С. Маньковского и других были теоретически разработаны материально-правовые и процессуальные вопросы суда и наказания военных преступников. Советские юристы выдвинули и научно обосновали идею уголовной ответственности за подготовку и развязывание агрессии, доказали несостоятельность применения доктрин государственного акта, приказа начальника и территориальной юрисдикции к военным преступникам. Государство и народ в целом могут нести лишь политическую и материальную ответственность, но не уголовную; уголовная неуязвимость государства за развязывание войны и совершенные в ходе ее преступления обуславливает уголовную ответственность лиц, в руках которых сосредоточилась власть в государстве, и конкретных исполнителей военных преступлений — таков был главный вывод, сделанный советской юридической наукой.

Еще в феврале 1943 года известный советский ученый Н. Н. Полянский представил Чрезвычайной государственной комиссии проект «Организации уголовного преследования за преступления, связанные с войной»^[75]. В нем указывалось, что гитлеровское руководство, ответственное за посягательства на самые устои международного мира и установленную соглашениями систему международных отношений, должно предстать перед международным уголовным судом. Подчеркивалось, что только приговор такого суда прозвучит как «слышный всему человечеству голос мирового общественного мнения»^[76]. Полянский отмечал, что основное назначение такого суда заключается в том, чтобы «вскрыть все пружины заговора, который привел к еще небывалому в истории потрясению всех устоев достигнутой человечеством культуры, чтобы проследить щупальцы страшного чудовища гитлеризма и извлечь их из тела тех государств, в которые они уже успели проникнуть, чтобы явить миру... со всей возможной объективностью леденящую ужасом картину человеческих зверств, совершенных вероломными зачинщиками войны»^[77].

Как только этот справедливый замысел был опубликован, тут же западные «доброхоты» нацизма резво засустились. дабы спасти от сурового возмездия не столько даже самих нацистских преступников, сколько самих себя.

В проекте со всей подробностью характеризовалась организация такого суда, процедура расследования и слушания дела. Н. Н. Полянский подчеркивал при этом, что даже в соответствии с немецкими законами главные военные преступники подлежат суду тех стран, против которых они планировали и направляли эти чудовищные преступления^[78]. Работы советских ученых и в первую очередь А. Н. Трайнина публиковались не только советской, но и зарубежной прессой и находили положительный отклик среди прогрессивных юристов мира^[79]. Заслуги советских ученых в разработке идеи уголовной ответственности за развязывание агрессивной войны, идеи, положенной в основу устава Нюрнбергского процесса, признавали даже реакционные деятели^[80].

В результате массированных усилий Советского Союза и прогрессивной мировой общественности советское предложение о проведении международного суда над главными военными

преступниками стало не только преобладающим, но и единственным. Более того. Даже на Западе поняли, наконец, что нацистские военные преступники должны быть судимы и наказаны приблизительно так, как это было сделано русскими^[81].

Однако, понимая неизбежность наказания военных преступников, западные державы в буквальном смысле слова отчаянно сопротивлялись организации публичного международного судебного процесса, на котором ущерб мог быть причинен далеко не одной только фашистской Германии. Они понимали, что гитлеровское руководство настолько скомпрометировало себя, что не может пригодиться ни в каких политических комбинациях. Личная судьба этих преступников и негодяев уже не волновала их, и они не возражали против того, чтобы справедливое возмездие настигло их. Но публичный процесс, на котором бы подсудимые получили право защищаться с помощью опытных адвокатов и предъявлять документы и свидетелей, таил в себе сплошь негативные для Запада неожиданности. На Западе резонно и всерьез опасались, что на международном процессе вскроются позорные для западных держав страницы истории международных отношений. Проведение процесса таило в себе и другую опасность — установление прецедента привлечения к уголовной ответственности глав государств за развязывание агрессивной войны в будущем. Особенно опасались такого процесса правящие круги Великобритании. Они понимали, что в ходе публичного разбирательства неизбежно встанут вопросы об их предвоенной политике сговора с фашистской Германией, подталкивания ее к войне против Советского Союза, в частности мюнхенское предательство. У. Черчилль, выступая в палате общин 4 октября 1944 года, отметил: «Нет уверенности, что для таких преступников как Гитлер, Геринг, Геббельс и Гиммлер, следует принять процедуру суда»^[82].

Еще более определенно высказался А. Иден в письме, направленном Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям: «Правительство его Величества глубоко сомневается, особенно принимая во внимание фактор времени, в желательности и целесообразности учреждения межсоюзнического договора на этот счет»^[83]. 28 марта 1945 года Иден заявил в палате общин, что, если

английские солдаты захватят Гитлера, они могут сами решить, застрелить ли его на месте или привести живым^[84].

20 марта 1945 года лорд Эддисон, изучавший данную проблему по поручению палаты лордов, отметил, что наказание главных военных преступников имеет первостепенное значение, но в то же время высказался решительно против предания их международному суду. «Я совершенно уверен, — заявил он, — что если метод суда будет принят в вопросе наказания главных военных преступников, мир столкнется с серией длительных процессов, идущих один за другим, которые в конце концов вызовут чувство отвращения и омерзения у любого человека. Я искренне надеюсь, что этот метод не будет принят... Чрезвычайно важно, чтобы главные военные преступники были названы и наказаны решением союзников^[85]. Эту точку зрения поддержали граф Пирс, лорд Моэм и особенно архиепископ Йоркский, который буквально раскрыл все карты: «Я бы хотел видеть этих людей вне закона. Не следует организовывать публичный процесс со всеми его сенсациями и возбуждением. Те, кто поймает их, должны после установления личности сразу же предать их смерти»^[86]. Выступивший в заключение прений лорд-канцлер Д. Саймон полностью одобрил такую линию^[87]. Англичане упорно гнули свою линию на то, чтобы попросту расстрелять нацистских преступников, особенно главарей, не устраивая никакого следствия и уж тем более судебных процессов. Аналогичную позицию занимали и руководящие политические деятели США. За казнь без суда выступали государственный секретарь США Корделл Хэлл, председатель Верховного суда США Х. Ф. Стоун, министр финансов Г. Моргантау и даже сам президент США Ф. Д. Рузвельт^[88].

Такая точка зрения находила, увы, сторонников не только в правящих кругах. Ее придерживались даже искренние противники фашизма, многим из которых такое решение казалось весьма радикальным и справедливым. Ведь суд — это спор между обвинением и защитой о том, виновен или не виновен подсудимый. Но какие могут быть споры по поводу виновности нацистских главарей? Полагая целесообразным исключить бесполезную, по их мнению, трату времени на судебное разбирательство, они предлагали простое, на их взгляд, решение: расстрелять гитлеровское правительство на основании согласованного административного акта!^[89]

Однако предложение о замене судебного процесса административным решением не могло удовлетворить Советское правительство. Как, впрочем, и большинство принципиальных противников нацизма, придававших огромное значение именно гласному публичному процессу. Суммарная казнь на основе административного решения могла отвечать лишь цели возмездия за преступления, могла быть лишь заключительным актом войны. Но, будучи сама по себе противоправной, она нанесла бы ущерб укреплению законности и безопасности в послевоенном мире. И что самое важное, народы мира стремились к полному и окончательному разгрому фашизма, не только военному, но и морально-политическому. Этой цели отвечал только гласный судебный процесс над нацистскими главарями.

Неуклонно следуя своей линии обеспечения быстрого и справедливого суда и наказания военных преступников, правительство Советского Союза включило в соглашения о перемирии с Финляндией, Румынией и Болгарией пункты, предусматривающие сотрудничество правительств этих стран с Советским главнокомандованием по задержанию лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суду над ними^[90]. Одновременно правительство СССР призвало нейтральные страны закрыть границы для военных преступников. Так, например, 29 июля 1943 г. Советское правительство направило правительствам Турции и Швеции ноту, содержащую призыв не предоставлять убежища Муссолини и другим преступникам войны. Советское правительство заявило, что оно «будет рассматривать предоставление убежища, помощь или содействие таким лицам как нарушение принципов, за которые борются Объединенные Нации и которые они решили осуществить всеми средствами, имеющимися в их распоряжении»^[91].

Ни президент США Ф. Д. Рузвельт, ни премьер-министр Великобритании У. Черчилль не смогли игнорировать широкий международный резонанс действий Советского правительства. И со своей стороны, вынуждены были предупредить нейтральные страны, что предоставление убежища главным военным преступникам и их помощникам несовместимо с принципами, за которые ведут борьбу Объединенные Нации, выразив одновременно надежду, что ни одно

нейтральное правительство не разрешит использовать свою территорию для сокрытия военных преступников^[92].

Небезынтересно отметить, что аналогичная нота была направлена Ватикану. Однако папа Пий XII, так же как правительства Турции, Швейцарии и Аргентины, отказался дать заверения, что Ватикан не предоставит убежища военным преступникам^[93]. После крушения фашизма в Италии и позднее, после поражения нацистской Германии, многие военные преступники укрылись в Ватикане. Постепенно с подложными документами различных «благотворительных» католических организаций их отправляли в страны Южной Америки, спасая от справедливого суда^[94].

Тем не менее наиболее влиятельные деятели Великобритании по-прежнему пытались вывести из-под уголовного преследования нацистских преступников, в том числе и главарей Третьего рейха. В этом плане весьма характерен составленный лордом-канцлером Англии Д. Саймоном по поручению военного кабинета Великобритании и его главы У. Черчилля меморандум от 4 сентября 1944 года. В нем наряду с неуместным упованием на то, что главные военные преступники будут уничтожены либо самими немцами, либо покончат самоубийством, лорд-канцлер, который в свое время дал «зеленый свет» агрессии Гитлера на Восток, указал, что «метод судебного процесса, обвинения и юридического приговора совершенно непоходящ для ведущих и наиболее злонамеренных лидеров, таких, как Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс и Риббентроп. Помимо огромных трудностей, связанных с созданием суда, формулированием обвинения и сбором доказательств, вопрос об их судьбе — политический, а не юридический»!? Более того. Саймон по-прежнему настаивал на внесудебной негласной расправе над главарями Третьего рейха, считая, что «этот метод будет единственным заслуживающим одобрения и оправданным в деле с небольшой группой лидеров, о которых известно, что они несут ответственность за руководство войной, и которые имели полномочия ставить отдавать распоряжения, утверждать или потворствовать чудовищным злодеяниям, которые были совершены»^[95]. Вот объясните, пожалуйста, как после всего этого называть эту тварь, которая именовалась лордом-канцлером?!

Фактически одновременно в правительственных кругах США и Англии были составлены два документа, решительно отвергавшие

идею проведения международного судебного процесса над главными военными преступниками и предлагавшие казнь нескольких нацистских лидеров на основе административного решения союзников. Этот вопрос рассматривался президентом США и премьер-министром Великобритании на заседании II Квебекской конференции 15 сентября 1944 года. При этом было решено направить главе Советского правительства предложения лорда-канцлера Саймона, как выражающие точку зрения правительств США и Англии^[96]. В соответствии с этим решением У. Черчилль составил проект телеграммы И. В. Сталину, в котором излагались основные принципы меморандума Саймона и содержались некоторые комментарии к ним. Английский премьер-министр писал: «Не находите ли Вы, что следовало бы подготовить список, включающий, скажем, 50 или 100 лиц, чья ответственность за руководство или санкционирование всех преступлений и зверств установлена самим фактом их высоких официальных постов? Этот список не был бы, конечно, окончательным. Новые имена могли бы добавляться в любое время»^[97].

У. Черчилль предложил на выбор два варианта — решать совместно судьбу каждого из нацистских лидеров, как только они попадут в руки союзников, или заранее составить список таких лиц, которых любой офицер в ранге генерала после установления их личности распорядится расстрелять в течение часа, не докладывая командованию. Мотивировалось преимущество этого метода следующим: как только список главных военных преступников будет опубликован, массы германского народа поймут, что между ними и их руководителями союзники видят большое различие, что в свою очередь приведет к подрыву авторитета и влияния руководства, восстановит немецкий народ против них и таким образом поможет разгрому Третьего рейха^[98].

Правда, Черчилль струхнул отправить такую телеграмму Сталину. Вместо этого он с А. Иденом в октябре 1944 года отправился в Москву с целью добиться санкционирования Квебекского соглашения Советским Союзом. Во время этого визита впервые Советскому правительству был предложен англо-американский план расчленения Германии, одобренный в Квебеке. Однако ни в Москве, ни на каких-либо других международных совещаниях англо-американской

дипломатии не удалось навязать свои планы Советскому Союзу. Окончилась провалом также попытка английского премьер-министра заручиться согласием Советского правительства с предложениями, изложенными в меморандуме Саймона от 4 сентября 1944 года и одобренными Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. В беседе с Черчиллем Сталин однозначно подчеркнул, что наказание главных военных преступников должно быть осуществлено в соответствии с решением суда!^[99]

Притихнув на время, ангlosаксы вновь вернулись к попыткам вывести нацистских преступников из-под уголовного преследования по суду на Ялтинской конференции 1945 года, на которой Черчилль вновь стал настаивать на внесудебной казни нацистских преступников. В ответ Сталин вновь указал, что главные военные преступники должны предстать перед судом. На Крымской конференции президент США занял двойственную позицию. С одной стороны, не отрицал необходимость наказания. Но в то же время пытался протащить идею о том, что-де процедура суда «не должна быть слишком юридической». Более того, настаивал на том, чтобы «при всяких условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы»!^[100]

Короче говоря, вплоть до завершения Крымской конференции только СССР и Сталин, как глава Советского правительства, были единственными, кто жестко, последовательно и принципиально защищал идею проведения международного судебного процесса над главными военными преступниками. В конечном итоге именно твердая позиция Советского Союза привела к коренному изменению ситуации. США, в частности, хотя и не без двойственного подхода, но все-таки принялись за разработку идеи международного трибунала и организации его работы.

Однако Великобритания по-прежнему в буквальном смысле отчаянно пыталась противодействовать реализации этой идеи. И даже тогда, когда США всерьез, казалось бы, взялись за разработку идеи о международном суде над нацистскими преступниками, а произошло это в середине марта 1945 года, и направили в Лондон соответствующего представителя, У. Черчилль и лорд-канцлер Д. Саймон по-прежнему решительно настаивали на том, чтобы незамедлительно казнить шесть-семь нацистских главарей. По их мнению, это было предпочтительнее, нежели длительный судебный

процесс. К примеру, Д. Саймон, не стесняясь, выразил свою точку зрения следующим образом: «...Я обеспокоен перспективой длительного процесса, в ходе которого будут обсуждаться разного рода вопросы — юридические и исторические, — могущие привести к существенным противоречиям и спорам в мире, к непредвиденной реакции»^[101]. Проще говоря, руководители Великобритании по-прежнему настаивали на немедленной казни нацистских преступников, особенно главарей Третьего рейха, лишь бы только концы в воду. В конце концов эта позиция нашла свое отражение даже в правительственном меморандуме Великобритании от 23 апреля 1945 года, в котором говорилось: «Правительство его Величества внимательно обсудило аргументы, которые были высказаны в пользу какой-либо из форм предварительного судебного процесса. Но правительство его Величества глубоко обеспокоено также трудностями и опасностями, связанными с таким курсом, и... полагает, что казнь без суда более предпочтительна»^[102]. Более того. Правительство Великобритании выразило опасение, что проведение публичного процесса «может обратиться против союзников» и дать возможность обвиняемым «обосновать свои действия событиями прошлого».

Только жесткая, принципиальная и неуклонно проводившаяся в жизнь позиция Советского правительства и лично Сталина по вопросу о суровом возмездии для нацистских преступников в конечном итоге безальтернативно вынудила западные державы принять эту точку зрения и перейти к конкретным действиям в этом направлении. В результате на конференции в Сан-Франциско в начале мая 1945 года Великобритания также в принципе дала свое согласие на проведение международного суда над главными военными преступниками.

Однако при этом Сталин превосходно разыграл одну карту. По его указанию советская дипломатия, поддерживая американскую точку зрения о необходимости наказания нацистских преступников, которая, если уж честно, была не американской, а советской, одновременно негласно предоставила американской стороне шанс выдвинуть саму идею организации работы международного трибунала. На совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии 3 мая 1945 года американский представитель от имени правительства США выступил с инициативой о создании организации и выработке процедуры для наказания главных военных преступников, а также передал советской

и английской делегациям проект предлагаемого соглашения и меморандум.

По возвращении в Москву в записке на имя Сталина Молотов изложил основные положения американского проекта и предложил принять его за основу для последующих переговоров. Но только при условии внесения в него указанных в записке поправок и дополнений. Вот текст этой записки Молотова:

«Товарищу И. В. СТАЛИНУ 7 июня 1945 г.

Американский представитель Розенман 3 мая в Сан-Франциско предложил представителям СССР, Великобритании и Франции начать переговоры о заключении соглашения о наказании главных военных преступников, вручив одновременно проект этого соглашения. Основные положения проекта следующие:

1. Учреждается Международный Военный Трибунал из представителей держав, участников Контрольного Совета для Германии — для суда над руководителями держав оси и их главными агентами и соучастниками (ст. 15), преступления которых не связаны с определенным географическим местом (ст. 5). Всякие отводы, основанные на том, что обвиняемый являлся или является главой или иным главным должностным лицом государства, не должны приниматься во внимание (ст. 10).

2. Для подготовки материала обвинения и установления лиц, подлежащих суду Международного Военного Трибунала, образуется следственная Комиссия из представителей СССР, США, Англии и Франции.

3. Международному Военному Трибуналу подсудны дела официальных и неофициальных фашистских организаций гестапо, СС. Трибунал может признать ту или иную организацию преступной и вынести об этом приговор, который будет считаться неоспоримым при последующем привлечении к уголовной ответственности участников той или иной организации.

4. Соглашение должно быть подписано Советским Союзом, США, Англией и Францией. Члены Объединенных Наций приглашаются присоединиться (ст. 1 — 2).

5. Международный Военный Трибунал "может заседать в любой части Германии, Австрии или Италии или какой-либо иной стране, с согласия этой страны" (ст. 17).

Считаю возможным принять американский проект Соглашения в качестве базы для переговоров, при условии внесения в него следующих поправок и дополнений:

1. Исключить пункты "с" и "d" статьи 12 о подсудности организаций. Лучше предоставить Союзному Контрольному Совету право признания преступными, роспуска и запрещения таких организаций.

2. Дополнить проект новой статьей о том, что участники Соглашения обязуются передать в распоряжение Трибунала любое лицо, подлежащее суду и находящееся в их власти.

3. Указать, что Следственная Комиссия использует материалы национальных комиссий по расследованию злодеяний военных преступников, подлежащих суду Международного Трибунала.

4. Установить, что члены Международного Трибунала и Следственная Комиссия председательствуют на своих заседаниях поочередно.

5. Предусмотреть вступление соглашения в силу со дня его подписания.

Прошу утвердить приложенный проект ответа американскому правительству, в котором дается согласие Советского Правительства на переговоры и на принятие американского проекта в качестве основы. Одновременно наш ответ содержит как вышеуказанные поправки, так и ряд других мелких поправок и дополнений, улучшающих американский проект Соглашения. В. Молотов»^[103].

В ответе на предложения США 9 июня правительство СССР заявило о своей согласии с образованием международного трибунала для суда над главными военными преступниками и выразило готовность подписать соответствующее соглашение.

С 28 июня по 8 августа 1945 года между правительствами СССР, США, Англии и Франции в Лондоне состоялись дальнейшие переговоры по вопросу о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран. В директивах МИД СССР советской делегации к началу переговоров предписывалось настаивать на внесении в американский проект переданных ранее поправок советской стороны, а также ряда новых дополнений и изменений. Вот текст этих директив советским представителям при переговорах в Лондоне по поводу соглашения о наказании военных преступников, которые были направлены 24 июня 1945 года заместителем наркома иностранных дел А. Я. Вышинским:

«На Лондонском совещании представителей Правительства СССР, США, Великобритании и Временного Правительства Франции по поводу Соглашения о расследовании преступлений и о наказании главных военных преступников советские представители должны руководствоваться следующим:

1. Поскольку имеется сообщение о том, что в проект Розенмана, врученный тов. Молотову в Сан-Франциско 3.V. Американским Правительством внесены изменения, советские представители должны тщательно изучить новый американский проект и представить Советскому Правительству свои предложения.

2. Настаивать на внесении в американский проект наших поправок, переданных тов. Громыко 9.VI.

3. Наряду с этим внести на рассмотрение совещания в Лондоне и настаивать на принятии следующих новых дополнений и изменений к американскому проекту:

а) В случае, если будет поставлен вопрос о расширении состава Международного Трибунала путем включения представителей стран, присоединившихся к Соглашению, допустить участие таких представителей в качестве пятого члена Трибунала по делам соответствующей страны;

б) Право на представительство в Трибунале должны иметь в установленном ниже порядке лишь те присоединившиеся страны, которые принимали активное

участие в войне против фашистской Германии и пострадали от фашистских злодеяний. Такими странами в первую очередь должны быть признаны: Украинская ССР, Белорусская ССР (по возможности также Литовская ССР, Латвийская ССР и Эстонская ССР), Польша, Югославия, Чехословакия и некоторые другие;

с) Заседания Трибунала могут происходить на территории различных государств по решению Трибунала. Однако предпочтительной является территория того государства, в отношении которого данный обвиняемый совершил наиболее тяжелые преступления;

d) Все официальные документы Следственной Комиссии и Трибунала должны составляться на английском, русском и французском языках, а также на языке той союзной страны, на территории которой происходит заседание Трибунала;

e) Если заседание Трибунала будет происходить на территории одной из четырех союзных стран, то председателем Трибунала должен являться представитель этой страны в Трибунале. Судебный процесс в этом случае ведется на языке этой страны. Во всех других случаях председательствовать в Трибунале должны поочередно каждый из четырех представителей союзных стран, подписавших Соглашение, и процесс должен вестись на языке, избираемом по усмотрению Международного Трибунала;

f) Уголовное преследование по преступлениям, предусмотренным ст. 6 американского проекта, должно возбуждаться Следственной комиссией по предложению каждого из Правительств союзных стран — участников Соглашения или по инициативе Трибунала или Следственной комиссии;

g) Предание суду должно производиться Трибуналом на основании Обвинительного Акта, представленного Следственной комиссией;

h) Акты и документы комиссий, образованных в отдельных Союзных Государствах для расследования

фашистских злодеяний, должны иметь то же правовое значение, что и акты, составляемые Международной Следственной комиссией.

4. В развитие ст. 19 "в" американского проекта, содержащей нашу поправку к этому проекту, Соглашение должно предусмотреть обязательство Правительств — участников Соглашения принимать каждым в отдельности или совместно все необходимые меры для обеспечения выдачи Международному Военному Трибуналу военных преступников, оказавшихся на территории государств, не являющихся участниками Соглашения.

5. Внести на рассмотрение совещания предложение о том, чтобы между четырьмя Правительствами было заключено Соглашение об учреждении Международной Следственной Комиссии и Международного Военного Трибунала.

Постановления, регулирующие организацию и деятельность Следственной Комиссии и Трибунала, должны быть выделены в виде особого о них Положения, которое должно быть приложено к названному Соглашению.

6. В соответствии с п. 5 Соглашение должно быть сформулировано так:

1) "Правительства СССР, США, Великобритании и Временное Правительство Французской Республики согласились учредить для расследования преступлений и наказания главных военных преступников Международную Следственную Комиссию и Международный Военный Трибунал.

2) Утвердить прилагаемое к настоящему Соглашению Положение о Международной Следственной Комиссии и о Международном Военном Трибунале".

7. В случае внесения какой-либо из делегаций на рассмотрение совещания новых предложений советские представители должны сообщать об этих предложениях Советскому Правительству вместе со своей оценкой и конкретными соображениями для получения необходимых указаний по этим предложениям.

8. Советские представители не должны без предварительного утверждения Советским Правительством принимать решений по вопросам, не предусмотренным настоящими директивами. Вышинский»^[104].

Переговоры завершились заключением соглашения, включающего решение об учреждении Международного военного трибунала для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом. В качестве составной части соглашения был принят Устав Международного военного трибунала, в котором определялись его организация, юрисдикция и функции. Уставом предусматривалось также создание Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников. Главным обвинителем Комитета от СССР был назначен Р. А. Руденко, от США — Р. Х. Джексон, от Великобритании — Х. Шоукросс и от Франции — Ф. де Ментон.

К середине октября 1945 года в результате кропотливой работы Комитета по сбору материалов для обвинения было подготовлено и единогласно принято обвинительное заключение против 24 обвиняемых. Прежде всего против Геринга, Гесса, Риббентропа, Деница, Йодля, Кейтеля, Розенберга, Кальтенбруннера, а также других. На состоявшемся по требованию советской стороны 18 октября в Берлине первом заседании Международного военного трибунала был принят обвинительный акт против главных немецких военных преступников. Одновременно было принято решение о признании преступными руководящего состава НСДАП, имперского правительства, ОКВ (Верховного командования вермахта) и генерального штаба, СА, СС, СД и гестапо. Было решено также открыть судебный процесс в Нюрнберге не позднее чем через 30 дней.

20 ноября 1945 года во дворце юстиции в Нюрнберге Международный военный трибунал начал суд над главными нацистскими преступниками. От Советского Союза в составе суда участвовали И. Т. Никитченко и его заместитель А. Ф. Волчков, от США — Ф. Биддл и Д. Д. Паркер, от Великобритании — Д. Лоренс и У. Н. Биркетт, от Франции — А. Д. де Вабр и Р. Фалько. В ходе 403 открытых судебных заседаний трибунала, на которых присутствовали

многочисленные представители печати, были вскрыты тягчайшие преступления, совершенные гитлеровцами в годы войны. Неопровержимые факты вынудили подсудимых признать себя организаторами и участниками действий, признанных судом преступными, однако виновными они себя не признали. 1 октября 1946 года судебный процесс над главными военными преступниками был завершен оглашением сурового приговора.

Надеюсь, теперь стало понятней, что не западные «демократии», а именно СССР и Сталин предложили сурово покарать нацистских преступников. Что не Сталин отклонял эту позицию, а именно же западные «демократии». Что не Сталин, а именно западные «демократии» отчаянно хотели избежать гласного международного суда над нацистскими военными преступниками. Что не Сталин, а именно западные «демократии» отчаянно пытались навязать идею о внесудебном и негласном расстреле главарей Третьего рейха. Что не Сталин, а именно западные «демократии» проводили крайне обструкционистскую политику в вопросе о наказании нацистских военных преступников. Что не Сталин, а именно западные «демократии» хотели вывести главарей нацистского режима из-под уголовного преследования. Что, наконец, не Сталин, а именно западные «демократии» стремились не допустить обсуждения на его заседаниях невыгодных для себя вопросов, в том числе и о том, кто подготовил и спровоцировал Вторую мировую войну. Надеюсь, теперь понятно, что в действительности творилось накануне Нюрнбергского процесса.

А в заключение анализа блока упомянутых выше мифов хотелось отметить самое главное. Позиция западных «демократий» по вопросу о наказании нацистских военных преступников, прежде всего непосредственно Великобритании, есть суть свидетельство того, кто же на самом деле является подлинным виновником — наряду, естественно, с главарями Третьего рейха и даже в большей, чем они сами, степени, — развязывания Второй мировой войны! Именно поэтому-то западные «демократии» отчаянно стремились расстрелять без суда и следствия главарей нацистского режима! Как подсудимые, тем более на гласном международном суде, они были чрезвычайно опасны именно для западных «демократий»! Так что даже с этой точки зрения запредельно подлой является навязываемая нам извне

всевозможной забугорной сволочью точка зрения о том, что-де СССР является виновником Второй мировой войны.

Миф № 7. Русская армия за свою историю не раз вступала на территорию европейских стран, но только в 1945 году она оказалась толпой грабителей и мародеров.

**Миф № 8. Едва только Красная Армия
вошла на территорию Германии,
началось поголовное убийство немцев.**

Миф № 9. Едва только Красная Армия вошла на территорию Германии, как сразу же начался массированный грабеж и насилие над мирным немецким населением.

Эти мифы существуют давно. В последнее время у них появились новомодные «авторы», занимающиеся элементарным плагиатом. Фамилии их называть не буду — слишком много чести. Лучше сразу перейдем к делу. Давайте говорить честно — ни о каком слишком уж мирном населении Германии речи быть не может. Абсолютное — едва ли не 99,99 % — большинство немецкого народа пошло за Гитлером. Хуже того. В абсолютном своем большинстве поддерживало его захватническую политику, особенно разбой на Востоке против СССР. Разбой же был настолько варварским и кровавым, что это не могло не оставить тяжелейшего отпечатка на солдатах и офицерах Красной Армии. Тем более что на протяжении всей войны лозунг «Смерть фашистским оккупантам» в прямом смысле слова ежесекундно на ура воспринимался военнослужащими и вообще всем советским народом. Более того. По мере освобождения оккупированных земель и соответственно ознакомления с варварскими последствиями оккупации чуть ли не в прямом смысле слова у военнослужащих закипала кровь в жилах. Соответственно праведный гнев и неистовое желание отомстить за родных и близких, за убитых и искалеченных советских граждан, за поруганную честь Родины без всякой пропаганды нарастали не просто в геометрической прогрессии. Войдя на территорию собственно Германии, Красная Армия вела себя именно так, как того и заслуживала фашистская Германия, которая нанесла Советскому Союзу неисчислимый ущерб буквально во всем. И за свои беспрецедентные преступления во Второй мировой войне, в том числе и в период зверств на советской территории, немецкий народ справедливо понес суровое наказание. Разрушенные войной города,

унизительные, но справедливые условия мира, бесправие и полуголодное существование в первые послевоенные годы, аннексии территорий и многомиллиардные контрибуции, раздел страны на четыре оккупационные зоны и военнопленные были адекватным возмездием, в том числе и со стороны СССР.

Так что болтать о том, что Красная Армия самым кровавым образом вела себя на территории Германии, просто подло. Красная Армия не устраивала поголовного истребления немецкого народа. Сталин прекрасно понимал, что может произойти, едва только наши войска войдут на территорию Германии. Именно поэтому заблаговременно были приняты очень суровые, в чем-то даже и жестокие, меры по предотвращению поголовной мести немцам. Потому как при той мощи Красной Армии, с которой она вошла на территорию агонизирующего Третьего рейха, если бы не удалось удержать войска от тотальной мести, то от Германии и немецкого народа в течение нескольких недель не осталось бы и мокрого места в Истории. В этом плане весьма характерна выдержка из дневника 16-летнего берлинца Дитера Борковски, который 15 апреля 1945 года записал услышанные им в метро истеричные слова солдата вермахта с двумя железными крестами на груди: «Мы должны выиграть войну... Если выиграют другие — русские, поляки, французы, чехи — и хоть на один процент сделают то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах»^[105]. То есть сами военнослужащие вермахта прекрасно понимали, что они натворили. Прекрасно осознавали, насколько справедливо может быть возмездие.

Тем не менее подлое пророчество этого безвестного нацистского военного преступника не сбылось, потому что объективно не могло сбыться. Сталин давно произнес формулу возмездия — «Гитлеры приходят и уходят, а германский народ, Германия остаются». Красная Армия шла не мстить немецкому народу, а разгромить нацистского зверя в его же логове. Именно поэтому командование Красной Армии всеми силами, в том числе и с помощью органов НКВД, НКГБ и СМЕРШ сдерживало всякие проявления устроить поголовную резню немцев. За малейшие попытки устроить нечто подобное и арестовывали, и судили, и отправляли в лагеря, и даже нередко

расстреливали. Только так немецкий народ и уцелел. За что до скончания века человеческого и должен быть благодарен Сталину и командованию Красной Армии. Потому что в результате предпринятых очень суровых, а в отдельных случаях даже и жестоких мер от боевых действий нашей армии на территории Германии погибло как минимум раз в 38 меньше, чем эти кичившиеся своим расовым превосходством европейские подонки-варвары уничтожили мирных советских людей. Ведь на их счету смерть не менее 19 миллионов мирных советских граждан! А с момента вхождения нашей армии на территорию рейха и до 9 мая 1945 года из числа мирного немецкого населения погибло максимум полмиллиона человек. Так что о каком таком поголовно кровавом насилии над немцами можно говорить?! Еще раз подчеркиваю, что немцы до скончания века человеческого обязаны свято чтить память Сталина и командования Красной Армии за то, что они смогли удержать многомиллионную армию от поголовной мести немцам! Вы только представьте себе, что могло случиться, если бы каждый из 6,5миллионной группировки наших войск убил хотя бы по 10 немцев?! Все! От немецкого народа действительно не осталось бы и мокрого места в истории. Слава Богу, что благодаря предпринятым суровым мерам этого не произошло. Наша славная армия не опозорила себя таким варварством. В то же время было бы глупо отрицать, что факты насилия, в том числе и жестокого, все-таки имели место. Война есть война, тем более та, самая страшная и самая жестокая за всю историю России. Военнослужащие Красной Армии к концу войны в буквальном смысле озверели от преступлений нацистов. Понять эти факты можно, но не оправдать. Потому за такие преступления тогда очень сурово карали, в том числе и расстрелом.

Вопреки всей идиотской пропаганде, в действительности по мере освобождения Германии Красная Армия занималась сугубо мирными делами, прежде всего спасением немцев от голода. Кадры кинохроники сохранили гигантские очереди немцев у полевых кухонь нашей армии. Именно наши люди восстанавливали затопленное нацистами берлинское метро, извлекая оттуда 200 тысяч заживо погребенных жителей Берлина и солдат вермахта, уничтоженных последними приказами Гитлера. Именно наши люди спасали и реставрировали брошенные нацистами сокровища Дрезденской галереи, возрождали больницы, университеты, школы, налаживали

мирную жизнь немцев во всех ее аспектах. Все это более чем хорошо известно. И трудно понять современных подлых миротворцев, не только отрицающих эти хорошо известные факты, но еще и смеющихся нагло требовать от нашего народа какого-то покаяния перед немцами и Германией. А черта лысого не желаете ли?! За что нашим великим предкам, нашим славным ветеранам-фронтовикам каяться-то?!

Советский Союз попрекают тем, что он использовал подневольный труд многих миллионов военнопленных. Но, непотребные миротворцы, вы хоть понимаете, насколько подлую ахинею вы несете?! А что должен был делать Советский Союз, который из-за этих агрессоров понес такой чудовищный, прежде всего демографический, ущерб?! Запросто так их кормить?! Или же, снабдив мармеладками на дорожку, отправить их обратно в их поганый фатерлянд?! Нет уж, они должны были хоть как-то возместить тот невероятный ущерб, который они нанесли Советскому Союзу. Чем они и были заняты. И нечего из-за этого попрекать СССР. Все было по справедливости. К тому же куда более чем гуманно по сравнению с тем, как эти варвары обходились с советскими военнопленными. Кстати говоря, труд немецких военнопленных использовался не только в СССР, но и в ряде других европейских стран.

Советский Союз и его славную Красную Армию попрекают, что-де красноармейцы изнасиловали чуть ли не все женское население Германии. Во-первых, Красная Армия занимала только те территории, которые по соглашениям между союзниками по антигитлеровской коалиции были обозначены как зона советской оккупации. И хотя бы в силу только этой причины уже не могла изнасиловать все женское население Германии. Во-вторых, за факты изнасилования на территории Германии советских военнослужащих наказывали очень круто. В-третьих, никакого массового изнасилования не было и в помине. Потому что при первых же контактах с немецким женским населением в Красной Армии началась не на шутку встревожившая командование эпидемия сифилиса и прочих венерических заболеваний. Хваленая арийская раса, в сущности, оказалась по-свински грязной, в массовом порядке пораженной опасными болезнями нацией. И уже только в силу этой причины командование делало максимум для того, чтобы ограничить какие бы то ни было контакты военнослужащих с немками. Ну, а то, что все-таки такие

контакты были, — отрицать бессмысленно. Человеческое естество никуда не денешь. Даже на войне. Но представлять это как поголовное изнасилование немцев — подло. Хотя бы потому, что даже в тех отдельных случаях, когда такое имело место — ведь к каждому из 6,5-миллионной группировки Красной Армии смершевца не приставишь, — не было убийств. Между тем советских женщин после изнасилований, к тому же, как правило, групповых, германские варвары убивали, сжигали и вешали.

Советский Союз и Красную Армию попрекают за так называемый трофейный грабеж. Но и это подло. Уж если кого и попрекать, то прежде всего наш генералитет и маршалитет, который едва ли не поголовно был поражен чудовищной эпидемией алчности. К примеру, всем хорошо известна история с трофейным обогащением маршала Жукова. Не отставали от него и некоторые генералы. Многие в прямом смысле слова обалдевали от обуявшей их алчности до того, что имели наглость обращаться непосредственно к Сталину с нахальными требованиями пропустить через советскую таможенную все их непосильным трофейным грабежом награбленное имущество. Естественно, что после этого многие из них слетали по иерархической лестнице с генерал-полковников и генерал-лейтенантов до полковников и лейтенантов, а то и попросту шли под суд. Как известно, и Жуков получил свое по заслугам.

Советский Союз и Красную Армию особенно попрекают за грабеж культурных ценностей Германии. Но и это подлая ложь. Прежде всего потому, что никакого грабежа на государственном уровне не было и в помине. Решениями Крымской, а затем и Потсдамской конференций 1945 года было утверждено решение о компенсаторной реституции, согласно которому страна-агрессор обязана была возместить стране-жертве причиненный ей ущерб собственным достоянием того же рода. Поэтому вывоз из Германии культурных ценностей в качестве компенсации происходил на абсолютно законных основаниях.

Сейчас это пытаются поставить под сомнение. Причем как законность этого вывоза, так и особенно само положение о компенсаторной реституции, обосновывая это тем, что оно якобы не соответствует нормам международного права и вообще является сталинской выдумкой-прихотью. Должен особо заметить, что те, кто

пытается это делать, явно не в ладах не только с самим международным правом, но и с давно известными фактами истории. Не Сталин и не СССР придумали компенсаторную реституцию. Она была обоснована еще в Версальском мирном договоре 1919 года — в статье 247. Более того. При создании Организации Объединенных Наций государства-основатели, а это несколько десятков государств, а не только США, СССР и Англия, единогласно приняли Устав ООН, в котором и по сей день существует статья 107, которая и утвердила законность компенсаторной реституции. Так что болтать о незаконности действий Советского Союза в этой области просто подло и юридически неграмотно.

Тем более подло ставить вопрос о компенсационном обмене культурными ценностями в наше время. Мол, Германия представит свой список утраченного и Россия представит список ею утраченного, и на этом основании надо разыскать и обменяться ценностями. Подобное может утверждать только подлец и негодяй. И вот по какой причине. Немцы и до войны вели строгий учет всех своих культурных ценностей. Такой же учет велся и в СССР. Однако с началом агрессии при захвате советских культурных ценностей гитлеровцы полностью уничтожали все советские учетные документы, по которым можно было бы восстановить хотя бы количество и название украденного. Еще в 50-х годах прошлого века Министерство культуры СССР с горечью констатировало, что «конкретного количества утраченного и вывезенного в Германию установить невозможно, поскольку оккупанты уничтожали всю музейную документацию». Как при такой ситуации Россия может представить исчерпывающий список украденного столь «цивилизованными» грабителями, как немецкие варвары?! Тем не менее в современной России находятся мерзавцы, в том числе и высокопоставленные, пытающиеся не мытьем, так катаньем протащить идею о покаянном возвращении Германии ее культурных ценностей, которые на законных основаниях были вывезены после войны.

Вообще же мифология на эту тему прекрасно разоблачена во многих книгах, газетных и журнальных публикациях, полностью пересказать которые нет ни технической возможности, ни тем более смысла. Здесь главное — знать принципиальные вещи. А далее, если у кого-либо возникнет потребность более детально изучить этот вопрос,

то, исходя из современной доступности информации, в том числе и по каналам Интернета, не составит никакого труда набрать солидный пакет информационных материалов, которые даже при самом беглом взгляде на них полностью подтвердят высказанную здесь точку зрения.

Миф № 10. После победы Сталин планировал расчленить Германию.

Миф № 11. После расчленения Германии Сталин планировал «построить социализм» в советской зоне оккупации.

Основа этих мифов — «мысль» о том, что-де Сталин настаивал на расчленении Германии после победы над ней, — появилась еще до Крымской и Потсдамской конференций. Это подлое «изобретение» — на совести наших подлых «друзей» по антигитлеровской коалиции. В то время их цель в том и состояла, чтобы, пугая якобы неизбежно грядущим по настоянию СССР расчленением Германии, поскорее склонить командование вермахта к капитуляции перед западными странами, чтобы Советский Союз остался с носом.

Определенная «почва» у этого «изобретения» есть. Дело в том, что еще в декабре 1941 года, во время советско-английских переговоров, в ответ на заявление британского представителя А. Идена о необходимости после войны раздробить Германию на части, в том числе отделить от нее Рейнскую область и Пруссию, Сталин внешне выразил согласие с такой точкой зрения. Но всего лишь как с одним из возможных в перспективе вариантов послевоенного переустройства Германии. Не более того. Кстати говоря, тогда же возник и вопрос об отделении Восточной Пруссии и передачи части ее вместе с городом Кенигсбергом в СССР (ныне г. Калининград и Калининградская область РФ) в качестве гарантии возмещения понесенных убытков от войны с Германией. Поведение Сталина в тот период времени можно и нужно понять. Дело в том, что тогда решался вопрос об увеличении помощи Советскому Союзу по ленд-лизу и Сталин предпочел не дразнить американских «гусей». А именно янки первыми выставили на обсуждение лидеров антигитлеровской коалиции идею о послевоенном раздроблении и расчленении Германии. Особенно старался на эту тему министр финансов США Генри Моргантау. Однако поскольку в его ближайшем окружении была прекрасная

агентура советской разведки, как, впрочем, и в ближайшем окружении президента США и премьер-министра Великобритании, то Сталин заранее знал их позиции по этому вопросу. И потому позволял себе в очень дипломатичных, но ни к чему не обязывающих выражениях высказывать якобы согласие с их точкой зрения. Говоря об этом, следует иметь в виду, что в первые годы войны позиция СССР по вопросу расчленения Германии была очень сдержанной и осторожной, обусловленной прежде всего стремлением лучше ознакомиться с позициями США и Великобритании. На тот момент это было вполне нормально и естественно, ибо до победы было еще далеко. А то, что она будет принадлежать СССР, Сталин не сомневался ни на секунду. И, как говорится, после Победы и потолкуем...

Тем не менее на протяжении всей войны Сталин не раз и не два особо подчеркивал в своих публичных выступлениях, что в планы СССР не входит уничтожение Германии как таковой и тем более уничтожение немецкого народа. Так, в докладе, посвященном 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции от 6 ноября 1942 года, он в очередной раз определил основы политики СССР по отношению к Германии. В частности, подчеркнул, что советский народ не ставит перед собой задачу уничтожения Германии, но преследует цель ликвидации фашистского государства и его вдохновителей, уничтожения гитлеровской армии, разрушения ненавистного «нового порядка в Европе» и наказания его инициаторов^[106].

Уже в начале второй половины 1943 года западные лидеры уразумели, что в результате массированных побед советского оружия момент вхождения Красной Армии на территорию Третьего рейха близок. Именно по этой причине они стали стремиться к тому, чтобы как можно быстрее выработать согласованную линию относительно оккупации Германии и ее ближайшего будущего. И хотя отдельные элементы подхода к решению германской проблемы разрабатывались на протяжении почти всех военных лет, даже среди различных правительственных ведомств США и Англии не было единства взглядов по этому вопросу. Еще в 1941 — 1943 годах в правительственных кругах США возникла концепция раздробления Германии, ее децентрализации и деиндустриализации на неопределенно долгий срок и установления экономической и

политической зависимости отдельных германских государств, в первую очередь от США. Англия же стремилась вывести из строя Германию как своего конкурента, включить разрозненные части Германии в федерации и блоки, которые были бы подчинены ее влиянию и противостояли бы, с одной стороны, СССР, а с другой — Соединенным Штатам Америки. Вместе с тем влиятельные силы в правящих кругах США и Англии, опасаясь усиления СССР, все более ориентировались на сохранение основ германского милитаризма и империализма. В мае 1944 года специальный комитет госдепартамента под председательством Э. Стеттиниуса высказался за федерализацию Германии в будущем, за ограничение функций и полномочий центрального правительства, но отверг идею раздробления Германии. Госдепартамент вообще отстаивал наиболее мягкие условия оккупации Германии. Решительно против раздробления Германии высказался также военный министр США Г. Стимсон.

Однако Ф. Рузвельт отверг тезис госдепартамента, что германский народ в целом не несет никакой ответственности за войну и преступления фашизма, и считал необходимым внести в каждый немецкий дом ощущение коллективной виновности всех немцев за действия Германии при нацизме. Он поддержал разработанный в министерстве финансов план и изложенный наиболее полно в меморандуме его главы Г. Моргентхау от 5 сентября 1944 года. План Моргентхау предусматривал расчленение Германии, ликвидацию ее государственной самостоятельности, полное уничтожение промышленного потенциала и превращение в «страну полей». С критикой меморандума Моргентхау выступил на встрече Ф. Рузвельта с комитетом по Германии 9 сентября 1944 года военный министр Г. Стимсон. Он высказался против многих рекомендаций, содержащихся в плане министра финансов, в том числе против раздела Германии, интернационализации Рура, деиндустриализации страны. Тем не менее на данной стадии Ф. Рузвельт поддержал предложения Моргентхау относительно судьбы Германии в целом. Во время визита в Москву в октябре 1944 года У. Черчилль и А. Иден впервые официально предложили Советскому правительству англо-американский план расчленения Германии, одобренный в Квебеке. Однако ни в Москве, ни на каких-либо других международных совещаниях англо-американской дипломатии не удалось навязать свои планы Советскому

Союзу. И прежде всего потому, что Сталин еще за год до их приезда прекрасно знал из донесений советской нелегальной разведки, что англосаксы намерены поставить вопрос о расчленении Германии.

В этом огромная заслуга выдающегося советского разведчика-нелегала И. А. Ахмерова и его соратников — разведчиков, работавших в Англии. Так, в параграфе № 8 добытого Ахмеровым информационного сообщения от 28 марта 1943 года британского министра иностранных дел А. Идена премьер-министру У. Черчиллю о ходе англо-американских переговоров в Вашингтоне по вопросу послевоенного устройства в мире говорилось: «При обсуждении вопроса о Германии президент вновь выдвинул предложение о ее расчленении, которое, как он склонен думать, будет способствовать обеспечению безопасности Европы... Я заявил, что мы также изучаем этот вопрос, однако в основном я согласен с необходимостью расчленения Германии, поскольку Вы сами неоднократно высказывались в пользу этого. Президент заметил, что объединенная Германия существует не так уж давно и вполне вероятно, что там могут появиться тенденции расколоться на ряд отдельных государств. Такие тенденции, по мнению президента, нужно поощрять».

И ведь сразу же поощрили бы, сукины дети, если бы не Сталин, который вовсе и не намеревался делать что-либо подобное, прекрасно понимая, чем это обернется после Победы. Вообще следует сказать, что в 1941 — 1945 годах в США и Великобритании было разработано множество различных планов по организации послевоенного будущего Германии. Все они базировались на принципе расчленения. Практически все эти планы были известны Кремлю. Соответствующие документы внешнеполитических ведомств США и Великобритании были добыты советской внешней разведкой.

В то же время нельзя не отметить и того, что формально проекты аналогичных планов, в том числе и с учетом позиции англосаксонских союзников по антигитлеровской коалиции, разрабатывались и в народном комиссариате иностранных дел СССР. В основном с местечковых, узко националистических позиций, этим занимались евреи по национальности М. М. Литвинов, Я. Суриц, И. Майский и другие. До поры до времени Сталин спокойно взирал на их «творчество», так как, помимо идеи расчленения, они одновременно указывали в своих справках, докладах и меморандумах огромное

количество необходимой сопутствующей исторической информации, которая была востребована уже в ходе конкретных переговоров с западными союзниками.

Однако под конец войны, особенно в марте 1945 года, стало очевидно, что наши подлые «друзья» по антигитлеровской коалиции намерены свалить всю ответственность за расчленение Германии на Советский Союз. По каналам разведки была получена соответствующая информация, свидетельствовавшая именно о таких намерениях союзников. Было очевидно, что неизбежный в таком случае германский реваншизм в послевоенное время будет остро целенаправлен против Советского Союза. Памятуя, что подобное однажды уже имело место еще в период Первой мировой войны^[107], Сталин и Молотов разъяснили советским дипломатам, что «англичане и американцы, которые первые поставили вопрос о расчленении Германии, хотят теперь свалить на СССР ответственность за расчленение с целью очернить наше государство в глазах мирового общественного мнения. Чтобы отнять у них такую возможность, необходимо внести... предложение». И оно немедленно последовало. 24 марта 1945 года официально было заявлено следующее: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными». С этого момента фактически было прекращено всякое обсуждение идеи расчленения Германии с участием Советского Союза.

Свою принципиальную позицию Сталин сохранял вплоть до конца войны. С этого момента фактически было прекращено всякое планирование расчленения Германии с участием Советского Союза. Даже в обращении к советскому народу 9 мая 1945 года Сталин вновь на весь мир заявил, что «Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию»^[108]. Он действительно не планировал расчленения Германии, послевоенное будущее которой он видел в лице единой, сильной, но демократической Германии. «Говоря коротко, — указывал Сталин, — политика Советского Союза в германском вопросе сводится к демилитаризации и демократизации Германии... Демилитаризация и

демократизация Германии представляют одну из самых важных гарантий установления прочного и длительного мира». И когда на Потсдамской конференции союзники стали с надрывом обсуждать германскую проблему, более того, вновь протаскивать идею о расчленении Германии, то Сталин в самых решительных выражениях отверг даже саму постановку такого вопроса. Он, в частности, заявил тогда: «Это предложение мы отвергаем, оно противоестественно: надо не расчленять Германию, а сделать ее демократическим, миролюбивым государством». Именно Сталин настаивал на принципе сохранения единства Германии. В том числе и в таком важнейшем для Германии вопросе, как сохранение Рурской области в ее составе. Дело в том, что, исходя из своих корыстных экономических интересов, англосаксы стали настаивать на особом контроле за этой важнейшей в промышленном отношении областью Германии. В ответ на их попытки Сталин предложил письменно указать в решениях конференции, что Рурская область остается частью Германии. И когда англичане стали возмущаться тем, что Сталин отверг попытки англосаксов, то Иосиф Виссарионович вразумил их следующими словами: «Этот вопрос поднимается потому, что на одной из конференций, на Тегеранской конференции, ставился вопрос о том, чтобы Рур был выведен из состава Германии в отдельную область под контролем Совета... Мысль о выделении Рурской области вытекала из тезиса о расчленении Германии. После этого произошло изменение взглядов на этот вопрос. Германия остается единым государством. Советская делегация ставит вопрос: согласны ли вы, чтобы Рурская область была оставлена в составе Германии? Вот почему этот вопрос встал здесь...»

Более того. Именно Сталин настоял на том, чтобы в резолюции конференции было указано: «Союзники не намерены уничтожать или ввергнуть в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе».

Так что если быть точным и честным, то Сталин не имел никакого отношения к протаскиванию идеи о расчленении Германии. Напротив, он был категорически против этого. А то, что 7 октября 1949 года Сталину пришлось изменить свою позицию и согласиться на провозглашение давно уже канувшей в Лету в результате

предательства М. С. Горбачева Германской Демократической Республики, — не есть результат его планов по расчленению Германии. Это последствия сепаратных действий бывших «союзников» по антигитлеровской коалиции, нарушивших все договоренности, достигнутые как в Ялте, так и в Потсдаме. 20 сентября 1949 года сепаратные действия бывших союзников пришли к своему логическому финалу. На основе принятой еще 12 мая 1949 года «боннской конституции» в западной зоне оккупации Германии было провозглашено создание Федеративной Республики Германии и образовано правительство во главе с канцлером Конрадом Аденауэром. Провозглашение же Германской Демократической Республики было ответным шагом, что очевидно даже по датам. Кстати говоря, Конституция ГДР была принята также позже «боннской конституции» — 23 мая 1949 года.

И в заключение необходимо также указать следующее. В настоящее время достоверно известно, что в преддверии окончания войны, а также накануне Потсдамской конференции никаких планов социалистического строительства как в освобожденных странах Восточной и Юго-Восточной Европы, так и в Германии не только не существовало, но и не разрабатывалось. Об этом, в частности, свидетельствовал в своих мемуарах ныне покойный выдающийся ас советской разведки П. А. Судоплатов. Об этом же свидетельствуют и наиболее честные и объективные западные историки. Так, известный британский историк А. Тейлор в солидном исследовании «Вторая мировая война» прямо засвидетельствовал, что «русские не стремились властвовать, не хотели распространять коммунизм».

Когда же Западом была объявлена холодная война против Советского Союза, то, естественно, резко обострился вопрос о безопасности СССР. И в этой связи еще более естественно встал вопрос о создании пояса безопасности вдоль всего периметра западных границ Советского Союза. Любопытно, что на Западе это прекрасно понимали и понимают. Тот же А. Тейлор особо подчеркивал, что «русские желали безопасности, и лишь коммунисты или их попутчики могли ее обеспечить». Вот почему в итоге Сталину пришлось пойти по пути создания социалистических государств в Восточной Европе, в том числе и в Германии в лице Германской Демократической Республики. Если строго по-военному, то

политическими средствами, но с опорой на военную силу было создано крупномасштабное предполье в Восточной Европе. Двух мировых войн России (СССР) было вполне достаточно, чтобы пойти на такой шаг ради собственной безопасности.

Такова вкратце Подлинная Правда об одном из серьезнейших вопросов о послевоенном устройстве мира в Европе. Не Сталин, а именно Запад настаивал на расчленении Германии. Не Сталин, а именно Запад осуществил фактическое разделение Германии на два государства, нанеся тем самым немецкому народу тяжелейшую моральную травму, преодолеть которую удалось только под конец XX века. Да и то, если бы не подлость и тупость Горбачева, то СССР мог бы еще на этом и значительно выиграть. Увы, но верхи Советского Союза в постсталинское время с головой накрыла страшнейшая эпидемия ТУПОСТИ, НИЗОСТИ и ПОДЛОСТИ!

Миф № 12. Советская оккупационная политика была настолько жестока, что немцы взбунтовались.

Миф № 13. При подавлении беспорядков в советской зоне оккупации погибло огромное количество мирных немцев.

Прежде всего советская оккупационная политика была не жестока, а просто сурова. Причем сурова она была прежде всего в вопросах демилитаризации и денацификации. Тут от советских властей никакой жалости ждать не приходилось. Но не потому, что они были столь безжалостны, а потому, что они строго выполняли все решения, выработанные и единогласно принятые на Крымской и Потсдамской конференциях. А в остальном это была политика возрождения мирной жизни в Германии. И это тоже хорошо и известно.

А вот если говорить начистоту, то самые первые выступления немцев против оккупационных властей произошли в 1947 году в английской оккупационной зоне. И произошли они по одной простой причине — немецкие рабочие голодали. Англичане не спешили накормить их, напротив, грабили все подчистую, вывозили все, что плохо лежало. Им нужно было спасти собственную экономику, да к тому же на глазах разваливалась колониальная империя. Ситуация в английской зоне оккупации была настолько плачевной, что был зафиксирован даже моральный упадок хваленых британских «томми». Согласно рассекреченным в 1990-х годах данным, английские солдаты дезертировали из своей же оккупационной армии в массовом порядке, причем многие бежали в более сытую советскую оккупационную зону. Беспорядки немецких рабочих начались в марте 1947 года в Брауншвейге и продолжались, по данным советской разведки, целых три месяца. Демонстранты нападали на английских военнослужащих, грабили столовые и склады, уносили продукты голодающим семьям. Целью захватов были офицерские и солдатские столовые. Там немцы забирали продовольствие и уносили его по домам. Только, когда в

город были введены танки и демонстрантам стали угрожать расстрелами, ситуация несколько изменилась.

Американцы не «выметали сор из избы», хотя и в их зоне оккупации подобные инциденты имели место. Но о них практически ничего не сообщалось. Зато на восточные земли обрушивались потоки пропаганды о сытости и достатке, демократии и свободе в американской зоне. В еще не разделенном Берлине «восточные» немцы видели праздник жизни — конкурсы красоты, веселые кинофильмы с пропагандой американского образа жизни, расцвеченные огнями бордели и казино. Умело разыгрывалась карта униженности немцев, пропаганда беспрестанно напоминала о «жестокостях» русских. Западные СМИ внушали, что стоит лишь уничтожить просоветскую Социалистическую единую партию Германии, как тут же наступит долгожданное объединение разделенных немецких земель, не заставит себя ждать и немецкое экономическое чудо. Впрочем, не менее активно янки демонстрировали и обыкновенную силу — наращивалось англо-американское военное присутствие вдоль границ с ГДР, проводились широкомасштабные учения, внушалась мысль, что западные демократии сумеют защитить свои идеалы. Готовились сотни диверсантов (в том числе из бывших ээсовцев), тысячи агентов влияния. В Западном Берлине спешно создавались «неправительственные организации»: русско-немецкий НТС, «Группа борьбы против бесчеловечности», «Восточное бюро», «Союз немецкой молодежи». Руководил всеми эти бандами небезызвестный директор ЦРУ А. Даллес.

Отрицать факт беспорядков в ГДР в 1953 году бессмысленно и недостойно историка. Да, это было. Но ведь надо знать и то, почему это произошло. Лидеры СЕПГ Ульбрихт, Пик и Гротеволь в 1952 году провозгласили курс на строительство социализма. На практике это означало тяжелый и на первых порах неблагодарный труд. Далеко не всех такая перспектива радовала. Последовавшая в марте 1953 года смерть И. В. Сталина обострила дискуссию в СЕПГ. Некоторые партийные бонзы и околопартийная либеральная интеллигенция стали открыто требовать «десталинизации» и демократизации. Лидеры медлили — предлагали все хорошенько обдумать. Административные меры также были непопулярны — весной 1953 года были подняты

нормы промышленного производства аж на 10%, уже 11 — 12 июня начались пока еще небольшие забастовки рабочих строительных предприятий. Подконтрольная ЦРУ западногерманская радиостанция РИАС в ночь с 16 на 17 июня начала передавать призывы к организации всеобщей забастовки в ГДР. Американские танковые подразделения заняли исходные позиции по всей границе с ГДР. На территорию ГДР были заброшены сотни вооруженных сотрудников западных спецслужб.

Благодаря открытию ряда секретных архивов и введению в научно-исторический оборот огромного количества важнейших документов в последнее время стало понятно, что на Западе давно и тщательно готовилась крупномасштабная военная операция по отторжению ГДР из зоны влияния СССР. 17 июня 1953 года в Берлине и других городах многие промышленные предприятия прекратили работу. Начались уличные демонстрации рабочих, к ним присоединялись студенты и люмпены. Западногерманские власти организованно вводили в Восточный Берлин колонны «недовольных», им предоставлялись и транспортные средства. «Звуковой фон» создавали американские военные звуковещательные машины. Как выяснилось позднее, «несогласные» нанимались за небольшие деньги на биржах труда и в притонах Западного Берлина, но командами руководили боевики спецслужб, имевшие военный опыт. Толпа, зверевшая на глазах, двинулась в центр города. Пытавшие остановить ее полицейские уничтожались с чудовищной жестокостью. По данным полицейских протоколов, когда навстречу демонстрантам на одной из берлинских улиц вечером 16 июня выехали три автомашины с радиоустановками и агитаторы СЕПГ попытались убедить толпу разойтись, озверевшие демонстранты опрокинули два автомобиля. Из третьей радиоустановки бандиты вытащили и на глазах у всех растерзали женщину-диктора и жестоко избили водителя. У восставших появилось оружие, его стали незамедлительно применять. Толпа захватила здание ЦК СЕПГ и Дом правительства; опьяненные безнаказанностью погромщики принялись крушить все на своем пути. С Бранденбургских ворот было сброшено под ноги пьяному сброду красное знамя. Толпа переворачивала киоски, громила и поджигала автомобили и магазины. Было разгромлено и сожжено здание Таможенной службы ГДР. После ожесточенного штурма были

захвачены штаб-квартира Национального фронта на площади имени Тельмана, Центральный совет профсоюзов и дом Общества советско-германской дружбы. Их стоявшие насмерть защитники — полицейские и агенты «штази», коммунисты и служащие — были растерзаны толпой. По городу свободно разъезжали автомобили с западногерманскими номерами. Агитаторы призывали выйти на следующий день на новые демонстрации. Свидетели говорили о расхаживавших в толпе и отдававших приказы офицерах в американской форме. На какое-то время лидеры СЕПГ потеряли контроль над ситуацией в столице, но не сразу обратились за помощью к расквартированным в ГДР советским воинским частям. Отдадим должное советским офицерам и генералам: не побоявшись быть обвиненными в паникерстве, они оперативно сообщили о критическом положении в Восточном Берлине. Уже днем 17 июня Л. П. Берия было принято принципиальное решение — подавить беспорядки. По линии МВД за спецоперацию отвечал генерал Гоглидзе (остановивший разгул ежовщины в Ленинграде в 38-м, проводивший огромную работу во время войны по ликвидации нацистских диверсантов и подло казненный Хрущевым в декабре 1953-го как «член банды Берия»), а также будущий министр обороны генерал Гречко. Советские войска в течение нескольких часов блокировали государственную границу ГДР, решительные действия советских танковых колонн охладил пыл военных приготовлений «за бугром». Введенные в Восточный Берлин танки были встречены выстрелами и бутылками с зажигательной смесью; не получившие приказ открывать огонь советские солдаты были оглушены руганью и скандированием: «Иван, убирайся вон!» Толпа затянула гитлеровский гимн. Впрочем, в открытые боестолкновения с танковыми частями Гречко вступить никто не решился. Полумиллионная толпа демонстрантов разошлась, готовясь наутро к новым «подвигам». Ночь прошла в тревожном ожидании. Во многих районах полыхали пожары, раздавались выстрелы. Все еще не оправившиеся от внезапного кризиса сотрудники полиции и МГБ ГДР теряли драгоценное время — за ночь было арестовано лишь 15 мелких агитаторов. На следующий день, повинуясь тайным приказам с Запада, демонстрации и беспорядки перекинулись на Дрезден, Магдебург и другие города ГДР. В Галле из заключения была освобождена бывшая комендант нацистского лагеря Э. Дорн. Самые ожесточенные

столкновения происходили в Магдебурге, где у тюрьмы, зданий СЕПГ и МГБ завязался настоящий бой. В Герлице мятежники взяли штурмом тюрьму и освободили всех уголовников, то же происходило и в других городах. В городе Гера рота советских войск была окружена 6 тыс. забастовщиков, с трудом сдерживая их натиск. Но по распоряжению Гречко из центральной части ГДР им на помощь спешили моторизованные части. В самом Восточном Берлине до 8 тысяч демонстрантов снова направились в центр. Из американского сектора Берлина им на помощь двинулась толпа безработных, провокаторов и штурмовиков. По свидетельству очевидцев, эта разношерстная толпа была построена американскими офицерами в некоторое подобие «колонны» и снабжена бутылками с бензином. Но было поздно — мосты и все ключевые объекты города были взяты под контроль советскими подразделениями, на улицах стояли многочисленные советские патрули и подразделения неорганизованных частей МГБ и полиции ГДР. Демонстранты (а их число уменьшилось вдвое по сравнению с предыдущим днем) спешно возвращались домой, 19-го на улицы вышло всего около 50 тыс., 20-го — 13 тыс. протестующих. Помимо решительных действий Советской Армии и политической воли руководства СССР, сработала знаменитая немецкая любовь к порядку — орднунгу, тем более что слишком близка была память о поражении в войне. Подавляющее число демонстрантов не ставило цели свержения правящего режима СЕПГ и советской оккупационной администрации. Они выдвигали сугубо экономические требования снижения цен и рабочих норм. Через несколько дней на многих предприятиях СЕПГ удалось оперативно организовать вооруженную охрану, которая получила название боевых дружин рабочего класса. 24 июня в Берлине состоялся массовый митинг молодежи в поддержку социалистической власти, а 25 июня Демократический блок политических партий и сотрудники правоохранительных органов выразили свое доверие правительству ГДР. Если говорить о жертвах этих беспорядков, то следует указать, что с 17 по 29 июня, по разным данным, погибли от 40 до 125 мирных жителей, 400 ранено, бунтовщиками было убито 11 полицейских и активистов СЕПГ, сотни получили ранения и увечья. Точные цифры потерь среди военнослужащих СА неизвестны. Было арестовано 9530 человек, половина вскоре была отпущена по домам, многие были приговорены

к различным срокам тюремного заключения, часть из них отбывала наказание в СССР. По приговорам судов ГДР было расстреляно 4 боевика. По некоторым данным, и советская военная администрация казнила некоторых активных участников бунта.

Теперь уже западные советологи и русисты открыто признают, что в руководстве НАТО в начале 50-х серьезно прорабатывался сценарий нападения на СССР. Тем более что тогда Североатлантический альянс имел решающее превосходство в наступательных ядерных боеголовках. На повестке дня стояла проблема переустройства послевоенного мира, холодная война прерывалась кровавыми стычками и конфликтами. Эскалация конфликта привела бы к третьей мировой войне и катастрофе вселенского масштаба. Решительное и своевременное применение силы Советским Союзом погасило разгоравшийся пожар и остудило горячие головы «ястребов» за океаном. На долгие годы заокеанские стратеги отказались от планов прямого нападения на СССР. Но западные спецслужбы сделали важный вывод о возможности нанесения потенциальному противнику значительного ущерба от психологической войны. По итогам этой операции был доработан и принят знаменитый план «Операция Лиотэ», которая продолжается до сих пор. Стали разрабатываться крупномасштабные гарвардские проекты, теории эрозии социализма, планы опутывания Союза сетью военных баз и трансляции враждебных «голосов». Находившийся в зените своего могущества СССР легко справился с бунтом военными методами. Социалистический блок демонстрировал единство, в самой ГДР были сильны сторонники социалистического выбора. Тем не менее восточным немцам был сделан ряд уступок: в 1954 году был упразднен статус оккупации, был прекращен контроль Верховного комиссара СССР в Германии над деятельностью правительства ГДР. В августе 1953 года с ГДР была снята обязанность по уплате оставшихся 2,5 млрд долларов репараций, последовала массивная экономическая помощь со стороны СССР. К руководству обновленной ГДР пришел В. Пик, были начаты экономические реформы. Были воплощены в жизнь программы кооперации и строительства социального жилья, спортивных объектов, школ, домов отдыха. ГДР вышла на первое место в социалистическом блоке по темпам развития и социальной защите населения.

Вот что тогда произошло. Отрицать, что меры были приняты суровые, — бессмысленно. Как, впрочем, стыдно не видеть, что меры были адекватные угрозе. Дважды за полвека война приходила в Россию не просто с Запада, а именно из Германии. И допустить, чтобы она пришла в третий раз — нет, на это никто бы не пошел. Потому и такие суровые, но адекватные меры.

Миф № 14. Союзники искренне помогали Советскому Союзу в годы войны, а Сталин их отблагодарил атомным шпионажем.

Миф № 15. Если бы не советская разведка, то в СССР не смогли бы создать атомную бомбу.

Спекуляции на эту тему периодически «всплывают» в антисталинский мифологии, как правило, в целях оскорбления либо разведки, либо советской науки, а нередко и тех и других одновременно. Ну а политика здесь играет роль антуража. Пересказывать всю историю усилий советской внешней разведки и ГРУ по добыванию атомных секретов США, Канады и Англии, очевидно, нет какого-либо смысла. Она настолько прекрасно описана в литературе и в различных иных публикациях, что любая попытка пойти по этому пути будет бледной копией давно и прекрасно сказанного. Поэтому сразу же сосредоточимся на самом главном.

А главным в этой истории является то, что разведка и наука действовали в этой области как великолепно отлаженный тандем, в чем заслуга, естественно, нещадно оболганного Лаврентия Павловича Берия, а также самих ученых и разведчиков. Именно как тандем. Потому что без науки разведка не смогла бы точно сориентироваться в своих усилиях по добыванию разведывательной информации. Если по-простому, то для того, чтобы добыть то, что нужно, нужно знать, что конкретно нужно. Эту часть может обеспечить только наука. А что касается нужд науки, то при пионерской прокладке путей в неизведанное без разведки вообще не обойтись. И не только в атомной сфере — в любой сфере деятельности.

Поэтому любые перекосы при изложении истории создания атомной бомбы не просто неуместны. Они суть подлость. Потому как только совместными усилиями было создано атомное оружие. Особенно подлы нападки на науку, что обычно приобретает следующий вид — мол, если бы не разведка, то наши ученые не смогли бы создать атомного оружия. Это гнусная ложь. Разведка может добыть, если и не любую секретную информацию, то по крайней мере очень много. Но что толку, если она не будет востребована и

особенно реализована?! Только вот ведь в чем вопрос. А кем она должна быть востребована! Ведь для этого требуются не просто подготовленные умы, а именно же профессионально разбирающиеся в этой проблематике талантливые ученые-специалисты. Вот такими и были советские ученые того периода, прежде всего Игорь Курчатов, возглавлявший научную часть атомного проекта. Именно та генерация советских ученых-атомщиков и обеспечила фантастический успех — создание в самые кратчайшие сроки советского атомного оружия.

В болтологии на тему об атомной разведке и ее взаимодействии с наукой нередко встречаются, мягко говоря, рьяно не адекватные реалиям утверждения о том, что добываемые разведкой сведения могли реализовываться в решения только после прохождения через кабинет Сталина. Воистину это форменная глупость. В секретную информацию по физике атомного ядра Сталин не вникал. Не его профиль. Его профиль — стратегическая оценка целесообразности приложения усилий для создания такого оружия. Это он и делал. И если бы не он, а также если бы не беспрецедентные усилия лично Лаврентия Павловича, то никакого атомного оружия у нас не было бы. В решении таких вопросов ученые без глобальной поддержки государства просто беспомощны.

А что касается утверждений о том, что-де «союзники искренне помогали Советскому Союзу в годы войны, а Сталин их отблагодарил атомным шпионажем», так ответ на это только один. Выдающиеся ученые мирового уровня, которые участвовали в создании американской атомной бомбы, официально обращались к руководству США с предложением поделиться атомными секретами с СССР как с союзником по антигитлеровской коалиции. Американское руководство с порога отмело подобные идеи. Хуже того. Еще даже не имея ни одного испытанного образца атомного оружия, уже в 1944 году стали планировать его применение против СССР! Вот это союзники, итить их!.. Вот это «демократия» под соусом «общечеловеческих ценностей», не приведи Господь!..

Миф № 16. Едва только нацистская Германия капитулировала, Сталин объявил Западу холодную войну и отгородился «железным занавесом».

Миф № 17. Едва только нацистская Германия капитулировала, Сталин отдал приказ о подготовке к Третьей мировой войне.

Миф № 18. Едва только Вторая мировая война закончилась, Сталин стал готовиться к нападению на Запад, прежде всего на США.

В пропагандистском обороте эти мифы используются очень давно. Можно даже сказать, что комплекс этих мифов являет собой одно из «лакомых блюд» западной пропаганды, тезисы которой усиленно поддерживают и местные мерзавцы. И все врут без зазрения совести. Впрочем, о какой совести можно говорить, если речь заходит о Западе и его давно уже напрашивающейся на выжигание каленым железом «пятой колонне» внутри России?!

Откровенно говоря, не собираюсь мучить уважаемых читателей всевозможными классическими обоснованиями, опровергающими тезисы западной пропаганды. Как и всегда, пойдем несколько иным путем. Более эффективным. Именно поэтому позволю себе вновь напомнить глубоко аналитический вывод авторитетного британского исследователя истории Второй мировой войны А. Тейлора, который, характеризуя принципы своей научно-исследовательской деятельности, отмечал, что он пишет не как сторонник какой-либо воевавшей страны или коалиции и высказывает свои суждения по спорным вопросам лишь после тщательного рассмотрения всей доступной ему информации. Исходя из таких принципов научно-исследовательской деятельности, под которыми подпишется любой нормальный человек, Тейлор сделал следующие выводы по итогам Второй мировой войны:

1. «Русские не стремились властвовать, не хотели распространять коммунизм. Они желали безопасности, и лишь коммунисты или их попутчики могли ее обеспечить»^[109].

2. «Все действия Сталина во время войны, например во Франции, в Италии, Китае, показывали, что любое распространение коммунизма за пределы сферы влияния Советской России было для него

совершенно неприемлемым. Установление коммунистического правления в государствах, граничивших с Россией, было следствием "холодной войны", а не ее причиной... Но даже при этом Сталин терпимо относился к либеральной демократии... когда она соединялась с подлинно народной поддержкой»^[110].

3. «То, что советская политика была напористой... не имело никакого отношения к коммунизму. Это давнее стремление русских, чтобы с ними обращались, как с равными, стремление, которого западные державы не сознавали во время войны, а после нее еще меньше»^[111].

Так вот кто бы теперь объяснил, каким образом тезисы западной пропаганды и злобствующей местной антисталинской сволочи могут претендовать хотя бы на какой-либо минимум достоверности, если даже в апогее триумфального завершения Второй мировой войны, в ореоле невиданной славы руководителя главной державы-победительницы, когда его армии стояли чуть ли не в каждой европейской стране, Сталин даже и не помышлял о том, чтобы везде насадить коммунизм?!

Но он вынужден, именно вынужден был пойти на такой шаг в Восточной Европе всего лишь по соображениям безопасности СССР. Да и то в связи с объявленной Советскому Союзу Западом холодной войной, о чем речь пойдет ниже. И всего лишь потому, что, если использовать мысль А. Тейлора, только коммунисты или их попутчики могли обеспечить относительно гарантированную и столь необходимую послевоенному СССР безопасность! Если уж совсем попростому, но строго в рамках военного дела, то речь шла о вынесении предполя далеко на запад за счет территорий государств Центральной, Восточной и Юг-оВосточной Европы. В конце-то концов, это вполне естественно для державы-победительницы. Прежде всего потому, что все эти государства в свое время послужили либо коридором, либо плацдармом для нападения на СССР. Отчего им было не послужить предполем в системе безопасности СССР, не говоря уже о собственной безопасности, поскольку ее в первую очередь обеспечивала мощь Советского Союза?!

А теперь попробуйте объяснить одну вещь. Если подобное еще более 30 лет назад было понятно авторитетному британскому историку, кстати, никогда даже на йоту не страдавшему и тенью

намека на какое бы то ни было советофильство и уж тем более не страдавшему симпатиями к Сталину, то почему наши доморощенные олухи и прочие подонки от Истории никак не могут взять в толк столь простую мысль?! Только ли от абсолютной интеллектуальной убогости?! Ну, сколько же можно брехать о никогда не существовавших у Сталина планах устройства мировой революции во исполнение заветов классиков марксизма-ленинизма?! Все, что он сделал тогда, диктовалось, причем диктовалось очень жестко, соображениями безопасности СССР. Да и самих этих государств тоже.

Но если вы думаете, что это единичный факт, тем более относящийся к финалу Второй мировой войны, когда США уже тоже набрали невиданную силу, с которой приходилось считаться и Сталину, вследствие чего он и не собирался насаждать везде коммунизм, то Вы глубоко ошибаетесь. Сталин и до войны вовсе не намеревался устраивать мировую революцию и уж тем более насаждать везде коммунистические режимы.

Вспомните хотя бы тот факт, что еще до войны антисталинская оппозиция открыто обвиняла Иосифа Виссарионовича в том, что-де он «предал революцию», причем не только внутреннюю, то есть октябрьскую, которую в общем-то сам Ленин называл всего лишь переворотом, но и мировую революцию тоже. Вспомните, что у Троцкого есть даже работа, которая так и называлась «Преданная революция».

Однако наиболее убедительно и ярко отсутствие у Сталина каких-либо кровожадно-коммунистических намерений задолго до войны подтвердили предатели из советской разведки. Вдова справедливо уничтоженного еще в 1937 году сбежавшего на Запад предателя из советской разведки Н.М. Порецкого (оперативный псевдоним Людвик) Элизабет Порецки в опубликованных уже после войны мемуарах под названием «Тайный агент Дзержинского» указала следующее. Описывая состоявшийся в 1935 году разговор между ее мужем и его другом, таким же предателем В. Кривицким (С. Г. Гинзбург), она привела его содержание, подчеркнув, что это слова Кривицкого: «Они нам не доверяют... мы нужны им, но они не могут доверять коммунистам-интернационалистам. Они заменят нас русскими, для которых революционное движение в Европе ничего не значит»^[112]. Этими словами Э. Порецки однозначно подтвердила, что и в середине

30-х годов XX века у Сталина не было никакого намерения насаждать коммунизм в других странах, тем более с помощью мировой войны в тандеме с «революцией». Если бы такое намерение у него было, то, напротив, в разведке сохранили бы всех тех, для кого это самое революционное движение в Европе имело значение. Но этого не случилось. Все произошло наоборот. Значит, и такого намерения у Сталина не было. Разведку он всегда держал под особым контролем.

Кстати говоря, то, что по дурости выболтала в своих мемуарах Э. Порецки, точно совпадает и с выводом ряда западных послов в Москве, причем даже хронологически. К примеру, в своем отчете за 1935 год французский поверенный в делах в Москве, Жан Пайяр, прямо указывал, что Советское правительство вовсе не заинтересовано в мировой революции, а Коминтерн находится на последнем издыхании^[113]. Любопытно, что, приведя в своей книге «1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны» (М., 2005) это мнение поверенного в делах Франции в СССР, британский исследователь Майкл Дж. Карлей, который не то чтобы даже на йоту не страдает и тенью намека на какое бы то ни было советофильство, а, напротив, для характеристики советских руководителей того времени выбирал самые грязные, ругательные, едва ли не на уровне площадной брани, слова, тем не менее сделал свою приписку к выводам Пайяра: «Это были вполне реалистичные наблюдения. Коминтерн мог вызывать раздражение, но не являлся угрозой европейской безопасности, гораздо большей угрозой была нацистская Германия»^[114].

Как видите, при самом элементарном анализе, осуществленном с помощью не решений Политбюро, а с помощью мемуаров предателей, секретных дипломатических отчетов западных послов и выводов не страдавших даже тенью намека на какое бы то ни было советофильство западных историков, в первую очередь британских, становится очевидным, что все обвинения в адрес Сталина, что-де он якобы умышленно насаждал коммунистические режимы (а до этого якобы умышленно готовил Вторую мировую войну, дабы насадить везде коммунизм) — в буквальном смысле слова высосаны из грязного западного пальца.

Да, и вот еще что. Если вы думаете, что после развала СССР эти обвинения исчезли — черта вам лысого! Ничего подобного. Их просто

модифицировали и опять всюду пуляют ими в адрес уже России. Вспомните, к примеру, первый из процитированных тезисов А. Тейлора — «Русские не стремились властвовать, не хотели распространять коммунизм. Они желали безопасности, и лишь коммунисты или их попутчики могли ее обеспечить». Зеркальный вариант именно этого тезиса, к примеру, нынче в особом ходу.

О коммунизме, естественно, речь не идет. Но Россия по-прежнему желает безопасности, особенно на западном направлении, и требует от США и НАТО прекратить дальнейшее продвижение НАТО на Восток, прекратить попытки размещения систем противоракетной обороны в восточноевропейских странах. И что она слышит в ответ от западных ублюдков? А то же самое. Русский экспансионизм, русский империализм, которыми Кремль якобы вновь угрожает Восточной Европе! Ну, и чем это отличается от прошлых воплей?!

Возьмите также второй из тезисов А. Тейлора «Все действия Сталина во время войны, например во Франции, в Италии, Китае, показывали, что любое распространение коммунизма за пределы сферы влияния Советской России было для него совершенно неприемлемым. Установление коммунистического правления в государствах, граничивших с Россией, было следствием "холодной войны", а не ее причиной... Но даже при этом Сталин терпимо относился к либеральной демократии... когда она соединялась с подлинно народной поддержкой».

Современная Россия искренне желает, чтобы подлинно демократическое правление воцарилось в странах, граничащих с ней, дабы стало возможным действительно на основе принципов дружбы и добрососедства взаимовыгодно сотрудничать в различных сферах. А что она слышит в ответ от тех же западных подонков?! А все то же. Россия, мол, проявляет имперские амбиции и пытается подмять под себя постсоветское пространство?! А тут уже реальное передергивание фактов. Исторически независимые государства на бывшем постсоветском пространстве — это ареал геополитического бытия России. И не считаться с этим ни Россия, ни правительства этих государств не могут. США за океаном, Европа тоже не слишком уж и близка, во всяком случае для многих из бывших советских республик. А Россия рядом. С кем выгодней сотрудничать во всех сферах?! С заокеанскими «доброхотами» или все же с Россией?! Ответ однозначен

— с Россией. Вот и делают свой выбор правительства независимых государств, если, конечно, они вменяемы, особенно психически...

Ну, и, наконец, третий тезис А. Тейлора: «То, что советская политика была напористой... не имело никакого отношения к коммунизму. Это — давнее стремление русских, чтобы с ними обращались, как с равными, стремление, которого западные державы не сознавали во время войны, а после нее еще меньше». Но разве мы не являемся свидетелями того, что История опять повторяется?! Современная Россия требует по отношению к себе уважительной политики, политики равноправной. А что слышит в ответ?! А все то же. Русский экспансионизм, русский империализм и т. д. и т. п. Эй, вы там, на Западе! Не надоело ли вам постоянно выставлять себя патологическими идиотами, не способными даже «пластинку сменить»?!

Что же касается объявления холодной войны, то автору уже приходилось писать на эту тему. Еще в пятом томе пятитомника «200 мифов о Сталине» и в четвертом томе — «На пути к Победе» — настоящего пятитомника были опубликованы соответствующие аналитические обзоры этих мифов. В данном случае частично вынужден их повторить. Но с одной разницей. В процессе работы над этим томом автору довелось ознакомиться с одной одновременно и интересной, и безмерно глупой из-за одного содержащегося в ней положения статьей, которая называется «Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946», которая была опубликована в № 2 за 2000 год журнала «Новая и новейшая история». Автор Николай Васильевич Злобин, тогда кандидат, а ныне доктор исторических наук.

Статья посвящена предыстории печально знаменитой фултонской речи У. Черчилля, с которой в общем-то мировая историография и ведет отсчет холодной войне. Как и всегда, ничего сверхнового в статье профессионального историка не обнаружилось, за исключением меню, которым угощали Черчилля в Фултоне. Кстати, рецепты отдельных блюд действительно весьма привлекательны. Но это, естественно, не самое главное.

Главное, из-за чего автор и позволил себе такую резкость, заключено в одном поистине поразительно наиглупейшем

утверждении этого историка, цитирую: «Знаменитая фултонская речь родилась в полнейшей политической невинности»!

По роду своих занятий автору приходится знакомиться с огромным количеством исторических исследований, книг, монографий, статей и т. п. публикаций, в том числе и в электронных СМИ. Но никогда не доводилось встречать ничего подобного! Даже в западных публикациях никто не рискует утверждать такие глупости! А тут наш, рассеянский (ныне, кажется, весьма недурно устроился за океаном) историк — бац, и вычислил «полнейшую политическую невинность» речи, которая возвестила аж целую эпоху в международных отношениях! А поскольку речи сами по себе не появляются — их пишут соответствующие авторы по соответствующему поводу, то, следовательно, Н. В. Злобин вычислил и «полнейшую политическую невинность» У. Черчилля! «Полнейшую политическую невинность» одного из самых прожженных, матерых волчар мировой политики, злобного антисоветчика и ярого русофоба, который никогда не скрывал своей лютой ненависти к СССР и России — Уинстона Черчилля! Вся западная пропаганда может после этого отдыхать! Более того. Подобную глупость надо представить на номинацию в Книге рекордов Гиннесса. Г-н Злобин, а вы часом не ошиблись в выборе профессии?! Быть может, вам лучше было бы пойти в гинекологи, коль вы так лихо устанавливаете факт «полнейшей невинности», да еще и политической?!

Впрочем, шутки шутками, ирония иронией, но ведь и в самом-то деле жуткая бредятина получилась — фултонская речь Черчилля родилась в «полнейшей политической невинности»! Какая, к чертям англосаксонским, «полнейшая политическая невинность», если еще в самый разгар Второй мировой войны — в июле 1943 года — из-под пера тесно связанного с Королевским институтом международных отношений и британской разведкой директора Лондонской Экономической Школы, члена Комитета 300 состава 30—40 годов XX века, влиятельнейшего геополитика англосаксонского Запада, на идеях которого базируются все концепции по установлению мирового господства англосаксов — Джона Хэлфорда Маккиндера, — вышла уникальная по беспрецедентной агрессивности по отношению к фактически в одиночку ведущему смертельную борьбу с нацизмом СССР статья под названием «Круглая Земля и Выигрыш Мира»?! От

имени еще ничего существенного не сделавшего для разгрома нацизма англосаксонского Запада, в том числе и Великобритании, Маккиндер открыто указал: «Наш следующий враг — Советский Союз»!^[115] По сути дела, она была не чем иным, как выдающейся по своему коварству геополитической инструкцией всей правящей элите англосаксонского Запада по вопросу, что и как делать дальше, так как, по его мнению, «грядущая борьба должна быть решающей для мирового господства, ибо конечная цель — доминирование над Евразией. Поэтому грядущая неумолимая схватка за власть над этим решающим геополитическим пространством является решающей схваткой современной эпохи»^[116].

Да и Черчилль, откровенно говоря, не отставал в подобном мышлении, если вообще не опережал таких интеллектуалов, как Маккиндер. В октябре 1942 года, когда гитлеровцы завязли в бескрайних просторах России и соответственно перестали быть непосредственной угрозой для Англии (в смысле организации вторжения), Черчилль без зазрения рассуждал следующим образом: «Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом как единое целое под руководством Европейского совета. Я обращаю взоры к созданию объединенной Европы»^[117]. Как видите, Черчилль уже тогда был готов на все, лишьбы «противостоять русскому варварству». Одно слово — англосакс...

Более того. О какой «полнейшей политической невинности» речи Черчилля можно говорить, располагая следующим строго документальным фактом. В рассекреченных в 1998 году документах личного досье Черчилля ключевым является датированный 22 мая 1945 года план экстренной операции «Немыслимое» («Unthinkable»), подготовленный Объединенным штабом планирования военного кабинета. В плане сформулированы оценка обстановки, цели операции, привлекаемые силы, направления ударов войск западных союзников и их вероятные результаты. Начало разработки плана — не позднее апреля 1945 года.

Разработке плана предшествовали мрачные размышления и выводы. Впоследствии Черчилль воспроизвел их в своих мемуарах: «Во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток; в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин; в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение; в-шестых, Вена, по существу вся Австрия должна управляться западными державами, по крайней мере, на равной основе с русскими Советами; в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии...»^[118]

В апреле 1945 года, когда Вена, Берлин, а затем и Прага оказались вне досягаемости войск западных союзников, тем более актуальным представлялось Черчиллю создание «нового фронта» против Красной Армии. Разработчики операции, а это был план развязывания войны против СССР, руководствовались следующими исходными установками, которые были даны при получении задания:

— операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а, следовательно, высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;

— Великобритания и США получают полную поддержку вооруженных сил Польши^[119] и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;

— не следует рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но учитывать вероятность использования их территории и тех средств, необходимость в которых может возникнуть;

— иметь в виду вероятность вступления России в союз с Японией;

— начало военных действий 1 июля 1945 года.

Цель операции — «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Конкретно имелось в виду «вытеснить Красную Армию за пределы Польши». Хотя мотивы этого решения в документе не раскрываются, тем не менее догадаться вовсе не трудно. Речь прежде всего шла о тотальном вытеснении

Советского Союза из Центральной и Восточной Европы. Далее высказывалась мысль о том, что тотальная война является единственным надежным средством достижения цели и для этого необходимо: а) оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления; б) нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну.

Сомнения возникли при рассмотрении вопроса о соотношении сил — «Существующее соотношение сил в Центральной Европе, где русские располагают примерно тройным преимуществом, делают крайне маловероятным достижение союзниками полной и решающей победы». Указывалось также, что для ликвидации «диспропорции» необходимы людские ресурсы союзников, на что потребуется время и, во-первых, размещение и использование в Европе крупных ресурсов США и, во-вторых, перевооружение и реорганизация немецких войск. «Мы делаем вывод, что: а) для надежного и прочного достижения нашей политической цели, необходим разгром России в тотальной войне; б) результат тотальной войны против России непредсказуем, но ясно одно — чтобы выиграть ее, нам потребуется очень длительное время». Из дальнейших документов следовало, что свои расчеты планировщики преимущественно связывали с достижением успеха в быстротечной войне, неким вариантом нового блицкрига, в результате которого «Россия примет наши условия». Именно этот вариант войны наиболее подробно освещается в плане. Оценивая с этих позиций стратегическую обстановку, авторы плана считали, что наиболее грозным противником для западных союзников являлись сухопутные силы Красной Армии. Конкретно указывались два основных направления наступления войск западных союзников: ось Штеттин — Шнейдемюль — Быгдош и ось Лейпциг — Коттбус — Познань — Бреслау. Общий вывод о перспективах кампании был пессимистичным: «а) Если мы начнем войну против России, мы должны быть готовы к вовлечению в тотальную войну, которая будет длительной и дорогостоящей; б) численный недостаток наших сухопутных сил делает весьма сомнительным ограниченный и быстрый успех, даже если по расчетам его будет достаточно для достижения политической цели»^[120]. План войны на время отложили.

На этом фоне еще раз хочу обратить внимание читателей на полнейшую абсурдность утверждения Н. В. Злобина о некоей «полнейшей политической невинности» истории появления речи Черчилля. И вот почему. В одном из своих интервью газете «Завтра» (январь 2008) известный в прошлом дипломат и ответственный сотрудник ЦК КПСС В. Фалин отмечал, что в октябре 1942 года Черчилль проводил совещание, на котором заявил следующее: «Мы должны задержать этих русских варваров так далеко на востоке, как это возможно». Еще нет нашего контрнаступления под Сталинградом (началось 19.11.1942), а Черчилль уже рассуждал о «русских варварах»? Более того. В том же 1942 году Черчилль выступил с воззванием о необходимости консолидации всех европейских сил для борьбы с «русскими варварами» и даже предложил приступить к дележу русского имущества! Кстати, он рассуждал об этом и в октябре — ноябре 1941 года. В нарушение ст. 2 советско-английского соглашения от 12.07.1941^[121], Черчилль, выступая на заседании военного кабинета, развил следующую мысль: «Да, мы взяли перед русскими публичные обязательства не вступать в переговоры с нацистами, но мы не брали обязательств не вступать в переговоры с военными, если они возьмут на себя власть в Германии»? В 1943 году, в период Курской битвы, эта тема — вступить в союз с немецкими военными против России — вновь появилась. Фалин справедливо заметил также, что благодаря Московской битве Советский Союз создал предпосылки для того, чтобы война закончилась уже в 1942 году. Это признают и американские военные документы. Почему же война не закончилась ни в 1942-м, ни в 1943-м? Да потому, что «союзникам» была невыгодна ситуация, в которой СССР оказался бы реальным и единственным победителем Германии. Об этом говорят американские документы, связанные с Московской битвой. В декабре 1941-го — январе 1942-го заместитель госсекретаря и координатор деятельности американских разведок Берл указал, что создавалась опасность, что СССР выйдет из войны самой сильной державой в Европе. А в 1942 году комиссия Хэлла, разрабатывавшая основы американской послевоенной политики, письменно указала следующее: «После войны мы должны привести в движение небо и землю, мы должны встать перед немцами на колени, чтобы они стали нашими союзниками в борьбе против Советского Союза». И это в 1942 году!?

По английским разработкам немцы должны были зайти как можно дальше на территорию СССР, чтобы их изгнание заняло как можно больше времени. А в этот момент, пока мы будем сопротивляться, а потом изгонять, они успеют обустроить свои позиции, создадут условия, когда Гитлера сместят или убьют и договорятся за наш счет обо всем, о чем не успели перед войной. После победы в Сталинградской битве на Западе поняли, что СССР очень силен и вполне может при дальнейшем напряжении сил в одиночку нанести поражение Германии. Очевидная победа СССР в завершившейся битве на Курской дуге еще более укрепила англосаксов в этом понимании. И под знаком этого, сильно удручающего Запад, понимания 20 августа 1943 года (Курская битва завершилась 23 августа) в Квебеке (Канада) прошла встреча Рузвельта и Черчилля, а также начальников их штабов и начальников их разведслужб. И если теперь взглянуть на некоторые западные документы той поры, то увидим, что во время этой встречи обсуждался вопрос о вступлении в союз с нацистскими генералами для совместной борьбы против Советского Союза. В связи с этим принимаются два плана — известный ныне «Оверлорд», то есть высадка союзников в Нормандии, и абсолютно неизвестный широкой общественности «Рэнкин», который до сих пор засекречен англосаксами. Раньше 2023 года они открывать его не собираются. Ну и хрен с ними, что не собираются рассекречивать. Он и так был известен Сталину. Выдающийся советский разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров и его не менее славные коллеги из кембриджской пятерки и другие суперасы советской разведки позаботились об этом и передали в Москву содержание рассматривавшегося на квебекской встрече (август 1943 г.) подготовленного американской разведкой секретного меморандума № 121 (он-то и лег в основу «Рэнкина»), в котором говорилось: «...Попытаться повернуть против России всю мощь непобежденной Германии, все еще управляемой нацистами... Это, вероятно, приведет к завоеванию Советского Союза той самой могущественной и агрессивной Германией... [но] чтобы не допустить последующего господства Германии над всей мощью Европы, мы вместе с Великобританией будем обязаны после завоевания России Германией взяться еще раз и без помощи России за трудную задачу нанести поражение Германии». Кстати говоря, появление такого меморандума фактически было спровоцировано упоминавшейся выше

статьей Маккиндера «Круглая Земля и Выигрыш Мира». Основываясь именно на этих постулатах, глава УСС генерал У. Donovan и разработал меморандум № 121 для участников квебекской встречи! Содержание меморандума № 121 свидетельствовало о том, что лидеры англосаксонского Запада всерьез рассматривали идею, суть которой была в следующем: повернуть всю оставшуюся мощь пока еще нацистской Германии против СССР и дать ей возможность окончательно разгромить СССР, чтобы затем уже напасть на Германию и прийти в Россию в ипостаси «спасителя-освободителя». И это в 1943 году, когда советская армия уже поломала хребет вермахту! В общем-то это была судорожная попытка на ходу изменить уже тогда очевидную послевоенную конфигурацию в Европе. Прежде всего для изъятия Восточной Европы из орбиты влияния СССР в целях последующего установления там своего господства. Думы о послевоенном господстве в Восточной Европе как о прологе-плацдарме к мировому господству их не оставляли.

Благодаря Ахмерову уже тогда Сталину было известно, что «союзники» разработали «технологию» вступления англичан и американцев в союз с немецкими генералами или нацистским руководством. Ее суть заключалась в следующем. Немецкие военные открывают Берлин и все остальные города Германии для высадки англо-американских парашютно-десантных войск, а также создадут условия для того, чтобы «союзники» взяли под контроль Варшаву, Прагу, Будапешт, Бухарест, Белград, Софию, Вену. В том и состояла главная цель плана «Рэнкин». То есть речь шла о захвате практически всей Восточной Европы, ради установления контроля над которой в качестве пролога к мировому господству англосаксов — помните многократно повторявшиеся слова Маккиндера на этот счет — и были спровоцированы последовательно Первая, а затем и Вторая мировые войны. Для СССР война должна была закончиться где-то на довоенной границе 1941 года или даже на границе 1939-го. В августе был одобрен первый вариант «Рэнкина», а в ноябре — второй, доработанный. Эйзенхауэру, который был назначен командующим операцией «Оверлорд», в январе 1944-го было дано предписание: если сложатся условия для реализации плана «Рэнкин», — несмотря на любые договоренности с русскими, — выходить из сотрудничества с ними и переключать все силы на него. Но все это подлейшее громадьё

преступнейших англосаксонских планов кончилось тем, что рейхстаг взяла Красная Армия.

Однако англосаксы, особенно бритты, тем и отличаются, что многие пакости против России они готовят, что называется, впрок, зачастую и на десятилетия вперед. Но, как и всегда, пошли по пути шаблона. Помните, еще при анализе первого мифа в первом томе настоящего пятитомника говорилось о разработанном Великобританией (от имени всего Запада) плане Перманентной мировой войны против России, в котором ее участь была обозначена вполне однозначно — «РУССКАЯ ПУСТЫНЯ». Принципиальная же ставка в механизме перманентности мировой войны была сделана на оголтелый германский реваншизм яро националистического толка. После Первой мировой войны таким образом удалось породить и взрастить нацизм. Судя по всему, англосаксам эта «технология» очень уж понравилась, и они вновь решили этим заняться в процессе обсуждения вопроса о будущем разделе территории побежденной Германии на зоны оккупации. Он обсуждался в руководящих кругах США и Великобритании уже в январе — марте 1943 года. То есть почти за полтора года до открытия второго фронта в Европе! Впрочем, будем исторически точны. Вообще, обсуждение послевоенного будущего Германии и выдвижение всевозможных проектов тотального физического ее уничтожения началось еще в 1941 году. Кто только из американского и британского истеблишмента не упражнялся на эту тему?! Ничего еще не сделав для разгрома гитлеровской Германии, лидеры западной демократии пытались делить шкуру неубитого нацистского вепря, намереваясь вновь раскромсать Германию, дабы заранее спровоцировать неизбежный в таком случае оголтелый германский националистический реваншизм под лозунгами объединения страны и нации. Однако на их пути встал выдающийся советский разведчик-нелегал И. А. Ахмеров и его соратники — разведчики, работавшие в Англии, о чем уже говорилось выше. Тем не менее еще раз повторю эту уникальную информацию. В параграфе № 8 добытого Ахмеровым информационного сообщения от 28 марта 1943 года британского министра иностранных дел А. Идена премьер-министру У. Черчиллю о ходе англо-американских переговоров в Вашингтоне по вопросу послевоенного устройства в мире говорилось: «При обсуждении вопроса о Германии президент вновь выдвинул

предложение о ее расчленении, которое, как он склонен думать, будет способствовать обеспечению безопасности Европы... Я заявил, что мы также изучаем этот вопрос, однако в основном я согласен с необходимостью расчленения Германии, поскольку Вы сами неоднократно высказывались в пользу этого. Президент заметил, что объединенная Германия существует не так уж давно и вполне вероятно, что там могут появиться тенденции расколоться на ряд отдельных государств. Такие тенденции, по мнению президента, нужно поощрять». Вот так, простенько и со вкусом — «нужно поощрять». Как будто не было известно, к чему привело это самое «поощрение» в 20-х — 30-х годах XX века?! «Поощряли» до тех пор, пока не взрастили нацизм, не привели Гитлера к власти и не спровоцировали мировую войну, а затем и нападение на СССР! Однако на Ялтинской 1945 года конференции Сталин не просто напрочь порушил все эти планы и намерения Запада, а, говоря по-простому, рога пообломал этим западным козлам, чтобы не смели более бодаться...

Вот чем конкретно была вызвана фултонская речь Черчилля, а отнюдь не его «полнейшей политической невинностью», которую он потерял еще в ранней юности. Не смогли англосаксы достичь желаемых результатов ни с помощью Гитлера, ни самостоятельно. Итоги войны в корне противоречили их замыслам при провоцировании самой войны. И в то же время они ничего не могли поделать с мощным Советским Союзом, который возглавлял выдающийся государственный деятель планетарного масштаба — Иосиф Виссарионович Сталин. Сталин не только на равных «разыгрывал геополитические карты» с такими корифеями западного мира, как Черчилль, Рузвельт (о Трумэне и речи быть не может, ибо это полнейшее интеллектуальное убожество, даже чисто внешне), де Голль, но и зачастую превосходил их в понимании геополитических проблем и перспектив их развития! Знаете, как выдающийся геополитик, Сталин ликвидировал всякую угрозу реализации плана «Немыслимое»?! Это же просто песня! В июне 1945 года приказал Жукову, который командовал советскими оккупационными войсками в Германии, перегруппировать свои силы, укрепить оборону и детально изучить дислокацию войск западных союзников. И все. У англосаксов тут же затряслись поджилки. Потому и отложили план. А чуть позже

не без элегантного «содействия» Сталина главный вдохновитель, идеолог и планировщик идеи плана «Немыслимое» — У. Черчилль вылетел со своего поста премьер-министра...

В то же время нельзя отрицать тот факт, что после капитуляции Германии Сталин действительно отдал приказ о подготовке к Третьей мировой войне. Приказ был отдан отнюдь не потому, что Сталину так уж хотелось вновь воевать. Напротив, он вовсе не желал и уж тем более не жаждал новой войны. Ведь полстраны лежало в руинах. Запад это прекрасно знал. Приказ был обусловлен точным знанием плана «Немыслимое». И Запад быстро это понял.

Проиграв Советскому Союзу по всем параметрам как во Второй мировой войне, так и тем более в вопросах послевоенного мироустройства, англосаксам только и оставалось, что завывать на Луну. Чем они и занялись. И первым выть стал именно У. Черчилль — собственно говоря, его фултонская речь и была тем самым первым воем.

Откровенно говоря, и вой-то у Черчилля получился какой-то странный. Дело в том, что на сегодня насчитывается 50 вариантов его речи!? Как такое могло получиться — бес их поймет, этих англосаксов. Не менее любопытно и то, что выражение «железный занавес» Черчилль спер из нацистской фразеологии. Ну что ж, вполне естественно для англосакса. Как, впрочем, и то, что Запад не впервые занялся опусканием «железного занавеса» перед Россией. Еще Петр I в одном из писем своему сыну — цесаревичу Алексею — указывал на то, что Европа опустила перед Россией «железную завесу». Черчилль, естественно, этого не знал, потому и украл термин «железный занавес» у нацистов. Впрочем, даже не это суть как важно. Важно иное. Даже такой ярый враг Советского Союза и злобный русофоб, как У. Черчилль, и тот вынужден был открыто признать, что «России нужно обезопасить свои западные границы и ликвидировать все возможности германской агрессии». Более того. Черчилль вынужден был прямо сказать, что он не верит, «что Советская Россия жаждет войны». И даже сверх того заявил, что он отвергает идею о том, что новая война неотвратима! Хотите верьте, хотите не верьте, но даже этот заклятый «союзничек» понимал, что СССР не жаждет войны!

Небезынтересно в этой связи отметить следующий факт. Если быть исторически точным, то в общем-то первым глашатаем холодной

войны был не У. Черчилль, а американский дипломат Джордж Кеннан, автор знаменитой самой длинной телеграммы в истории Государственного департамента США. Его телеграмма насчитывала 5542 слова. И направлена она была 22 февраля 1946 года, в то время как У. Черчилль произнес свою знаменитую речь 5 марта 1946 года. Увы, Дж. Кеннан не был столь известен, популярен и авторитетен, как Черчилль. Так что его имя осталось в тени. Но вот что интересно. Содержание его телеграммы и речи Черчилля совпали едва ли не один к одному. В том числе и в таком вопросе, как возможна ли новая война. И Кеннан ответил категорично: «Русские войны не хотят ни в коем случае!» Кстати, этот вывод затем появился и в еще более официальных документах США, в частности в докладе от 7 ноября 1947 года Совета по планированию политики госдепартамента США под названием «Резюме международной политики»: «Опасность войны многими значительно преувеличивается. Советское правительство не желает и не ожидает войны с нами в обозримом будущем... Крайние опасения по поводу опасности войны исходят из неверной оценки советских намерений. Кремль не желает новой большой войны и не ожидает ее... В целом нет оснований полагать, что мы внезапно будем вовлечены в вооруженный конфликт с СССР».

Все правильно. Потому что после капитуляции Германии никаких агрессивных намерений у Советского Союза не было, как, впрочем, их не было и до этого. В СССР уже 23 июня 1945 года был принят закон о демобилизации армии и флота, перевод их на штаты мирного времени. Демобилизация началась 5 июля 1945 года и завершилась в 1948 году. Армия и флот были сокращены с 11 млн до менее 3 млн чел., упразднены Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного Главнокомандования. Количество военных округов в 1945 — 1946 годах уменьшилось с 33 до 21. Значительно сократилось количество войск в Восточной Германии, Польше и Румынии. В сентябре 1945 года советские войска были выведены из Северной Норвегии, в ноябре из Чехословакии, в апреле 1946 года с острова Борнхольм (Дания), в мае — из Маньчжурии и Северного Ирана, в декабре 1947 года — из Болгарии и в 1948 году — из Кореи.

И лишь с 1949 года началось постепенное увеличение численности советских вооруженных сил — в острие против острия страна втягивалась в гонку вооружений. Но в том виноват не Сталин, а

Запад, создавший, кстати говоря, по нацистским лекалам НАТО. Тут уж поневоле пришлось наращивать свои вооруженные силы. Потому как главная цель НАТО состояла в уничтожении СССР. К слову сказать, если что и изменилось в планах НАТО, так это только имя главного противника — теперь не СССР, а Россия числится главным противником североатлантических убудков.

Что же касается того, что Сталин якобы готовился напасть на Запад, прежде всего на США, то это вообще полнейшая, несусветная чушь. Потому как не Сталин планировал подобное преступление, а англосаксонские союзники по антигитлеровской коалиции, о чем уже было сказано выше. Причем планировали, прекрасно понимая, что цель-то — военный разгром СССР — просто недостижима. К примеру, в добытых советской нелегальной разведкой «Рекомендациях» (от 3 августа 1944 г.) государственному секретарю К. Хэллу говорилось: «Успешное завершение войны против наших нынешних врагов приведет к глубоким изменениям соответственной военной мощи в мире, которые можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это имеет кардинальное значение для последующих международных урегулирований и всех обсуждений, касающихся их. Помимо устранения Германии и Японии как военных держав, изменения соответственной экономической мощи главных государств, технические и материальные факторы значительно способствовали этим изменениям. Среди них: развитие авиации, общая механизация вооруженной борьбы и заметный сдвиг в военном потенциале великих держав. После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. В каждом случае это объясняется сочетанием их географического положения, размеров и громадного военного потенциала. Хотя США могут перебросить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относительная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной стороне выступит Британская империя».

Тем не менее, еще даже не имея атомного оружия, США уже в 1944 году стали планировать его использование против СССР. Так, в дневнике военного министра США Стимсона есть одна запись о встрече с президентом Рузвельтом, в которой говорится: «Необходимо

ввести Россию органически в лоно христианской цивилизации... Возможно использование S1 для достижения этого...». S1 — это условное название атомной бомбы по состоянию американского планирования на 1944 год! Вот этим самым S1 Россию (СССР) намеревались ввести в лоно христианской цивилизации... в виде послеатомного пепелища! Ну, разве не «борцы за демократию и права человека»?!

Не дожидаясь капитуляции Японии во Второй мировой войне, против которой во исполнение своих союзнических обязательств воевал Советский Союз, комитет начальников штабов США приступил к разработке планов новой войны — непосредственно против Советского Союза. Они были зафиксированы в директивах № 1496/2 от 18 сентября 1945 года «Основа формулирования военной политики» и № 1518 от 9 октября 1945 года «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США». Несмотря на высшие степени секретности, эти директивы не стали для Сталина «тайнами за семью печатями»... И вот что до чрезвычайности интересно. По этим документам четко видно, что ни один из американских мерзавцев ведь не верил даже в иллюзорную «агрессивность» Советского Союза — в документах прямо было указано, что «Советский Союз не представляет собой непосредственной угрозы». Тем не менее командование вооруженных сил США исходило из того, что советские возможности, независимо от намерений Советского Союза, «представлялись достаточным основанием считать СССР потенциальным врагом». Вот же «логика»! Да, именно «логика», потому что в сентябре 1945 года США приняли на вооружение доктрину превентивного «первого удара». На том, к слову сказать, стоят и поныне...

Небольшой комментарий. К слову сказать, наш заклято подлый «союзник» по антигитлеровской коалиции — пресловутый американский генерал Д. Эйзенхауэр — в бытность командующим американскими Войсками в Европе во исполнение упомянутых директив в конце 1945 года состряпал план нападения на СССР под названием «Тоталити». По плану предполагалось нанесение атомного удара 20 атомными бомбами по 17 городам Советского Союза. Вот вам и «союзник»...

Дальше все покатило как снежный ком с горы. Один план нападения на СССР за другим. Как будто блины... пардон, сэндвичи стряпали. Директива № 1496/2 от 18 сентября 1945 года «Основа формулирования военной политики» превратилась в официальный документ — СВНКК-282 — координационного комитета, объединявшего представителей государственного департамента, военного и военно-морского министерств. 14 декабря 1945 года выходит директива № 432/д Объединенного комитета военного планирования, в которой были указаны 20 основных промышленных центров Советского Союза и Транссибирская магистраль, по которым планировалось нанести атомные удары 196 атомными бомбами.

В июле 1946 года появляется план «Пинчер» («Клещи»), предусматривавший удар по 20 городам СССР с использованием 50 атомных бомб и вторжением американских войск на советскую территорию.

18 августа 1948 года за № 20/1 появляется новая директива Совета национальной безопасности США, в основе которой доклад Совета планирования политики под названием «Цели США в отношении России». Все цели США в отношении России (СССР) уже тогда были сведены всего к двум: «Свести до минимума мощь и влияние Москвы; провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России». А средство достижения этих целей было указано в этой директиве столь же откровенно: «Наша конечная цель в отношении Советского Союза — война и свержение силой Советской власти!» Простенько, но с каким англосаксонским «вкусом»!.. Вот же звери лютые!..

Небольшой комментарий. 1. «Вкус», надо сказать, действительно англосаксонский. Таким «вкусом» обладают только англосаксы и людоеды. Впрочем, это одно и то же. И бот что поразительно. Прежде чем у Совета национальной безопасности США «прорезался» такой «Вкус», нечто подобное постановило собрание представителей Высшего эшелона финансово-экономической и индустриальной плиты США, состоявшееся томя же 1948 году. В очередной раз облаяв Россию самыми грязными словами — рука не поднимается их приводить в книге, — они потребовали от правительства США, чтобы оно добивалось неограниченного права для контроля за Всеми промышленными предприятиями других стран,

а также для размещения обеих атомных бомб «до всех регионах мира, где есть хоть какое-то основание подозревать уклонение от такого контроля или заговор против этого порядка», и при необходимости «немедленно и без всяких колебаний сбрасывать эти бомбы Везде, где это целесообразно». И дело завертелось. Штамповали планы бомбардировок СССР, как гамбургеры. И всякий раз география бомбардировок расширялась, количество объектов атомных бомбардировок увеличивалось.

2. Попутно любопытный факт. В ноябре 1945 года в США из Франции британской разведкой был направлен злейший враг Советского Союза и России, в пух и прах разбитый еще в Гражданскую Войну, — генерал А. И. Деникин, чьи отнюдь не сбитые мощи недавно с помпой перетащили в Москву. Через свою агентуру в кругах русской эмиграции в США британцы организовали ему приглашение в Америку якобы для чтения лекций. Выполняя, в период сильно затянувшегося «турне» по США, поручение британской разведки, в июне 1947 года, то есть незадолго до своей смерти, Антон Иванович Деникин обратился с посланием к президенту США Г. Трумэну, в котором четко расписал дураковатому главе Белого дома, как нужно бороться с Россией, чтобы раздолбать ее наверняка! Подчеркиваю, с Россией, а не с Советской Властью и Советским Союзом! Странная практика британской разведки — действовать чужими руками с чужого плацдарма. Главным пунктом Деникин сделал «борьбу с культом личности» Сталина! Так ведь и написал, что начинать надо с разрушения культа личности Сталина, потому как «падение главной опоры большевистской иерархии (авторитета Сталина) приведет к разрушению и гибели всей структуры». А «государственный переворот в России, — писал далее "патриот" Деникин (еще раз обращаю внимание, что не в СССР, а в России. — А. М.) — приведет к фундаментальным переменам в режиме, а не к одним лишь персональным перестановкам!» И при этом заклинал Трумэна учесть все ошибки Гитлера — надо полагать, как «искренний патриот» России Деникин страсть как сожалел, что Адольфу Алоизовичу не удалось уничтожить Россию!

Обратите, кстати говоря, внимание и на тонкость проведения операции британской разведкой. Деникин был вывезен в США незадолго до приезда туда — кстати, тоже для чтения лекций, — У.

Черчилля. Как уже указывалось Выше, 6 марта 1946 г. В Фултоне прозвучала пресловуто знаменитая речь Черчилля, с которой и начался отсчет холодной Войны. И вот тут-то Деникина и понесло... учить уму-разуму главу Белого дома. И не его ли мысли затем оказались во всех американских директивах об организации войны против Советского Союза? Британская разведка истари обожает не напрямую кому-то что-то объяснять и тем более вдабливать, особенно туповатым янки. Она любит это делать исподволь, и не просточужими руками с чужого плацдарма, а именно такими, которые внешне очень трудно заподозрить в связи с ней. Тут и битый-перебитый генералишко сгодится. Ну а едва только он Выполнил поставленную перед ним задачу, так тут же его и хватанул сердечный приступ, и 7 августа 1947 года его не стало. Обычная практика бриттов: мавр сделал свое дело — мавр может спокойно отправиться к праотцам.

Параллельно, но в том же 1948 году появляется план «Чариотир», согласно которому война против СССР должна была начаться «с концентрированных налетов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных городов и избранных предприятий нефтеочистительной промышленности, с баз в Западном полушарии и Англии».

В первые тридцать дней планировалось обрушить на Советский Союз 133 атомных бомбы на 70 советских городов. В том числе 8 атомных бомб — на Москву и 7 атомных бомб — на носивший тогда название Ленинград Санкт-Петербург. Затем еще 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб!

Этого показалось мало, и к 1 сентября 1948 года был разработан новый план — «Флитвуд», который также предусматривал массированные атомные бомбардировки СССР. Согласно этому плану, война должна была начаться не позднее 1 апреля 1949 года! Во исполнение этого плана командование американских ВВС разработало оперативный план САК ЕВП-149, в котором были определены задачи и цели этого варварства, а также составлены навигационные карты для экипажей для осуществления бомбардировок одновременно 70 городов Советского Союза. Карты были розданы до 1 февраля 1949 года. К концу 1948 года и этого показалось мало. Заокеанские "деятели"

разработали новый план «Сиззл» («Испепеляющий удар»), ставший бессмысленным плагиатом плана «Чариотир», так как полностью его повторял.

Не приемля факта ликвидации американской монополии — в сентябре 1949 года была взорвана первая советская атомная бомба, — комитет начальников штабов США на основе директивы Совета национальной безопасности США СНБ-58 от 14 сентября 1949 года (утверждена президентом Трумэном) разработал новый план нападения на Советский Союз с датой нападения 1 января 1950 года. План назывался «Дропшот» («Моментальный удар»). Согласно нему, планировалось сбросить на Советский Союз в течение первых трех месяцев войны свыше 300 атомных бомб и 20 тысяч тонн обычных бомб на 100 городов Советского Союза. План воздушного наступления по плану «Дропшот» назывался «Тройан».

Чуть позже «Дропшот» был переработан в «Основной план войны», по которому предусматривалось нанесение атомных ударов по 2100 важнейшим промышленным и военным объектам СССР с применением до 750 атомных бомб.

Убедившись, что и этот план ничего не даст, перенесли войну на 1 января 1957 года. Но перед этим, 30 сентября 1950 года, дураковатый президент Америки Г. Трумэн подписал директиву СНБ-68, на основе которой были внесены новые дополнения и изменения в уже существовавший план «Дропшот». Переработанный вариант назывался «Шейкдаун» («Встряска»). Согласно этой «встряске», атомные удары были запланированы уже по 104 советским городам с применением 220 атомных бомб. Кстати говоря, бомбардировки предполагалось осуществлять с большой высоты, чтобы взрывы не повредили самолеты. В этих целях военная разведка США, прежде всего разведка ВВС США, начала составление специальных радарных карт для бортовых РЛС американских бомбардировщиков. И знаете, что треклятые янки удумали? Стали составлять карты городов, на которых помечали дома, покрытые листовым железом, потому как такие крыши хорошо видны на экранах РЛС. Советский Союз только-только вышел из военной разрухи, только-только отстроился, создавая для людей новые удобные дома, а эти сволочи янки решили воспользоваться этим для организации успешных бомбардировок. Ну не мерзавцы ли законченные?! Одно слово, поганые янки! Впрочем,

разве только это?! Разве только атомные бомбы планировалось применять?! У нас ведь практически абсолютно неизвестно, что стратегическое командование ВВС США в те времена планировало ведение химической и бактериологической войны, объектом которой должна была стать в первую очередь Украина — как главная в те времена житница СССР! Не грех бы Ющенко знать такие вещи, прежде чем взасос лобызаться с янки...

Вот такое количество планов нападения на Советский Союз было разработано только США с момента окончания Второй мировой войны и до смерти Сталина. Вот какие преступления эта сволочь — США — планировали против СССР!

Мог ли Сталин, прошедший через горнило такой страшной войны, как только что минувшая Великая Отечественная, не реагировать на такие угрозы, если ему не просто информацию представляли, а непосредственно документальные данные об этих планах, включая и карты, в том числе и навигационные карты для летных экипажей, где были указаны объекты бомбардировок?! Разведка работала не покладая рук.

Естественно, что Сталин не мог игнорировать такую информацию. Ведь США обладали атомной бомбой и недвусмысленно ею грозили. Причем настолько недвусмысленно, что на проходившей в Лондоне в сентябре 1945 года сессии Совета министров иностранных дел четырех великих держав госсекретарь США Бирнс нагло заявил представителю СССР: «Если вы не откажетесь от своей позиции, то я выхвачу из кармана атомную бомбу и обрушу ее на вас»! Даже Гитлер и то не вел себя подобным образом на официальных переговорах.

Хуже того. Такие же планы разрабатывала и Великобритания, военный потенциал которой, к слову сказать, тщательно учитывался янки в своих людоедских планах нападения на СССР. Но если с янки и прочими англосаксами все более или менее понятно, то более всего поражает агрессивная наглость послевоенной Франции. У этой страны «свободы, равенства, братства» хватило ума и «чести» поднять руку на Советский Союз, без которого она никогда бы не поднялась после Второй мировой войны в разряд великих держав. Ведь англосаксы-то никак не желали допускать Францию к мировым делам. И только Сталин обеспечил возврат Франции статуса великой державы. И каково же было его возмущение, когда в апреле 1949 года разведка

положила ему на стол секретный документ Института национальной обороны и военной экономики Франции под названием «Стратегическая проблема. Фаза войны "49"», в котором рассматривался вариант начала войны против Советского Союза уже в 1949 году!

В крайне тяжелых условиях — ведь полстраны было в разрухе — Сталин вынужден был пойти на дальнейшее массированное укрепление оборонной мощи Советского Союза. Тревожная информация с Запада не давала возможности по-иному решать задачи послевоенного восстановления и развития страны. Естественно, что и высшее военное командование Советского Союза одновременно разрабатывало планы ответных массированных ударов по агрессорам. Это вполне обыденная, в чем-то даже рутинная практика полностью адекватного реагирования на угрозу вооруженного нападения.

Так что не Сталин планировал развязать Третью мировую войну, а Запад. Не Сталин собирался напасть на Запад, а Запад, прежде всего Соединенные Штаты, намеревался напасть на Советский Союз и подвергнуть его варварским бомбардировкам с применением атомного оружия. Даже Франция и то планировала нападение на СССР. И не Сталин объявил холодную войну. И не Сталин грохотал «железным занавесом». Все это дело рук Запада. Пора, наконец, осознать это и прекратить вакханалию всевозможных фальсификаций в СМИ и различных «ультрадемократических» публикациях.

Такова Подлинная Правда Истории. Кстати говоря, такой же правдой является и тот факт, что ни один из упомянутых выше планов до сих пор не отменен: они «плавно» были доработаны с учетом новых реалий, прежде всего ракетно-ядерного кулака СССР. Кстати говоря, дорабатываются они и поныне...

Миф № 19. Воспользовавшись затруднительным положением Америки, связанным с войной с Японией, Сталин путем запугивания, шантажа и вымогательства стремился получить санкцию великих демократических держав на грандиозный грабеж и насилие в Восточной Европе и на Балканах.

Для начала немного политического юмора времен Потсдамской конференции. Посол США в СССР Аверелл Гарриман во время конференции рискнул подначить Сталина и не без лукавства задал ему вопрос: «А ведь вам, должно быть, очень приятно, что вы, после всего того, что пришлось пережить вашей стране, находитесь сейчас здесь, в Берлине?!» Сталин отвечал, как и всегда, многозначительно, но остроумно: «Царь Александр до Парижа дошел...» А. Гарриман стусевался и ляпнул такую глупость: «Извините, я в туалет хочу». Уж лучше сначала сходил бы в туалет, обдумал бы там, что к чему, а уж потом рот открывал!.. Нашел, кого подначивать!..

Ну а теперь о серьезном. В день завершения Потсдамской конференции именно с таким идиотским, ни в малейшей степени не соответствовавшим реальности комментарием (он вынесен в название мифа) выступила пресловутая газета «НьюЙорк таймс». Впрочем, на то это и янки-манки, чтобы прилюдно продемонстрировать свою подлую тупость. Ну а что было в реальности? А в реальности было следующее.

Никакого грандиозного грабежа и насилия ни в Восточной Европе, ни на Балканах не было и в помине. Было совсем иное.

Англосаксы были буквально в бешенстве от того, что спровоцировав Вторую мировую войну, они тем не менее не достигли главной ее цели — контроля над Восточной Европой. Ведь еще со времен попыток построения «всемирной империи англосаксонской расы», центром которой должна была стать Англия, и ради чего была спровоцирована еще Первая мировая война, сие подразумевало жесткую необходимость установления именно британского (англосаксонского) контроля над Евразией, что в свою очередь подразумевало не менее жесткую необходимость сначала раздробления Восточной Европы, поделенной между тремя империями. Потому как по непреклонным убеждениям верхушки британской правящей элиты, выразителем взглядов был выдающийся британский геополитик Дж. Х. Маккиндер, «кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлэндом; кто правит Хартлэндом, господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, господствует над миром»^[122].

Впоследствии такой подход переняли и США. Еще 22 августа 1941 года в секретном меморандуме «Вопросы американской политики, касающиеся нацистско-большевистской войны»^[123] заокеанские дурни написали следующее: «Военный результат этой войны решит судьбу не только большевистского режима; он сможет обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива... Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами. В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы»^[124].

Они и направляли свои усилия «на конструктивное решение этой проблемы». О том, что это были за усилия, автор уже рассказывал в предыдущем томе «На пути к победе». Однако об одном из этих усилий позволю себе напомнить еще раз. Читатели, естественно, не забыли, что наряду с операцией «Оверлорд» англосаксы разработали и малоизвестную поныне операцию «Рэнкин». Благодаря титаническим усилиям советской разведки Сталину было известно не только о том, что подлые «союзнички» разработали «технология» вступления англичан и американцев в сепаратный союз с немецкими генералами, но и суть операции «Рэнкин», заключающаяся в следующем. Немецкие военные открывают все дороги на Берлин с Запада, а заодно и все остальные города Германии для высадки англо-американских морского

десанта и парашютно-десантных войск, а также создадут условия для того, чтобы «союзники» взяли под контроль Варшаву, Прагу, Будапешт, Бухарест, Белград, Софию, Вену. В том и состояла суть и главная цель плана «Рэнкин». То есть речь шла о захвате не только собственно Германии, но практически всей Восточной Европы, ради установления контроля над ней в качестве пролога к грезившемуся англосаксам их мировому господству.

Однако Вторая мировая война привела к тому, что Восточная Европа объективно оказалась под контролем СССР. Естественно, что западные страны буквально заходились в бешенстве от осознания этого факта. Вплоть до того, что наотрез отказывались устанавливать дипломатические отношения с новыми союзниками СССР в Европе — Болгарией, Венгрией, Румынией, Чехословакией. Более того. Отказывались подписывать с ними даже мирные договоры.

Лишь только жестко принципиальная настойчивость Сталина привела к тому, что англосаксы вынуждены были признать правительства этих стран и вообще согласиться с тем, что Восточная Европа — не их вотчина, а союзники СССР. Причем припер Сталин западных демагогов очень оригинально. Дело в том, что болванистый и ничего не соображавший в дипломатии президент США Г. Трумэн 20 июля 1945 года внезапно предложил облегчить положение Италии и резко сократить контроль над ней. Сталин тут же воспользовался глупостью янки и заявил следующее: «У нас нет оснований выделять вопрос об Италии из вопросов, касающихся других стран. Италия, конечно, первая капитулировала и в дальнейшем помогала в войне против Германии... Она думает включиться в войну с Японией. Это тоже является плюсом. Но такие же плюсы имеются и у таких стран, как Румыния, Болгария, Венгрия. Они, эти страны, на другой день после капитуляции двинули свои войска против Германии... Следовало бы и этим странам дать облегчение. Что касается Финляндии, то она серьезной помощи в войне не оказывала, но она ведет себя хорошо, добросовестно выполняет принятые на себя обязательства. Поэтому хорошо было бы, давая облегчение Италии, дать вместе с тем облегчение и этим странам и все эти вопросы рассмотреть совместно...» Уж на что Г. Трумэн был дурак и злобный антисоветчик, но даже он согласился с предложением Сталина, а вот Черчилль повел себя как обиженный ребенок и с возмущением стал

нить о том, что-де Англия потерпела большой ущерб от Италии и даже от Болгарии. От Италии — может быть, но от Болгарии... тут Черчилль, конечно, капитально загнул. И соответственно нарвался на вразумляющее наизидание со стороны Сталина: «Задача Большой тройки состоит в том, чтобы оторвать от Германии, как основной силы агрессии, ее сателлитов. Для этого существует два метода. Во-первых, метод силы. Этот метод с успехом применен нами... Но одного этого метода недостаточно для того, чтобы оторвать от Германии сообщников. Если мы будем и впредь ограничиваться применением метода силы в отношении к ним, есть опасность, что мы создадим среду для будущей агрессии Германии. Поэтому целесообразно метод силы дополнить методом облегчения положения этих стран. Это, по-моему, единственное средство, если брать вопрос в перспективе, собрать вокруг себя эти страны и окончательно оторвать их от Германии. Вот соображения большой политики. Все остальные соображения — насчет мести, насчет обид — отпадут... Теперь другая сторона вопроса. Я имею в виду речь г-на Черчилля. Конечно, у Италии большие грехи и в отношении России. Однако я считаю, что руководствоваться воспоминаниями об обидах или чувствами возмездия и строить на этом политику было бы неправильно. Чувства мести или ненависти или чувство полученного возмездия за обиду — это очень плохие советники в политике. В политике, по-моему, надо руководствоваться расчетом сил... много трудностей, много лишений причинено нам такими странами, как Румыния, как Венгрия. Очень большой ущерб причинила нам Финляндия. Конечно, без помощи Финляндии Германия не могла бы осуществить блокаду Ленинграда. Таковы грехи сателлитов против союзников, и против Советского Союза в особенности. Если мы начнем им мстить на основе того, что они причинили нам большой ущерб, то это будет одна политика. Я не сторонник такой политики». И далее Сталин предложил начать новую политику «с восстановления дипломатических отношений» с указанными странами. Причем и это предложение было оригинальным, поскольку Сталин сказал следующее: «Могут возразить, что там нет свободно избранных правительств. Но нет такого правительства и в Италии. Однако дипломатические отношения с Италией восстановлены. Нет такого правительства во Франции и Бельгии. Однако никто не сомневается в вопросе о дипломатических

отношениях с этими странами». В результате принципиальной позиции Сталина в итоговом коммюнике конференции было указано: «Три правительства, каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут существовать, вопрос об установлении... дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами». Вот так Сталин, которого западные мерзавцы за глаза называли диктатором, а нередко и жестоким диктатором, учил этих же западных мерзавцев правилам подлинно гуманной, истинно демократической внешней политики и дипломатии.

Что же до того, кто конкретно воспользовался затруднительным положением и, самое главное, чьим, то вот тут-то придется сказать пару очень неласковых слов в адрес бывших, но неизменно подлых «союзничков». Во-первых, прекрасно зная о том, что Советский Союз чрезвычайно сильно пострадал в ходе войны, истинный подлец=янки=антисоветчик Трумэн спустя всего две недели после победы над Германией распорядился прекратить всякую помощь СССР по ленд-лизу. Очень благородно, ничего не скажешь! Впрочем, а что можно было ожидать от янки-манки?! Шакал — он и есть шакал, хотя бы и заокеанский.

Во-вторых, Трумэн посмел пугать Сталина тем, что у США появилась атомная бомба. Вот же идиот! Нашел, кого пугать! Трумэн еще сам толком не знал, как прошло испытание атомной бомбы, а Сталин уже имел всю подробную информацию разведки по этому вопросу. Более того. Трумэн не знал еще, что атомная бомба будет применена против Японии, а Сталин знал это за год до того, как янки провели первое испытание атомной бомбы. Этот фантастический успех советской разведки обеспечил знаменитый Ахилл — легендарный разведчик-нелегал Артур Адамс, который еще в середине 1944 года сообщил, что, не имея атомного оружия, очень узкий круг высшего руководства США уже планирует сбросить атомные бомбы на японские города. Трумэн же в число осведомленных об этом лиц не входил.

Вот что в действительности имело место быть. И вот почему автор позволил себе резкость в адрес приведенного в названии мифа комментария газеты «Нью-Йорк таймс».

Миф № 20. Пользуясь своим положением победителя в войне, Сталин узурпировал решение польского вопроса.

Об истории возрождения польского государства после Второй мировой войны написано чрезвычайно много. И во всех подробностях. Так что заново пересказывать эту историю, даже в целях разоблачения мифа, нет никакой возможности. Отметим лишь самые главные вехи и результаты.

На протяжении всей войны польский вопрос был одним из главных, к которому было приковано внимание как Москвы, так и Запада, особенно Лондона. Под конец войны польский вопрос выдвинулся в авангард основных проблем послевоенного мироустройства. Еще на Крымской конференции руководителей трех союзных держав Черчилль, характеризуя позицию Великобритании в польском вопросе, заявил следующее: «Великобритания вступила в войну, чтобы защитить Польшу от германской агрессии. Великобритания интересуется Польшей потому, что это — дело чести Великобритании. Великобритания никогда не сможет удовлетвориться решением, которое не обеспечило бы Польше такое положение, при котором она была бы хозяином в своем доме»^[125].

Ну и понятия же о чести у Великобритании! Сначала предала как последнюю скотину эту самую Польшу, причем задолго до того, как Гитлер напал на нее. Потом пыталась за счет наглого ущемления ее жизненных интересов, суверенитета и независимости сотворить очередной мюнхенский сговор с Гитлером. И, наконец, уж так защищала Англия (вместе с Францией) эту самую Польшу от германской агрессии, что в историю намертво вошел уникальный термин — «странная»/ «сидячая» война. А когда война подходила к концу, видите ли, дело чести Великобритании!? Ну и честь у этой Великобритании! Запад — одно слово...

Впрочем, да пошла эта самая Великобритания со своей гнилой честью по известному всей России адресу вместе со своей Польшей. Посмотрите, что ответил Сталин: «...Для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности, потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию... Польский коридор не может быть надежно закрыт извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши... Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства»^[126].

О неких грехах русских перед Польшей Сталин упомянул, судя по всему, явно для красного словца. Потому как дальнейшие его слова начисто дезавуируют слова о грехах. Польша исторически была (и, к глубокому сожалению, остается) ярым врагом России. Ничуть не меньше, чем тот же Запад. И то, что веками враги России спокойно проходили через Польшу и нападали на Русь, — это результат политики самой Польши, за что она и получала мощные, отрезвляющие и вразумляющие ответные удары со стороны России. Так что принципиально у России нет грехов перед Польшей. Все было адекватно. А то, что сказал Сталин, — высокий «штиль» (с элементом спихивания грехов на царскую Россию) в высокой дипломатии. Очевидно, такое не только возможно, но иногда и нужно...

Несмотря на все договоренности в Ялте, уже на Потсдамской конференции западные державы попытались полностью отойти от них и заново сформировать ту самую довоенную, крайне враждебную Советскому Союзу Польшу. Но не тут-то было. Ведь тот же Черчилль еще в то время, когда советские войска вели кровопролитные бои за свободу и независимость Польши, заявил: «Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы

этого сделать». И неужели после таких признаний, пускай даже и вынужденных, но абсолютно адекватных реалиям того времени, Черчилль надеялся на то, что он сможет перехватить у Сталина инициативу в решении польского вопроса?! Впрочем, в который раз приходится констатировать, что он как правы были его школьные педагоги — туповат был сэр Уинстон, порой даже изрядно...

Никакие британские планы по возрождению довоенной и злобно настроенной против СССР Польши не увенчались успехом. Кстати говоря, и американские тоже. Янки тоже пытались помешать созданию сильной, независимой и дружественной СССР Польши. Однако после войны благодаря только Сталину и СССР Польша стала действительно независимым, сильным государством, обладающим как обширной территорией, в том числе и землями на западе, так и правительством, опиравшимся тогда на доверие народа и готовое к сотрудничеству со всеми, а не только западными странами.

Произошло это прежде всего потому, что благодаря советской разведке Сталин в деталях и даже мельчайших нюансах знал все планы британской и американской дипломатии, не говоря уже о замыслах польского эмигрантского правительства в Лондоне. В польском вопросе, как, впрочем, и в других, для Сталина не было никаких секретов.

Особенно остро в рамках польского вопроса стоял вопрос о границах послевоенной Польши. Западные союзники пытались разыграть «карту» якобы несовпадения советско-польской границы с пресловутой «линией Керзона» (в части, касавшейся, например, принадлежности Львова). Прекрасно осведомленные о подобных планах англичан Сталин и Молотов с документами в руках намертво приперли Черчилля к стенке, заставив его признать полную неоспоримость советской аргументации. Дело в том, что они попросту зачитали текст телеграммы Керзона, где оговаривалась линия границы, против чего Черчилль ничего возразить не мог. Кроме того, западные союзники вместе с польским эмигрантским правительством пытались протащить идею о возврате Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Польши. На что Сталин еще в феврале 1945 года прямо ответил следующее: «Ни одно советское правительство не пойдет на то, чтобы нарушить какую-либо статью нашей Конституции. А присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к

Советскому Союзу включено в Конституцию». Честно говоря, не грех было бы здесь упомянуть еще и то, что в личном архиве Петра Великого хранится письмо польских сенаторов от 1723 года, в котором они еще тогда откровенно и письменно же признали, что эти земли не польские, а русские, и незаконно захвачены поляками.

Далее именно Сталин вынудил западные державы признать целесообразность, необходимость и справедливость существенного приращения польской территории на западе и севере за счет поверженной Германии. С тех пор граница там проходит по Одеру — Нейссе.

И даже в вопросе о власти в послевоенной Польше Сталин настолько оригинально, но сугубо в пользу Польши обыграл западных союзничков, что они ничего не смогли сделать. Дело в том, что по данным разведки, Сталину было хорошо известно, что Черчилль попытается увязать проблему послевоенных границ Польши с вопросом о власти в Польше и потому готов поставить вопрос о контроле западными союзниками предстоявших тогда выборов постоянных органов власти в Польше. В ответ Сталин предложил пригласить на Потсдамскую конференцию делегацию нового правительства Польши, против чего Черчилль яростно возражал. В том числе и под предлогом того, что оно сформировано под эгидой СССР и потому, мол, не является выразителем чаяний всех поляков. Сталин и тут утер нос сэру Уинстону, заблаговременно предложив польскому правительству включить в свой состав представителей польского эмигрантского правительства в Лондоне. Что те и сделали и прибыли в Потсдам, имея в качестве членов делегации Миколайчика (глава эмигрантского правительства в Лондоне) и Грабского (в прошлом министр иностранных дел). Против такого состава польского правительства и тем более польской делегации на конференции даже англичане ничего не смогли сказать против, так как это четко совпадало с требованиями самих англичан.

Короче говоря, западным державам не удалось возродить довоенную, крайне враждебную по отношению к СССР Польшу. Это удалось сделать только тогда, когда предатель СССР Горбачев сдал все кровью и потом многих миллионов людей завоеванные позиции СССР-России.

Такова вкратце история послевоенного решения польского вопроса, если не вдаваться во все ее нюансы, что привело бы к написанию нескольких томов только на одну эту тему. Только вот в чем вопрос-то?! Где тут узурпирование Сталиным решения польского вопроса, если все, что он сделал во имя решения этого вопроса, более чем соответствовало подлинным национальным чаяниям самого польского народа?! Где это узурпирование, если были заложены прекрасные основы если и не дружбы до конца света, то, по крайней мере, доброжелательного и безопасного соседства между СССР и Польшей?! Уж если кто и пострадал от этого, так только Советский Союз, который мало того что за свободу Польши от фашистской тирании положил 620 тысяч своих славных сынов, так еще и вынужден был, отказывая себе во многом, помогать той же Польше в том числе. К тому же не один год и даже не одно десятилетие кряду. Выходит, не в коня корме! Увы, Польша есть Польша, а поляки есть поляки, пся крив!.. Отсюда и вся болтовня об узурпации...

Миф № 21. Под конец войны и сразу же после ее окончания Сталин стал насаждать коммунистическое правление в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Миф № 22. Для насаждения коммунистических режимов в странах Восточной Европы Сталин пустил в ход всю мощь советских органов госбезопасности.

**Миф № 23. Сталин насильственным
путем привел коммунистов к власти в
Чехословакии.**

Миф № 24. Для того чтобы привести к власти в Чехословакии коммунистов, Сталин приказал убить министра иностранных дел этой страны Яна Масарика, который являлся наиболее вероятным кандидатом на пост президента.

**Миф № 25. Сталин насильственным
путем привел коммунистов к власти в
Болгарии.**

**Миф № 26. Сталин насильственным
путем привел коммунистов к власти в
Венгрии.**

Миф № 27. Сталин насильственным путем привел коммунистов к власти в Румынии.

В одной из своих знаменитых максим Франсуа де Ларошфуко справедливо утверждал, что «можно вылечить от безрассудства, но нельзя выпрямить кривой ум». Воистину он был прав. Вот как втолковать некоторым идиотам от Истории, что в своей внешней политике к концу войны и в первый послевоенный период Сталин был более чем умеренным. Настолько, что даже западная печать обратила на это внимание. Так, в сентябре 1944 года в алжирской печати была опубликована статья французского журналиста Поля Бланка под удивительным для западника названием — «В чем величие Сталина». В статье отмечалось, что есть одна область, в которой Сталин возвышается до такой моральной высоты, «которой не достиг до него ни один полководец, даже Юлий Цезарь. Речь идет о его умеренности во внешней политике. Несмотря на неслыханную жестокость немцев и их сателлитов, условия, предложенные финнам советским правительством, условия, предъявленные Румынии в момент ее капитуляции, остаются умеренными».

Именно такая умеренная политика Сталина и привела к тому, что ни к 9 мая 1945 года, ни сразу после него в Европе не было ни одной страны, которая официально провозгласила бы строительство социализма. В Румынии сохранилась монархия, а арестовавший правительство Антонеску и затем объявивший войну Германии король Михай был даже награжден высшим советским полководческим орденом «Победа», да еще и получил в подарок от Сталина личный самолет. В Болгарии власть принадлежала правительству Отечественного фронта, во главе которого стоял генерал К. Георгиев, не имевший никакого отношения к Коммунистической партии Болгарии. На олимпе власти он находился еще с 1934 года. В Чехословакии к власти вернулся президент Э. Бенеш, который занимал этот пост до Мюнхенского сговора Запада с Гитлером, на который он

сам-же и согласился, отвергнув помощь СССР. В Польше у власти находилось коалиционное правительство, пять членов которого являлись представителями польского эмигрантского правительства в Лондоне. Коалиционные правительства в то время были и в Югославии, и в Албании. И даже в Финляндии по-прежнему был маршал Маннергейм. Проще говоря, Сталин не стремился в то время обязательно насадить везде коммунистические партии у власти. Естественно, что автоматически возникает вопрос: А почему же тогда получилось, что во всех странах Восточной и Юго-Восточной Европы у власти оказались коммунисты?!

Вопрос более чем справедлив. Но и вы, уважаемые читатели, справедливо отнеситесь к вынужденному повторению автором исключительно точного вывода британского историка А. Тейлора. Помните, выше уже указывалось, что он особо подчеркивал, что «русские не стремились властвовать, не хотели распространять коммунизм». Но ведь указал и самую главную причину того, почему в восточноевропейских странах у власти оказались коммунисты: «Русские желали безопасности, и лишь коммунисты или их попутчики могли ее обеспечить». Почему же возникла такая потребность в обеспечении безопасности при помощи только коммунистов?!

Да по очень простой причине. Прежде всего отметим, во-первых, что двух мировых войн России (СССР) было вполне достаточно, чтобы пойти на такой шаг ради собственной безопасности. Во-вторых, как уже было указано выше, не Сталин, а именно Запад объявил СССР холодную войну. Ответная реакция со стороны Сталина была предрешена. В-третьих, не Сталин разработал кучу всяких планов агрессии против Запада, а именно же Запад занялся этим еще до окончания Второй мировой войны, а уж после пек эти самые планы агрессии против СССР как блины. Причем не только США, но и Англия, и даже Франция, которая была возвращена в клуб великих держав только благодаря усилиям Сталина и СССР. Есть такая абсолютно неизлечимая собачья болезнь, которая называется «благодарность Запада» — не дай Бог кому-либо столкнуться с этой «благодарностью»... Именно Сталин, СССР и его славная Красная Армия спасли мир от коричневой чумы. А в знак благодарности... холодная война, недвусмысленно грозившая перерасти в горячую бойню, тем более что уже имелось и атомное оружие.

Соответствующая ответная реакция Сталина тем более была предрешена.

Запад отчаянно психовал из-за того, что Восточная Европа объективно оказалась под контролем СССР, хотя на первых порах Сталин, как уже указывалось, проводил более чем умеренную политику в отношении этих стран. Психовал Запад строго по уже упоминавшейся выше формуле выдающегося британского геополитика Дж. Х. Маккиндера: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлэндом; кто правит Хартлэндом, господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, господствует над миром». Но ведь Западу так и не удалось добиться господства в Восточной Европе. Не удалось еще по итогам 1939 года. Потому как именно вследствие этого постоянно демонизируемый Западом советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года круто поменял не только расписание войны и предвоенную конфигурацию в Европе, но и даже послевоенную конфигурацию. Освобождение Восточной Европы от фашистской тирании явилось заслугой исключительно СССР и его славной Красной Армии. И влезть в этот регион западные союзники никак не могли. Даже объявив холодную войну. Вследствие чего они и пошли традиционным для себя путем — путем подрывных акций и развертывания массивной разведывательно-диверсионной и разведывательно-пропагандистской деятельности в этих странах, преследовавших цель создать выгодную для себя ситуацию, которая не отвечала бы государственным интересам СССР. Именно по этой причине советским органам государственной безопасности, прежде всего разведке, было поручено организовать тотальное противодействие конкретным акциям бывших союзников, которые не жалели ни сил, ни средств, стремясь оторвать страны Восточной и Юго-Восточной Европы от СССР, подорвать господствовавшие тогда симпатии этих народов к нашей стране. Причем развертывание такой деятельности происходило вовсе не в тот момент, когда у власти уже находились коммунисты. Напротив, приход к власти коммунистов в этих странах явился следствием разгоревшейся ожесточенной войны за влияние на эти страны. По соображениям собственной безопасности Советский Союз ни при каких обстоятельствах не имел права упустить плоды своей победы.

К примеру, что происходило в Болгарии? Как известно из истории, 9 сентября 1944 года в Болгарии произошла демократическая революция. К власти пришло многопартийное правительство Отечественного фронта. На 26 августа 1945 года были назначены выборы в Народное Собрание Болгарии. Что делали в это время бывшие союзники по антигитлеровской коалиции? Оказывая массированную морально-политическую и особенно финансовую поддержку, пытались привести к власти оппозиционно настроенную часть Болгарского земледельческого союза во главе с Николой Петковым (агент американской разведки) и болгарских социал-демократов во главе с Костой Лулчевым (прозападно настроенный болгарский политик того времени), чтобы затем сформировать из них прозападное правительство. В ход пошли практически все методы, вплоть до срыва назначенной даты выборов, которые были перенесены на 18 ноября 1945 года. Однако в результате эффективного противодействия советской разведки, координировавшей свою деятельность с болгарскими органами государственной безопасности, выборы были успешно проведены и 88,18 % избирателей отдали свои голоса за Отечественный фронт. Сформированное Отечественным фронтом правительство подготовило и провело 8 сентября 1946 года всенародный референдум по вопросу о ликвидации монархии и объявления Болгарии демократической республикой. Заметьте, не социалистической, а демократической. За изменение государственного строя высказались 92,7 % населения.

А чем занимались в это время бывшие союзнички? Упорно продолжали свою многогранную подрывную деятельность. Попытались даже создать в Софии Балканский объединенный разведывательный центр спецслужб Запада, во главе которого был поставлен профессиональный английский разведчик полковник Бейли, действовавший под прикрытием офицера Союзной контрольной комиссии по Болгарии. Правда, весьма скоро под массированным воздействием советской разведки и болгарских органов госбезопасности этот центр приказал долго жить, а полковник Бейли с изрядно намятыми боками и сильно подмоченной репутацией вынужден был покинуть Болгарию.

Помимо сугубо подрывных действий, эти мерзавцы, прежде всего англичане и американцы, занимались также разработкой планов по

отторжению от Болгарии ряда территорий и передаче их в состав Греции, Югославии и даже Турции! В результате успешных действий советской разведки делегация СССР на Парижской конференции 10 февраля 1947 года заняла принципиальную, твердую позицию и вынудила западные страны при подписании мирного договора с Болгарией признать сохранение ее территориальной целостности по состоянию на 1 января 1941 года! Если это насаждение коммунистической власти, ну так и да здравствует оно! Во всяком случае, болгарам не на что обижаться, потому что только благодаря Сталину и Советскому Союзу они смогли сохранить свою территориальную целостность, а, следовательно, суверенитет и независимость!

Аналогичным образом развивались события в Венгрии. В конце 1945 года в Будапешт по просьбе руководства Венгерской партии труда была направлена специальная группа сотрудников органов госбезопасности СССР, которые оказали существенную помощь в создании новых венгерских спецслужб. И, опять-таки, цель состояла отнюдь не в том, чтобы насадить коммунистический режим, а только в том, чтобы действительно создать новые спецслужбы страны, так как разведка и контрразведка хортистского режима запятнали себя антинародными действиями и сотрудничеством с нацистским режимом Третьего рейха.

В результате, несмотря на многочисленные трудности, к 1953 году в основном были сформированы новые венгерские органы государственной безопасности. Более того. Успешно были отражены многочисленные атаки западных спецслужб против Венгрии, разоблачена их агентура, созданы условия безопасного существования Венгрии как страны народной демократии.

Примерно по такой же схеме развивались события и в Румынии. И эта страна стал ареной ожесточенного противоборства между советской разведкой и западными спецслужбами, которые осуществляли широкомасштабные подрывные мероприятия против зачатков народной демократии. Особенно активны были британская и американская разведки, преследовавшие цель реставрации в Румынии режима остро антисоветской направленности. И что самое интересное, англичане и американцы пытались опереться на остатки «железной гвардии» (примерный аналог штурмовиков НСДАП), существовавшей

в Румынии при Антонеску. В результате массированного срыва подрывных планов западных спецслужб в Румынии уже в мае 1946 года был создан Блок демократических партий, который в ноябре того же года одержал убедительную победу на парламентских выборах. А 30 декабря 1947 года, после отречения короля Михая от престола, Румыния была провозглашена Народной Республикой. 4 февраля 1948 года между Румынией и СССР был подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Несколько иной была ситуация в Чехословакии. В этой стране, где президентом был еще довоенный глава государства — Эдуард Бенеш, правые партии стремились организовать государственный переворот под кодовым названием «Правда победит». В этих целях через свою агентуру американская и британская разведки уговорили президента Бенеша открыть западную границу Чехословакии, через которую в страну хлынул поток заранее подготовленных в западных разведцентрах мятежников, оружия, боеприпасов и т. п. Западные спецслужбы щедро снабжали заговорщиков оружием, деньгами и пропагандистскими материалами «для решительной схватки с коммунистами за восстановление демократии в Чехословакии». Коммунисты же, между прочим, еще не были у власти в Чехословакии, хотя их руководитель Климент Готвальд возглавлял правительство страны, которое в свою очередь было коалиционным. Схватка за Чехословакию была особенно острой. И причина этого кроется в геополитической формуле, которая известна со времен Бисмарка — «Кто владеет Прагой, тот контролирует Центральную Европу. Кто контролирует Центральную Европу — тот господствует в Восточной Европе». Отдать Чехословакию в руки Запада Сталин не мог, особенно если учесть, что после войны Чехословакия уже непосредственно граничила с СССР. То есть если бы поддерживавшаяся западными спецслужбами правая оппозиция прорвалась бы к власти в стране, то получился бы плацдарм для нападения на СССР. Допустить этого Сталин не мог — слишком свежи были в памяти недавние события.

Почему-то считается, что февральский кризис 1948 года в Чехословакии спровоцировали коммунисты. Но это просто неуместная ложь. Февральский кризис был заранее спланирован и подготовлен американской и британской разведками с помощью многочисленной агентуры, которой они наводнили страну, когда Бенеш поддался на

уговоры об открытии западной границы. Во время только одной из операций по ликвидации вооруженного звена чехословацкой оппозиции с поличным было задержано и обезврежено более 400 боевиков, подготовленных на западе.

В то же время нельзя и уклониться от признания того факта, что ни руководство СССР, ни лично Сталин, ни тем более органы госбезопасности вовсе не намеревались спокойно взирать на все проделки агентуры западных спецслужб. Ведь прошло-то всего менее десяти лет с момента Мюнхенского сговора Запада с Гитлером, который открыл магистральную дорогу для развязывания Второй мировой войны. И этот горький опыт настолько был еще свеж в памяти советских руководителей, что они даже на секунду не могли смириться с мыслью о потере Чехословакии. Естественно, что и безучастными они остаться не могли. Советской разведке было поручено тайными, но мирными средствами добиться ухода Бенеша со своего поста и передачи власти руководителю чехословацких коммунистов К. Готвальду. Все было разыграно как по нотам. На Лубянке в отношении Бенеша было предостаточно компрометирующего материала, в том числе и о не украшавших его статус президента обстоятельствах бегства из страны после Мюнхенского сговора. Вскоре, 20 мая 1948 года, Бенеш передал власть Готвальду.

Особняком в этой истории стоит то ли убийство, то ли самоубийство 10 марта 1948 года Яна Масарика — сына первого президента Чехословакии, министра иностранных дел Чехословакии. Традиционно его смерть приписывают Советскому Союзу и, «естественно», советским спецслужбам. Однако в действительности едва ли советские спецслужбы были причастны к этому. Прежде всего потому, что у Советского Союза не было никаких мотивов для того, чтобы пойти на такой шаг. Ян Масарик питал очень теплые чувства к России, русскому народу. Именно он сделал все необходимое для передачи Закарпатской Украины Советскому Союзу. Именно он сделал максимум для того, чтобы чешские урановые рудники после войны были переданы Советскому Союзу. За что его убивать?!

А вот у его бывших друзей англичан и американцев мотив не только мог быть, но и был в реальности, и даже очень серьезный. Западные страны в то время проявляли огромное недовольство

внешней политикой Чехословакии. Особенно их раздражала передача чешских урановых рудников СССР. Ведь это же означало ускорение создания атомного оружия в Советском Союзе. А Запад рассчитывал на длительный срок своей атомной монополии.

В пользу того, что не советские, а западные спецслужбы, прежде всего спецслужбы Великобритании, были причастны к убийству (или доведению до самоубийства) Яна Масарика, говорят следующие факты. После того как его тело было найдено под окнами Чернинского замка в Праге, в его кабинете был произведен обыск. И там было обнаружено письмо на имя Сталина. Письмо было написано на французском языке. А это уже полный нонсенс, так как Я. Масарик был известен как большой патриот, тонкий стилист и мастер родной речи. И с какой стати он должен был писать предсмертное письмо на французском языке? Уж если предполагать возможность написания такого письма на иностранном языке, то для Я. Масарика куда характернее было написать его на английском языке, так как он практически 20 лет своей дипломатической карьеры был связан именно с англосаксами и на английском изъяснялся ничуть не хуже, чем на родном чешском. С 1919 по 1922 год являлся советником чехословацкого посольства в Лондоне, с 1925 по 1938 год посол Чехословакии в Великобритании. И хотя в знак протеста против Мюнхенской сделки Запада с Гитлером он подал в отставку, тем не менее по-прежнему проживал в Англии. С началом Второй мировой войны стал министром иностранных дел чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне. Конечно, как и любой иной европейский дипломат, Я. Масарик наверняка знал французский язык, однако же из всех иностранных языков для него наиболее естественно было бы использовать английский язык. А он, видите ли, на французском языке предсмертное письмо написал. Кроме того. В письме есть прямое противоречие с фактами. Дело в том, что в тексте упоминается факт его встречи со Сталиным после подписания союзнического договора. Однако этого не могло быть, ибо договор был подписан в декабре 1943 года, а Я. Масарик с июня 1943 года по февраль 1944 года находился с официальной миссией в США. И действительно, по данным журнала записей приема лиц, принятых Сталиным в его кремлевском кабинете, Я. Масарик за 1943 год не проходит. Там указаны только встречи со Сталиным в 1946 и 1947

годах. Едва ли профессиональный дипломат, привыкший оперировать точными фактами, в предсмертном письме на имя Сталина мог допустить столь опрометчивую промашку. Наконец, в тексте письма содержится удивительный пассаж о том, что в 1920 году его отец Томаш Масарик и Э. Бенеш, являвшийся тогда министром иностранных дел Чехословакии, имели беседу с советским послом в Праге Мостовенко. Однако все дело в том, что между Советской Россией и Чехословакией тогда не существовало дипломатических отношений. В то время в Праге не было и быть не могло посла Мостовенко.

И вот теперь представьте себе весь идиотизм «толстых намеков на тонкие обстоятельства» что-де советские спецслужбы были причастны к убийству (или доведению до самоубийства) Яна Масарика. Уж если это делали бы наши чекисты, то какого черта они должны были писать какое-то «предсмертное письмо Яна Масарика» на имя товарища Сталина?! Не отрицаю, бывало, что и в те времена отдельные сотрудники органов безопасности иногда вытворяли нечто несуразное. Однако чтобы вот так скатиться до полного идиотизма и накатать письмо на французском языке на имя Сталина?! Да тем более с призывом к Сталину следующего содержания: «У Вас еще есть время отступить от политики советизации моей страны. Поспешите, ибо вскоре может стать уже поздно»!? Миль пардон, но это за пределами даже самой буйной фантазии. Потому что рехнутых среди чекистов, тем более разведчиков, не было. И не бывает.

А если взглянуть на историю с письмом в ракурсе событий февраля 1948 года, то кроме как на англичан (возможно, вкупе с американцами) подумать и не на кого. Этим Я. Масарик был как кость в горле. Ведь он же был одновременно и министром национальной обороны, но вооруженную силу в ход против коммунистов не пустил. В совокупности с тем, что он отдал Карпатскую Украину и чешские урановые рудники Советскому Союзу и т. п. действиями, он, судя по всему, крепко разозлил своих бывших друзей англосаксов. А у тех, особенно у англичан, старинная манера — неугодных вниз головой об асфальт... И перед войной они так действовали, и после войны не отказались от этой «традиции»...

«Перцу» этой истории добавляет один глупый «факт», который все мусолят уже не один десяток лет. Дело в том, что бывший офицер

чехословацкого генштаба Ш. Кошар, который в 40-х годах занимал должность эксперта по текстам, заявил впоследствии, что летом 1948 года он получил для проведения экспертизы фотокопию письма Сталину с собственноручной подписью Я. Масарика. Он утверждал, что после смерти Я. Масарика министр внутренних дел В. Носек (подозревался в связях с западными спецслужбами) обнаружил в его кабинете два запечатанных письма, одно из которых было адресовано Сталину. Фотокопию письма для генштаба, как утверждал Кошар, удалось добыть чехословацкому разведчику в... Лондоне. В приложенной к фотокопии справке, по словам Кошара, говорилось, что оригинал также находится в Лондоне и был получен английской разведкой «от какого-то русского полковника, который попросил политическое убежище в английском секторе Западного Берлина. Из СССР он прибыл курьером к командующему советскими войсками. Разведчик далее якобы указывал, что в Москве этому человеку был поручен перевод письма, полученного Сталиным. А, отправившись с дипломатической миссией в Германию, он увез оригинал с собой и передал в Интеллидженс Сервис».

Ну, полный бред, который до сих пор в ходу. Во-первых, в промежутке с 11 марта до конца лета 1948 года побегов высокопоставленных советских офицеров, тем более в звании полковника, в английский сектор Западного Берлина не было. Во-вторых, для переводов различных документов с иностранных языков для Сталина привлекались либо его личные переводчики, которые были по сотне, если не более того, раз проверены и перепроверены, либо прекрасно знавшие иностранные языки сотрудники разведки. Как правило, с Лубянки. А какой-то полковник запросто так привлечен быть не мог. В-третьих, или этот полковник — полковник, или он просто курьер военной фельдсвязи. Если последнее, на что указывает его якобы миссия к командующему советскими войсками, то таких людей тем более не привлекают для переводов документов для главы государства. В-четвертых, переведенный документ всегда докладывался Сталину вместе с иностранным оригиналом, тем более если оригинал был адресован лично Сталину. Как этот полковник мог украсть документ, адресованный Сталину, тем более оригинал?! В-пятых, этот якобы полковник — или полковник, или курьер военной фельдсвязи, но в таком случае ни с какой дипломатической миссией он

в Германию отбыть не мог. С дипломатической миссией ездят только дипломаты. В-шестых, чехословацкая разведка, конечно, сильная разведка и имеет высокий рейтинг в мире спецслужб, спору нет, но именно в то время украсть такой документ из британской разведки — нонсенс. И, наконец, в-седьмых. Тот факт, что «ноги» у этого письма стали расти из Лондона, где прекрасно была известна подпись Я. Масарика в сочетании с указанными мотивами для убийства и якобы тонко намекающей на «советскую руку» историей происхождения фотокопии у чехословацкого генштаба, — лучшее доказательство того, что за кулисами убийства (или доведения до самоубийства) стояла именно британская разведка. Ведь как здорово легла эта трагическая смерть на события февраля 1948 года. Чехословацкая оппозиция по наущению западных покровителей отчаянно пытается захватить власть, советская разведка совместно со своими коллегами в Праге срывает все их планы. А в отместку англичане делают ход — убивают или доводят до самоубийства Я. Масарика. И в итоге получается, что советы помогли местным коммунистам избавиться от наиболее вероятного кандидата на пост президента Чехословакии, после того как Бенеш под давлением советской разведки согласился уйти в отставку. Ведь Чехословакия была президентской республикой. Лучше не придумаешь.

Это действительно характерный почерк британской разведки. Особенно если принять во внимание, что в то время в Праге работал один из наиболее квалифицированных, опытнейших британских разведчиков Гарольд Гибсон, который был резидентом британской разведки еще в довоенное время и лично принимал участие в «выкручивании рук» руководству Чехословакии накануне Мюнхенского сговора. Этот и не такие дела проворачивал, мастак был еще тот. Один поразительный факт. Накануне февральского кризиса Великобритания назначила нового посла в Праге — Диксона. И как вы думаете, кого самым первым посетил новый посол, да еще и на частной квартире?! Правильно, 1-го секретаря британского посольства Гарольда Гибсона!

И в заключение необходимо отметить следующее. С самого начала деятельности представителей советской разведки в этих странах в директивных инструкциях для них содержалось строгое указание на то, что они не имеют права навязывать кому-либо наше (то

есть советское) мнение ни в каком случае и ни в какой форме! Более того. После того как позиции народно-демократической власти в этих странах были укреплены, директивой Инстанции от 30 июля 1949 года советской разведке было приказано свернуть всякую оперативно-агентурную работу и постепенно перевести все отношения с негласным аппаратом на открытую дружескую основу. А в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) и СМ СССР 13 апреля 1950 года советским послам в Венгрии, Румынии, Болгарии, Польше, Чехословакии и Албании было приказано довести до сведения руководства этих стран, что с указанного времени деятельность советской разведки в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе прекращена. Мотивировка была простой» — такое решение принято, исходя из единства политических целей и задач, а также взаимного доверия между СССР и странами народной демократии». Еще раз обратите внимание на то, что речь шла о странах народной демократии, а не о социалистических и тем более коммунистических.

Миф № 28. В силу личной неприязни, а также вследствие серьезных идеологических разногласий Сталин приказал ликвидировать лидера Югославии Иосипа Броз Тито, чем серьезно осложнил советско-югославские отношения.

Откровенно говоря, в данном случае правда соседствует с очень искусной, беспрецедентно тщательно замаскированной ложью и умышленными фальсификациями. Возможность же для формулирования мифа появилась прежде всего потому, что советская разведка длительное время не могла рассекретить свои данные, относящиеся к этому делу.

Одним из авторов этого то ли блефа, то ли мифа, то ли бес его знает, что еще, был Н. С. Хрущев. На XX съезде КПСС он ляпнул с трибуны, что якобы потерявший под конец жизни чувство реальности Сталин как-то заявил: «Достаточно мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет». Во время разгула оголтелого антисталинизма, когда о И. В. Сталине писали всякую гадость и газеты с удовольствием печатали это, подлые борзописцы выдумали глупость о том, что-де в правом ящике своего письменного стола И. В. Сталин держал наготове заряженный пистолет, чтобы лично пристрелить Тито... Это, конечно же, полнейшая чушь. Сталин был опытейшим политическим и государственным деятелем мирового масштаба, а потому не имел ни привычки, ни склонности делать столь залихватские заявления и уж тем более заниматься такими делами.

Что же до идеологических разногласий, то здесь следует иметь в виду следующее. Они действительно имели место, и были даже очень острыми. Нередко это выливалось даже в личные оскорбления со

страниц прессы. Автору как-то довелось видеть один из номеров легендарного в советское время журнала «Крокодил» за 1952 год с карикатурой на Тито, где он был изображен чуть ли не фашистом и с окровавленным топором в руках. Но, поверьте, не в этом вся суть приказа Сталина о ликвидации Тито. Точнее, вся суть этого приказа состоит в том, что никогда вслух не говорится и что — вот уж действительно парадокс парадоксов — никогда и не скрывалось. Чуть ниже именно об этом и пойдет речь.

В отношении приказа Сталина на ликвидацию Тито обязан сказать, что он действительно его отдал. Более того. За значительное промедление с исполнением этого приказа кое-кому в руководстве разведки дали по шапке. Все это действительно было. А теперь вникните в суть того, из-за чего был отдан такой приказ. Это же будет и ответом на вопрос о сути возникших разногласий между Сталиным и Тито.

Один из югославских руководителей Милован Джилас о своей встрече с И. В. Сталиным вспоминал: «Вполне определенно Сталин разрешил вопрос оказания помощи югославским борцам. Когда я упомянул заем в двести тысяч долларов, он сказал, что это мелочь и что это мало поможет, но что эту сумму нам сразу вручат. А на мое замечание, что мы вернем заем и заплатим за поставку вооружения и другого материала после освобождения, он искренне рассердился: "Вы меня оскорбляете, вы будете проливать кровь, а я — брать деньги за оружие! Я не торговец, мы не торговцы, вы боретесь за то же дело, что и мы, и мы обязаны поделиться с вами тем, что у нас есть"».

Во время войны И. В. Сталин самым внимательным образом отслеживал события в Югославии. Как бы ни были велики трудности на советско-германском фронте, но Сталин оказал существенную помощь Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), которой было направлено 155 тысяч винтовок и карабинов, более 38 тысяч автоматов, 15 тысяч пулеметов, 6 тысяч орудий и минометов, 69 танков, 41 самолет, большое количество боеприпасов и снаряжения. Ведь в борьбе против фашизма принимало участие свыше 800 тысяч бойцов и партизан Югославии^[127].

Красная Армия приходила на помощь югославским партизанам всякий раз, когда складывалась сложная для них ситуация. Так было, например, в 1944 году, когда диверсанты фюрера высадились в районе

расположения главного штаба НОАЮ в Дрварском ущелье и едва не разгромили его и не пленили самого Тито. По указанию И. В. Сталина в самый разгар боевых действий советские летчики совершили посадку в районе штаба, а специальной группе во главе с генерал-майором госбезопасности Д. Н. Шадриним под ураганным огнем удалось спасти Тито от захвата немцами и вывезти его на военно-воздушную базу союзников в Италии. Кстати говоря, оцените и то, кого послал Сталин спасать Тито. Ведь генерал госбезопасности Д. Н. Шадрин в тот период времени являлся одним из руководителей личной охраны И. В. Сталина^[128]. Вершиной боевого содружества Красной Армии и Народно-освободительной армии Югославии была Белградская операция, в результате которой советские и югославские товарищи по оружию освободили столицу Югославии — город Белград.

Однако вскоре после подписания в 1945 году советско-югославского договора о дружбе помощь Советского Союза была позабыта и все боевые заслуги по разгрому гитлеровцев югославская политическая элита стала приписывать Тито и его соратникам, которые начали отрекаться от марксизма-ленинизма и учинили ревизию этого великого учения. Конечно, И. В. Сталин стерпеть это не мог. И он направил на имя Тито письмо следующего содержания: «Нам известно, что в руководящих кругах Югославии распространяются антисоветские заявления, подобно таким, как "ВКП(б) вырождается и в СССР господствует великодержавный шовинизм", "СССР стремится поработить Югославию экономически", "Коминформ — это средство порабощения других партий со стороны ВКП(б)" и т. п. Эти антисоветские заявления прикрываются обычно левой фразой о том, что "социализм в СССР не является уже революционным", что "только Югославия представляет собой подлинного носителя революционного социализма"»^[129].

Письмо И. В. Сталина обсудили на заседании ЦК КПЮ, после чего был дан ответ, в котором были отвергнуты советские обвинения, как направленные на подрыв авторитета югославских руководителей, как давление великой державы на малую страну, что унижает национальное достоинство и угрожает суверенитету и независимости Югославии. Все члены ЦК, кроме Жуйовича и Хебранга, проголосовали в поддержку данного письма. А Жуйович и Хебранг

вскоре были арестованы и расстреляны за измену. Начались массовые репрессии в Югославии против всех, кто стоял за дружбу с Советским Союзом, особенно среди военных, в том числе и высших командиров, которые плечом к плечу еще недавно сражались против общего врага совместно с Красной Армией и желали продолжения дружбы с СССР.

В создавшейся ситуации И. В. Сталин вновь обратился к руководству Югославской компартии. В его новом письме говорилось: «Мы считаем, что в основе неготовности Политбюро ЦК КПЮ честно признать свои ошибки и сознательно исправить их лежит чрезмерное зазнайство югославских руководителей. После достигнутых успехов у них закружилась голова... Товарищи Тито и Кардель говорят в своем письме о заслугах и успехах югославской компартии, что ЦК ВКП(б) ранее признавал их, а сейчас замалчивает. Это неверно. Никто не может отрицать заслуг и успехов КПЮ. Они бесспорны. Однако заслуги и успехи коммунистических партий Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании несколько не меньше... И все же руководители этих партий держат себя скромно и не кричат о своих заслугах, в отличие от югославских руководителей, которые прожужжали всем уши своим неумным бахвальством... Успехи югославской компартии объясняются не какими-то особыми качествами, а преимущественно тем, что после разгрома штаба югославских партизан немецкими парашютистами в момент, когда народно-освободительное движение в Югославии переживало кризис, Красная Армия пришла на помощь югославскому народу, разбила немецких оккупантов, освободила Белград и тем самым создала условия для прихода к власти югославской компартии. Успехи французских и итальянских коммунистов, которым, к сожалению, Красная Армия не могла оказать такой помощи, какая была оказана КПЮ, были сравнительно большими, чем у югославов... Если бы товарищи Тито и Кардель приняли во внимание это обстоятельство как бесспорный факт, они меньше шумели бы о своих заслугах и держались бы достойно и скромно». Тито понимал, что тягаться с И. В. Сталиным ему не под силу. Поэтому на V съезде КПЮ 21 — 27 июля 1948 года, где он был вновь избран генсеком ЦК КПЮ, последняя фраза его прозвучала так: «Да здравствует товарищ Сталин!» Потом в узком кругу он заявил: «Это не пресмыкательство. Так было нужно для наших масс. Авторитет Сталина бесспорен». Дело

в том, что Тито прекрасно видел, что ни одна из восьмидесяти с лишним компартий того периода в произошедшем конфликте не поддержала ни его, ни Югославию. Все склонялись перед авторитетом Сталина и согласились с его выводами о югославах. Сталин занял в этих условиях разумную и правильную позицию, указывая на то, что необходимо время, чтобы югославы поняли свое поведение. Он сказал: «Для этого надо проявить терпение и уметь выждать».

Как правило, историю осложнения в советско-югославских отношениях начинают с состоявшейся еще в 1948 году острой размолвки между Сталиным и Тито по вопросу о создании федерации Болгарии и Югославии. Мол, Тито отказался поддержать идею о создании такой федерации, а не привыкший встречать сопротивление Сталин вышел из себя. И тут все закрутилось. Здесь все бред. Кроме одного — упоминания идеи о создании федерации Болгарии и Югославии. А теперь пусть говорят разведывательные данные той поры. Ибо только так можно понять суть возникновения самой идеи о ликвидации Тито у Сталина, а соответственно и то, почему он так взъелся на Тито, когда тот отказался ее поддержать.

17 января 1948 года Г. Димитров провел в Софии пресс-конференцию, на которой заявил о желательности создания федерации или конфедерации Балканских и придунайских государств, с включением сюда Польши, Чехословакии и Греции. Поскольку Запад продолжал обвинять Советский Союз в поддержке коммунистических партизан Греции, такое заявление авторитетного лидера Болгарии вызвало нездоровый ажиотаж в мировой прессе.

И. В. Сталин направил телеграмму Г. Димитрову: «Трудно понять, что побудило Вас делать на пресс-конференции такие неосторожные и непродуманные заявления». 28 января «Правда» осудила идею организации федерации или конфедерации Балканских и придунайских стран, включая сюда Польшу, Чехословакию, Грецию и о «создании таможенной унии между ними» как «проблематичную и надуманную». В. М. Молотов по поручению И. В. Сталина направляет 1 февраля на имя И. Броз Тито телеграмму: «...Вы считаете нормальным такое положение, когда Югославия, имея договор о взаимопомощи с СССР, считает возможным не только не консультироваться с СССР о посылке своих войск в Албанию, но даже не информировать СССР об этом в последующем порядке. К Вашему

сведению сообщаю, что Советское правительство совершенно случайно узнало о решении югославского правительства относительно посылки ваших войск в Албанию из частных бесед советских представителей с албанскими работниками. СССР считает такой порядок ненормальным. Но если Вы считаете такой порядок нормальным, то я должен заявить по поручению Правительства СССР, что Советский Союз не может согласиться с тем, чтобы его ставили перед свершившимся фактом. И, конечно, понятно, что СССР, как союзник Югославии, не может нести ответственность за последствия такого рода действий, совершаемых югославским правительством без консультаций и даже без ведома Советского правительства...» А спустя еще три дня В. М. Молотов по поручению И. В. Сталина направил телеграмму в Софию и Белград, в которой обвиняет Георгия Димитрова в срыве работы СССР по подготовке ряда договоров о взаимной помощи: «Неудачное интервью тов. Димитрова в Софии дало повод ко всякого рода разговорам о подготовке восточноевропейского блока с участием СССР... В теперешней обстановке заключение Советским Союзом пактов о взаимопомощи, направленных против любого агрессора, было бы истолковано в мировой печати как антиамериканский и антианглийский шаг со стороны СССР, что могло бы облегчить борьбу агрессивных сил США и Англии».

10 февраля в кремлевском кабинете И. В. Сталина произошла трехсторонняя советско-болгаро-югославская встреча. От Болгарии присутствуют Г. Димитров, В. Коларов и Т. Костов. От Югославии — Э. Кардель, М. Джилас и В. Бакарич. Иосип Броз Тито на эту встречу ехать отказался, сославшись на нездоровье. На встрече выступил В. М. Молотов, который перечислил все действия Болгарии и Югославии, не согласованные с СССР. Когда Молотов зачитал абзац из болгаро-югославского договора о готовности сторон выступить «против любой агрессии, с какой бы стороны она ни исходила», И. В. Сталин резонно заметил: «Но ведь это же превентивная война, это самый обычный комсомольский выпад. Это обычная громкая фраза, которая дает пищу врагу». Затем обратил свой праведный гнев на Г. Димитрова: «Вы и югославы не сообщаете о своих делах, мы обо всем узнаем на улице. Вы ставите нас перед свершившимися фактами!» Молотов суммировал: «А все, что Димитров говорит, что говорит Тито,

за границей воспринимается, как сказанное с нашего ведома». Совещение продолжилось и на следующий день и завершилось подписанием соглашения СССР с Болгарией и Югославией о консультациях по внешнеполитическим вопросам.

А 1 марта в Белграде прошло расширенное заседание политбюро, на котором Тито заявил: «Югославия подтвердила свой путь к социализму. Русские по-иному смотрят на свою роль. На вопрос надо смотреть с идеологической точки зрения. Правы мы или они? Мы правы... Мы не пешки на шахматной доске... Мы должны ориентироваться только на свои силы». Тито согласился с мнением одного из членов политбюро, что "политика СССР — это препятствие к развитию международной революции"».

В действительности же югославские лидеры так и не поняли, что их необдуманные шаги на мировой арене, предпринятые без согласования с Кремлем и вопреки его намерениям, в условиях холодной войны, когда Советский Союз еще не располагал атомным оружием, были опасны для судеб мира. Но Сталин не мог тогда публично заявить, что Югославия бросает вызов Западу, а СССР сдерживает ее, поскольку в этом случае всему миру было бы понятно, что СССР опасается ядерного конфликта. Это обстоятельство лишь спровоцировало бы наиболее агрессивные англо-американские круги на немедленное выступление против СССР, в том числе и с применением атомного оружия, о чем Сталину хорошо было известно.

А на эти сведения из Югославии тяжелым, но объективным грузом накладывалась тревожная разведывательная информация. Дело в том, что, начиная с середины 1947 года, советская внешнеполитическая разведка стала регулярно добывать информацию о попытках западных держав, прежде всего США и Великобритании, создать Средиземноморский военный блок, ориентированный против Советского Союза. Суть этих попыток сводилась к планам создания «Антанты в восточной части Средиземноморья, направленной против славянской экспансии».

Небезынтересно заметить, что в данном случае англосаксы заговорили как нацисты и их главарь А. Гитлер. Впрочем, этот подонок также занимался плагиатом... западных «идей». На Западе ведь давно вопят о невесте откуда взявшейся «славянской экспансии». А уж когда Антанта под завязку обделалась со своими интервенциями против

России в период 1918 — 1922 годов, то в оправдание своей агрессивной и бандитской интервенционистской политики ничего лучше выдумать не смогли, как заявить, что это была оборона от советского экспансионизма, объяснив суть последнего «панславистскими мечтами»!? Ну не идиоты ли?! Или советский экспансионизм, или панславистские мечты, но первое объяснять вторым — это только западные идиоты могут! Между тем еще 7 декабря 1922 года французский «Журналь де деба» так и написал: «Можно видеть за покровом революционного коммунизма панславистские мечты»!^[130]

Как бы там ни было, но именно это обстоятельство и послужило первым импульсом для возникновения у Сталина идеи создания федерации Болгарии и Югославии, но в интересах СССР. Сталин вовсе не намеревался потерять советское влияние на Балканах, где исторически роль России была особенно велика. Федерация же могла стать форпостом обороны Советского Союза на дальних подступах на этом направлении. Две страшных мировых войны, в которых роль Балкан была чрезвычайна, не оставляли шанса для иного варианта реакции руководства Советского Союза на попытки западных держав создать Средиземноморский военный блок. И когда Тито отказался поддержать идею федерации Болгарии и Югославии, то у Сталина были более чем серьезные основания рассвирепеть.

Потому как, во-первых, именно советские войска освобождали Югославию, да и практически все Балканы (Румынию, Болгарию), и потерять плоды этой победы советского оружия Сталин вовсе не намеревался. Во-вторых, Тито был обязан своей жизнью лично Сталину. И он действительно был глубоко уязвлен проявленной Тито черной неблагодарностью, а также его нежеланием укреплять славянскую солидарность. Однако все это послужило в основном толчком к резкому проявлению идеологических разногласий и к не менее резкому охлаждению межгосударственных и межпартийных отношений.

Советские военные и гражданские советники были отозваны из Югославии, а на состоявшемся в июне 1948 года в Бухаресте заседании Информбюро (преемник Коминтерна, распущенного в 1943 г.) А. А. Жданов огласил доклад «О положении в КП Югославии», в котором лично Сталиным было вписано следующее: «Всю

ответственность за создавшееся положение несут Тито, Кардель, Джилас и Ранкович. Их методы — из арсенала троцкизма. Политика в городе и деревне — неправильна. В компартии нетерпим позорный, чисто турецкий террористический режим. С таким режимом должно быть покончено». Хотя эти обстоятельства очень важные, но тем не менее и они все-таки не основные.

Дело в том, что по мере нарастания вала информации о попытках США и Великобритании создать Средиземноморский военный блок в ней все отчетливей стал проявляться югославский акцент. И те и другие активно пытались втянуть в будущий блок также и Югославию. Соответственно отказ Тито от поддержки идеи создания федерации Болгарии и Югославии буквально вынудил Сталина заподозрить Тито в двойной игре, естественно, не в пользу Советского Союза. Но что более всего тогда настораживало советское руководство, так это то, что этот акцент стал проявляться на фоне ожесточенной подковерной борьбы между США и Великобританией за контроль над будущим Средиземноморским военным блоком. Активно пытаясь втянуть в будущий блок также и Югославию, США и Великобритания предлагали Тито различные условия членства в нем. В результате складывалось впечатление, что Тито не просто отказался от поддержки выдвинутой Сталиным идеи, но еще и выбирает, по какому варианту ему будет выгодней вступить в альянс с западными странами. Это впечатление усиливалось еще и тем, что со времен войны Сталину хорошо были известны конфиденциальные контакты Тито с представителями британской разведки.

К началу 1952 года сложилась ситуация, когда советская разведка представила Сталину убедительные доказательства того, что, в сущности-то, Белград ведет какой-то торг с ведущими державами Запада как напрямую, так и через посредников. Так, советская разведка информировала Сталина о конфиденциальных визитах в Белград для переговоров с Тито министра обороны США, а также видных государственных и политических деятелей США и Великобритании — А. Гарримана и А. Идена. В тексте добытого разведкой секретного отчета итальянского посла в Вашингтоне об итогах визита А. Гарримана говорилось: «США устроил бы любой вариант, позволяющий осуществить действенный контроль над Югославией и полностью использовать ее потенциал в такой форме, которая не

угрожала бы югославскому правительству внутренним кризисом и не давала бы серьезных поводов к открытому проявлению в стране левой оппозиции». Вот только «любого варианта действенного контроля» США над Югославией Сталину и не хватало! Потому как в случае реализации такой идеи СССР получил бы «тройного коня» Вашингтона непосредственно на Балканах. А это нужно было обеспокоенному собственной безопасностью СССР?! Ведь и так США своей блоковой стратегией создавали военные базы по периметру советских границ.

Почти одновременно Сталину были представлены и данные о содержании тайных зондажных переговоров турецкого министра иностранных дел с югославским послом в Париже. В частности, было установлено, что министр иностранных дел Турции доказывал послу Югославии выгоды последней от участия в «непрерывном фронте Альпы — Дарданеллы», обращенном на защиту Средиземноморья от Советского Союза. Опять-таки, не могу удержаться, чтобы не прокомментировать действия турецкого министра иностранных дел. К тому времени Турция уже была членом НАТО, а соответственно выполняла указания главарей Североатлантического блока. В те времена Турция проводила сугубо зависимую от Запада, прежде всего от США, политику и потому никакой самостоятельности не проявляла. Это было прямое поручение США и НАТО. Однако же с чего североатлантическим заправилам и их турецкому прихвостню привиделась советская угроза на этом направлении? Ведь не Советский Союз разрабатывал планы нападения на Запад, а Запад в силу своей патологической ненависти к России, хотя бы и в лице СССР, разрабатывал такие планы. Чуть позже советская разведка проинформировала Сталина об особо ревнивой заинтересованности Италии принять участие в попытках вовлечения Югославии в Средиземноморский военно-политический блок.

Обобщив все данные, в середине 1952 года разведка направила Сталину спецсообщение, в котором говорилось: «В целях укрепления антисоветского плацдарма на Средиземном море руководящие круги США пытаются в настоящее время создать наряду со средневосточным командованием военно-политический блок в составе Югославии, Греции и Турции, в котором могли бы также принять участие Италия, другие средиземноморские страны и Австрия».

Создание военно-политического блока в районе Балкан, тесно связанного с НАТО, подчеркивалось в спецсообщении, позволит американцам укрепить свои стратегические позиции вблизи стран народной демократии и южных районов СССР. Далее в документе отмечалось, что США намерены связать создаваемый военно-политический блок с Североатлантическим союзом и возложить на него часть задач этого союза на южно-европейском стратегическом направлении. В спецсообщении также указывалось, что генерал Эйзенхауэр провел ряд переговоров с руководителями Греции и Турции по вопросу создания блока, в ходе которых рассматривались наиболее подходящие формы привлечения в него Югославии.

Все это создавало колоссальную угрозу безопасности СССР и союзным с ним странам народной демократии. Вот почему еще только при первом поступлении информации о попытках США и Великобритании создать Средиземноморский военно-политический блок в качестве меры активного противодействия таким планам Сталин выдвинул идею создания федерации Болгарии и Югославии. Отказ же Тито поддержать этот план вызвал у Сталина серьезные подозрения в двурушничестве югославского лидера, тем более что Иосифу Виссарионовичу хорошо было известно, вновь обращая на это внимание, о конфиденциальных контактах Тито с британской разведкой еще со времен войны. Великобритания исторически «пасет» этот важнейший регион мира.

Попытки добиться согласия Тито были окончательно сорваны его упрямством и в не меньшей степени надеждами на Запад. И в это же время разведка доложила о том, что «США устроил бы любой вариант, позволяющий осуществить действенный контроль над Югославией и полностью использовать ее потенциал в такой форме, которая не угрожала бы югославскому правительству внутренним кризисом и не давала бы серьезных поводов к открытому проявлению в стране левой оппозиции». Совокупность этих информации и событий явно привела к тому, что терпение Сталина, судя по всему, лопнуло. И последовал жесткий приказ ликвидировать Тито. Ситуация не давала иного шанса для более мягкого варианта отстранения его от власти. Ни внешнеполитическая, ни внутренняя. О внешнеполитической только что было сказано выше. Что же касается внутренней, сиречь внутри-югославской, то речь вот о чем. Проведение операции по ликвидации

Тито осложнялось тем, что отдел контрразведки Управления государственной безопасности (УДБ) Югославии, возглавляемый генералом Е. Шашичем, уничтожил на территории страны практически всю агентуру советских спецслужб. Были арестованы завербованные МГБ СССР военный атташе Югославии в Москве генерал Б. Полянец и его сотрудники — офицеры УДБ М. Перович, С. Павич и С. Стоилкович. Чуть позже по обвинению в шпионаже были арестованы заведующий военным отделом ЦК КП Хорватии генерал Р. Жигич, заместитель министра тяжелой промышленности М. Калафатич, офицеры Генштаба Народно-освободительной армии Югославии И. Корду и А. Зорич, сотрудники аппарата Коминформа Н. Ковачевич, Д. Озрен и А. Штумпф и еще целый ряд поддерживавших линию Москвы югославских коммунистов. Всего же в 1948 — 1953 годах в Югославии было арестовано 29 советских агентов.

В результате советской разведке пришлось искать иные пути для осуществления операции по ликвидации Тито. К поздней осени был разработан новый план этой операции с участием агента Макса — нелегала МГБ, участвовавшего в свое время в операциях по ликвидации А. Нина в Испании и Л. Троцкого в Мексике, а затем прекрасно зарекомендовавшего себя в иных операциях в Латинской Америке в годы Второй мировой войны. Агент Макс — Иосиф Ромуальдович Григулевич, гражданин СССР.

Об организации операции по ликвидации Тито с участием этого агента, как и о нем самом, написано очень много. Самая последняя книга о Григулевиче, к тому же самая лучшая — «Суперагент Сталина» (В. М. Чиков, М., 2007). Поэтому повторяться не будем. Желающие могут обратиться также и к мемуарам П. А. Судоплатова. Впоследствии, когда после убийства Сталина Хрущевым и К^о операция была отменена, И. Р. Григулевич стал одним из видных советских ученых-историков, специалистом по истории Латинской Америки, а также по католицизму и истории Ватикана. В СССР не было лучше него знатока этой темы. Его перу принадлежит ряд блестящих книг по истории католицизма, инквизиции, ордена иезуитов и другим вопросам. А вот Хрущев, прослышав краем уха об этой операции советской разведки, ляпнул во всеуслышание: «У меня есть сведения, правда требующие дополнительного изучения, о конкретных

мерах по устранению Тито, которые предложил Сталин. Только вот почему они не были осуществлены — остается тайной».

Когда же стало известно о тяжелом состоянии Сталина и тем более его смерти, то югославские лидеры повели себя практически так же, как Геббельс, сообщая Гитлеру «радостную» весть о кончине Франклина Рузвельта. Югославский биограф Иосипа Броз Тито — Владимир Дидиер так описывал реакцию югославских «верхов» на это сообщение: «4 марта 1953 года ТАНЮГ (Телеграфное агентство Югославии. — А. М.) мне сообщило, что Сталин тяжело болен. Я позвонил Джидо (кличка Милована Джиласа). Он тоже ничего не знал. По специальному телефону он сообщил об этом Старику (кличка Тито), Бевцу (кличка Эдварда Карделя) и Марко (кличка Александра Ранковича). Я оделся и направился к Вукмановичу-Темпо, чтобы сообщить радостную весть... Я ворвался в его канцелярию, и мы обнимались от радости... Пришел Джидо. Он сказал мне: "Я очень рад, что мы били Сталина, когда он был еще в полной силе..." И в благодарность за радостную весть подарил мне золотые часы, подаренные ему самим Тито»^[131]. И это в те дни, когда весь мир скорбел вместе с советским народом по поводу кончины И. В. Сталина!? Недавняя история жесточайшим образом доказала той же Югославии и ее руководителям, что не следует радоваться беде других, и не надо рыть могилу другому — самого туда запихнут... Вот там, в могиле истории, и валяется теперь бывшая Югославия, расчлененная на несколько карликовых государств. «Балканизация» по-западному, однако...

Такова подлинная правда о тех событиях. Конечно, кого-то она и не устроит. Однако именно таким хотелось бы напомнить вот о чем. То время было совершенно иным. Вопросы войны и мира решались крайне жестко. Причем что Западом, что СССР. Ни Запад, ни СССР в средствах ликвидации угроз своей безопасности особенно-то не стеснялись. Тем более когда был хоть малейший шанс за счет «причинения меньшего ущерба избежать более крупного», что, как правило, характерно для тайных операций разведок. Так что огульно обвинять Сталина и его спецслужбы нет ни малейших оснований. Против СССР велась ожесточенная война, и оттого, что она, видите ли, была холодной, Советскому Союзу уютней не становилось. После Великой Отечественной войны все, что касалось безопасности

государства, делалось зачастую превентивно, с громадным запасом и, подчеркиваю это вновь, в выборе средств особенно не стеснялись. Ибо по ту сторону баррикад точке никто в выборе средств не стеснялся.

Кстати говоря, даже сейчас, когда вроде бы в России демократия, когда формально вроде бы уже отсутствует якобы пугавшая западных заправил «советская угроза», все равно они действуют по-прежнему, особенно англосаксы. По-прежнему пускают в ход самые острые, самые неприемлемые даже по нормам их цивилизации «общечеловеческих ценностей» методы. Спецслужбы России постоянно с этим сталкиваются и в настоящее время. И не только сталкиваются, но реагируют адекватно угрозам безопасности России, в том числе при необходимости и крайне жестко. По-другому безопасность, суверенитет, независимость и территориальную целостность Великой Державы отстоять невозможно. Пора бы всем уяснить эту простую истину.

И вот еще о чем. Хотя, как известно, Ее Величество История не терпит сослагательного наклонения, тем не менее рискну высказать следующую точку зрения. Убежден, что если бы удалось тогда ликвидировать Тито, то развитие событий на Балканах, в том числе и в самой Югославии, пошло бы по более приемлемому для народов этого региона сценарию. И по меньшей мере не произошла бы под конец XX века столь ужасная, кровавая национальная катастрофа Югославии, не было бы косовской проблемы, в возникновении которой повинен лично Тито. Ведь именно он инициировал процесс усиленного заселения исконного сербского края — Косово, которое, кстати говоря, для сербов имеет такое же значение, как для русских Куликово поле, — албанцами, которые не только исповедовали ислам и были крайне враждебно настроены против сербов. Дело еще и в том, что еще с конца XIX века албанцев особо тщательно «пасет» британская разведка, используя их как «тройного коня» против славянских народов Балкан. Есть вполне серьезные основания полагать, что план Тито по усиленному заселению Косово именно албанцами, испокон веку поголовно склонными к сепаратизму и вооруженному бандитизму, а также к криминальной деятельности, был навязан ему именно же британской разведкой. Итог же всем хорошо известен. И тут уж волей-неволей пожалеешь, что Тито не был вовремя ликвидирован...

Миф № 29. В начале 1950-х годов Сталин развязал войну на Корейском полуострове.

В последние лет двадцать этот несносно идиотский миф получил чрезвычайно широкое распространение. Кто только и как только его не использовал в тщетных потугах доказать некие сверхагрессивные экспансионистские амбиции Сталина. И все ведь впустую. А оно иначе-то и не могло быть. Потому как никаких, тем более сверхагрессивных и экспансионистских, амбиций Сталин тогда не проявлял. Тем более в отношении Кореи. Но разве втолкуешь это «демократическим» историкам и журналистам?! Им ведь подай западную точку зрения — в представлении этих интеллектуальных убожеств только она и есть «истина в последней инстанции». Что ж, на этот раз «уважу». С помощью современной американской исследовательницы К. Везерсби, автора отличной книги «Советские цели в Корею, 1945 — 1950. Холодная война». М., 1995.

На основе тщательного исследования новых документов, в том числе и закрытых вплоть до 90-х годов прошлого столетия, К. Везерсби пришла к следующему категорическому выводу. Широко распространенное мнение, что будто бы советское руководство, прежде всего Сталин, было заинтересовано и потому толкнуло Северную Корею на вторжение на юг с целью объединения страны, расширения зоны влияния СССР и оттеснения США, не соответствует реалиям того времени. Еще в ходе Второй мировой войны Советский Союз пошел на большие уступки Соединенным Штатам по вопросу о послевоенной судьбе Кореи. Более того, согласился со всеми американскими предложениями на этот счет. К. Везерсби фактами доказывает, что Сталин не имел никаких претензий на Южную Корею. Во имя поддержания союзнических отношений он даже отказывался помогать южнокорейской компартии в американской зоне оккупации. Американская исследовательница убедительно, с помощью

документов и фактов доказала, что Сталин однозначно ограничивался двудеиной целью:

- сохранить установившийся баланс сил союзников в Корее;
- сохранить жесткий контроль над Северной Кореей, которая играла бы роль буферного государства, способного защитить границу СССР в данном регионе, а также быть источником определенных индустриальных ресурсов, в первую очередь урановой руды.

К. Везерсби четко доказывает, что Сталин упорно сдерживал Ким Ир Сена от похода на юг из-за опасений перерастания локальной войны в новую мировую и согласился с Ким Ир Сеном на военные действия с Южной Кореей по просьбе Мао Цзэдуна, стремясь избежать обвинений «в сдерживании дела революции на Востоке». Сталин, по данным К. Везерсби, не желал участия СССР в военных действиях даже после включения в войну американцев и крупных поражений северокорейцев. К. Везерсби отмечает, что Сталин «даже злобно отверг предложение Хрущева послать русского генерала для организации эффективного сопротивления. Советский лидер стремился избежать риска прямой конфронтации между СССР и США. В то же время, он не хотел и потерять Северную Корею. Когда Сталину сказали 2 октября, что Мао принял решение о направлении войск в Корею на помощь Киму, он очень обрадовался тому, что китайцы помогли разрешить мучившую его дилемму».

Изучив массу ранее недоступных документов, К. Везерсби четко и однозначно доказала, что сталинская политика в отношении Кореи отличалась исключительной осторожностью. Суровым смертным приговором всей глупейшей болтовне о сверхагрессивных экспансионистских устремлениях Сталина в Корею звучит окончательный вывод американской исследовательницы: «Цели Сталина были очень далеки от безудержного экспансионизма, который приписывали ему руководители Запада»!

Кстати говоря, точно такой же вывод был сделан и в отношении сталинской политики в Китае. На состоявшейся в 1996 году международной конференции в Гонконге на основе документов убедительно было доказано, что, исходя из интересов всеобщего мира, Сталин не поддержал и просьбу Мао Цзэдуна ускорить вооруженный захват Тайваня!

Такова подлинная правда о том, что-де, «руководствуясь сверхагрессивными экспансионистскими соображениями и амбициями, в начале 50-х гг. Сталин развязал войну на Корейском полуострове»! И, что самое главное в данном случае, эта подлинная правда документально точно изложена представительницей именно той страны, которая более всего и всегда обвиняла Сталина в проведении агрессивной внешней политики!

Миф № 30. Сталин панически боялся, что, захватив германские документы, западные союзники разоблачат его предвоенную политику сговора с Гитлером.

Миф № 31. На основе трофейных документов германского МИДа американская дипломатия сразу же после войны разоблачила предвоенную политику Сталина.

Откровенно говоря, это глуповатые мифы. Во-первых, потому, что среди лидеров «Большой Тройки», то есть среди лидеров США, СССР и Великобритании, Сталин был единственным, кто ни на йоту не опасался каких-либо разоблачений. Потому что и разоблачать-то было нечего. Его предвоенная политика была политикой максимально возможного обеспечения безопасности для своего государства в тех тяжелейших условиях, которые умышленно были созданы Западом по итогам подлого Мюнхенского сговора с Гитлером. И не западным шакалам и их современным прихвостням в России упрекать Сталина. Во-вторых, более всех разоблачения своей предвоенной политики опасалась Великобритания. Не отставали в своих опасениях и США. Именно по этой причине они едва ли не с момента образования антигитлеровской коалиции жестко настаивали на внесудебной немедленной казни нацистских военных преступников, как только они попадут в руки союзников. Об этом подробно уже говорилось при анализе мифов в отношении истории наказания нацистских преступников. В то же время нельзя не признать тот факт, что да, действительно, американцам удалось захватить определенную долю германских дипломатических документов, в том числе и тех, что относились к периоду 1939 — 1941 годов. В том числе и документы по советско-германским отношениям. Ну и что из этого должно вытекать?! Что это, позор для советской политики?! А черта лысого не желаете ли?! Когда эти документы уже были привезены в США, знаете, какая была реакция Государственного департамента?! Обхохочетесь. Госдеп потребовал предварительной экспертизы этих

документов «во избежание возможного конфуза для британского правительства»!^[132]

Даже янки знали и понимали, что натворили бритты, провоцируя Вторую мировую войну, потому солидарно и опасались конфуза для правительства Великобритании! Тем не менее, несмотря на столь «нежную заботу» Госдепа о том, чтобы избежать конфуза для правительства Великобритании, современные авторы делают прямо противоположный вывод в духе решений Богом и Россией проклятого Второго съезда народных депутатов СССР. Мол, «конфузный потенциал» в этих документах был, но не для британского правительства, а для советского правительства. Потому как аналитиков Госдепа, видите ли, сильно впечатлила преемственность советских геополитических целей в Восточной и Юго-Восточной Европе и та железная настойчивость, с которой Сталин и Молотов добивались этих целей сначала в переговорах с нацистами, а затем и с англосаксами. На основании этого не без подспудного одобрения приводится вывод аналитиков Госдепа о том, что таким образом Запад столкнулся «с коренной и долгосрочной тенденцией советской экспансии, требующей самого серьезного внимания»!

И в этой связи один вопрос. Зачем современные авторы столь наглядно уподобляют себя янки, запредельная, наглая тупость которых в мировых делах уже не менее века является притчей во языцех?! Неужели современным, прекрасно образованным и эрудированным историкам так трудно понять, что железная настойчивость Сталина и Молотова в вопросах, касавшихся Восточной и Юго-Восточной Европы — это не «конфузный потенциал» для СССР-России, а веками выстраданная Россией необходимость принятия конкретных мер эффективной безопасности! Потому как веками угроза агрессии и сами агрессии обрушивались на Русь прежде всего именно на этих азимутах! Чего тут ерничать?! Зачем столь демонстративно подначивать в ретроспективе Советское правительство и лично Сталина с Молотовым?! Ведь если продолжить этот логический ряд, то, выходит, что и Путин с Медведевым, добиваясь безопасности в Восточной Европе и активно протестуя против размещения ракет в Польше и радаров в Чехии, также наращивают «конфузный потенциал»?! Ну и куда дальше может завести подобная, с позволения сказать, «логика» современных историков?! Не пора ли быть хотя бы

чутьточку повежливей при оценке внешнеполитических действий наших предков в руководстве страны?! Впрочем, мы слегка ушли в сторону.

Первыми из этих документов, что были использованы против Советского Союза и его предвоенной политики, стали именно те, что относились к визиту Молотова в Германию в ноябре 1940 года. И вот что особенно любопытно. Если эксперты Госдепа выводы сделали о «преемственности» советской политики в отношении Восточной и Юго-Восточной Европы, то в ход были пущены почему-то аргументы, относившиеся к Персидскому заливу!? И ничего более умного янки-манки придумать не смогли, кроме как подобным образом «обосновать преемственность советских притязаний к Персидскому заливу»!? Ну, не идиоты ли?! Прежде всего потому, что тем же экспертам Госдепа прекрасно было известно, что это явится грубой подтасовкой фактов, проще говоря, отпетой фальсификацией. Потому что им хорошо было известно, что ни Молотов, ни Сталин, руководивший его действиями из Москвы, во время переговоров 1940 года не поддались на провокацию Гитлера и Риббентропа, преследовавшую цель направить внешнеполитические устремления СССР в сторону Персидского залива. Тем не менее янки-манки запустили эту фальсификацию через свою прессу. И всего лишь по той причине, что в марте 1946 года администрация США нагнетала истерию вокруг иранского кризиса, пытаясь организовать свержение прогрессивного иранского премьер-министра Моссадыка. В конце концов янки это удалось. Только вот причем тут «советский бросок на юг» — пойди, пойми этих заокеанских идиотов.

Впрочем, как известно, во внешнеполитических схватках все средства хороши, даже пропагандистские «утки». И поскольку в этом мире ничто не остается безнаказанным, то вскоре янки-манки получили вразумляющий отлуп со стороны Сталина и СССР. Принцип «Око за око» свято соблюдался Сталиным. Он никогда не упускал случая от души «врезать» по Западу. Принципиальная же разница между его и Запада пропагандистскими действиями заключалась в том, что Сталин не прибегал к фальсификациям, а использовал конкретные факты, причем большей частью именно те, которые, как говорится, были взяты «с полочным».

Хотя формально это и выйдет за рамки анализа настоящего мифа, однако не премину использовать возможность хотя бы вкратце

рассказать, как был дан отлуп. Действительно, вскоре подходящий случай представился. Опытный американский дипломат, посол США в Аргентине Дж. Мессерсмит, выступая в Буэнос-Айресе перед членами «Американского легиона», допустил резко воинственные высказывания, в которых, утверждая тезис о неизбежности войны с СССР, призвал латиноамериканские страны встать в ней на сторону США. Информация об этой воинственной речи просочилась в прессу. Госдеп потребовал от посла объяснений, однако тот наотрез отверг обвинения в том, что он произнес воинственную речь. Госдеп на том успокоился. Но не тут-то было. Москва немедленно отреагировала опубликованием в газете «Правда» памфлета Б. Леонтьева «Все ли позволено американскому дипломату?». После чего уже Госдепу пришлось, как говорится, «запросить прощенья». Госдеп вынужден был дать официальное опровержение, но в то же время отказаться от направления ноты протеста в адрес советских властей, потому как понял, что Советы взяли посла «с поличным».

Естественно, что только фальсификацией на тему «советского броска на юг» янки не ограничились. В 1948 году Госдепартамент опубликовал крайне тенденциозный сборник «Нацистско-советские отношения в 1939 — 1941 гг.». Этой публикацией янки планировали подорвать высокий авторитет СССР, как последовательного борца с нацизмом и фашизмом. Но не тут-то было. Не надо было им дразнить Сталина. Потому что разгневанный Сталин нанес Западу такой удар, что там едва не задохнулись от своего же якобы пропагандистского успеха. Дело в том, что, немедленно отреагировав на эту публикацию, Сталин приказал в срочном порядке подготовить ответный удар. По его личному указанию в МИД СССР в срочном порядке была подготовлена брошюра «Ответ клеветникам». После жесткой редакции Сталина она приобрела хорошо известный всем историкам вид, содержание и название — «Фальсификаторы истории. (Историческая справка)». От души «врезал» Западу Иосиф Виссарионович и за Мюнхенский сговор 1938 года, и за скотскую политику западных держав и срыв переговоров в Москве летом 1939 года, и за фальсификацию обстоятельств заключения советско-германского договора о ненападении, и за подлое вероломство западных союзников в вопросе о втором фронте. Причем, что стало понятно только в наше время, когда гласности были преданы многие документы советских

разведывательных служб, Сталин аккуратно вкрапил в исправленный им текст и данные разведки. В результате получился более чем весомый документ, имевший полемическую остроту. Более того. Одновременно с публикацией этой брошюры, в срочном порядке были опубликованы и немецкие трофейные документы о западной политике «умиротворения» фашистских агрессоров. Характеризуя гигантскую силу эффекта, который произвел мощный сталинский ответ западным мерзавцам, вполне уместно вспомнить слова из известной песни Аллы Борисовны Пугачевой — «Ох, какой же был скандал! Ох, какой же был скандал!».

Но, впрочем, песня, пардон, история, не о том, а о том, что Сталин не боялся, тем более панически, публикаций на Западе захваченных англосаксами трофейных документов германского МИДа и уж тем более не боялся каких-либо разоблачений своей предвоенной политики. Потому что просто нечего было бояться. Его политика в предвоенный период была единственно возможной в тот период. Что ведь признали даже сами западные мерзавцы. А за любой выпад против СССР он давал сдачи не на 100 %, а как минимум на 200 %. Иначе с такой сволочью, как Запад, нельзя. Запад понимает только силу и мощь ответного удара, особенно если он не в бровь, а прямо в глаз, а лучше, когда в оба...

Миф № 32. Сталин подошел к решению вопроса о репарациях с Германии сугубо грабительски и по-дилетантски, ибо надо было не вывозить действовавшие германские заводы и их устаревшее оборудование, а получать новое оборудование, которое надо было заставить производить на этих заводах прямо в Германии.

Миф существует давно — только на памяти автора ему уже свыше сорока лет — и является одним из наиболее интеллектуальных, едва ли не научных мифов в антисталиниане на военную тему. Псевдонаучные инсинуации на эту тему автору приходилось слышать еще сорок лет назад. С 2005 г. этот миф пытается реанимировать небезызвестный «демократ» - «экономист» Гавриил Попов. Сначала в изданной в США книге «Война и правда: Цена Победы» (New York, Liberty Publishing House, 2005), затем в книге «1941 — 1945: Заметки о войне» (М., 2005) и, наконец, в книге «Три войны Сталина» (М., 2005). Современному читателю не надо представлять Г. Х. Попова. Его и особенно его «демократические деяния» хорошо известны. Зачем он пытается реанимировать этот миф — тоже не столь уж и трудно догадаться. У «демократов» во всех их провалах, особенно в области экономики, виноваты давно уже не существующие Сталин, тоталитаризм и плановая экономика. Однако до «демократов» никак не дойдет, что никаких результатов, кроме, естественно, тотальных провалов во всем без исключений, у них по определению быть не может и никогда не будет. А что касается более полувека назад убитого Сталина и почивших в бозе «трудами тех же "демократов"» тоталитаризма и

плановой экономики, то, миль пардон, не шакалам «демократии» гавкать на эту тему. Опираясь на беспрецедентную поддержку советского народа, Сталин за десять лет создал мощнейшую экономику, выдержавшую небывалый по своей мощи тайфун Второй мировой и Великой Отечественной войн. СССР первым из всех европейских держав, пострадавших в войне, полностью восстановил свою экономику и отменил карточки на продовольствие. Более того. Экономика Российской Федерации все еще держится на том, что создали советские люди при Сталине!

Потому как даже при идиоте Хрущеве и благодушно-застойном Леониде Ильиче экономика СССР развивалась по схемам, предусмотренным еще Сталиным. И даже ряд заводов строились на основе постановлений, которые были подписаны еще Сталиным! Так что неча на Сталина-то кивать!..

Основная ставка в раздувании этого мифа на тезис о том, что-де «надо было не вывозить действовавшие германские заводы и их устаревшее оборудование, а получать новое оборудование, которое надо было заставить производить на этих заводах прямо в Германии». Для живущих в постиндустриальную эпоху людей такая постановка вопроса кажется логичной. И в этом нет ничего удивительного. Однако когда имеешь дело с мыслями, тем более публично выраженными мыслями «демократов», всегда надо исходить из того, что это как минимум обыкновенное шулерство на историческую тему. Ну не могут «демократы» что-либо сказать честно и объективно, иначе они уже не «демократы»! Хуже того. Очень часто, если не вообще постоянно, они используют то обстоятельство, что подавляющее большинство людей, как бы это мягче сказать, не совсем точно представляют себе историю конца войны и первых послевоенных лет. Тем более что касается вопросов экономики и взаимоотношений между СССР и главными союзниками по антигитлеровской коалиции в последний период войны и первые послевоенные годы. А ведь это намертво связанные между собой проблемы, не разобравшись в которых крайне трудно понять, почему советское правительство и конкретно Сталин приняли решение о вывозе германских заводов в счет репараций. И здесь важнее всего не цифры, от которых читатели изрядно утомятся, а логика — логика экономического, нет, точнее будет, логика хозяйского подхода к проблеме репараций с учетом

невероятной разрухи в послевоенном СССР и взаимоотношений между бывшими союзниками. Проблема контрибуции и репараций обсуждалась на заседаниях ГКО давно, фактически с 1943 года. В том числе и с учетом данных разведки. На первом этапе логика размышлений советского руководства состояла из двух вариантов. Первый. Да, можно наложить на немцев большую контрибуцию и даже записать это в документах по итогам войны. Однако немцы физически не смогут сразу выплатить нам большую контрибуцию. Их экономика, в частности, промышленность, также разрушена или эвакуирована. Следовательно, СССР придется ждать от 10 до 20 лет.

Попутный комментарий. Конкретно в этом аспекте правительство СССР учитывало специфический опыт наложения репарации и контрибуции на Германию по итогам еще Первой мировой войны. Тогда график выплат был составлен так, что Германия завершила бы все выплаты к 1969 году. Мог ли СССР ждать столько времени, особенно если учесть, что на репарации претендовал не только Советский Союз, но и Ряд других государств?! Не думаю, что у нормального людей могут возникнуть проблемы с ответом на такой вопрос.

Так вот, не было такой проблемы и у Советского правительства. Ждать годами, пока немцы что-то сделают, ни СССР в целом, ни советский народ не могли. Особенно если учесть два специфических аспекта проблемы. Для того чтобы немцы смогли выплатить репарации в пользу СССР, надо было оставить им все заводы, на которых они должны были бы работать и выплачивать Советскому Союзу долг. Однако это в корне противоречило межгосударственным договоренностям основных участников антигитлеровской коалиции о полной денацификации Германии, осью которой должна была стать денацификация германской промышленности, особенно тяжелой, являвшейся фундаментом военно-промышленного комплекса Третьего рейха. Не говоря уже о проблеме рынков сбыта германской продукции. К тому же по каналам разведки было известно, что англичане и американцы отнюдь не намерены способствовать послевоенному восстановлению СССР за счет германских репараций и будут всячески препятствовать этому. Прежде всего потому, что значительная доля германской промышленности принадлежала американским и (в меньшей степени) британским компаниям. Кроме того, основные

германские заводы находились в западной части Германии, не говоря уже о том, что туда же, на запад страны, нацисты эвакуировали и заводы из Восточной Германии. Капитаны германской индустрии еще в начале 1944 года с помощью собственных разведывательных служб^[133] знали, что США и Великобритании отводятся для оккупации западные регионы Германии. Потому туда и эвакуировали свои заводы.

С другой стороны, что составляет суть второго варианта, в советском правительстве прекрасно понимали, что часть оборудования заводов Германии к концу войны действительно и физически, и морально устареет. А за немецкие деньги (репарации) можно купить в США или у других государств самое современное и эффективное оборудование. Но опять-таки вставал вопрос. Насколько быстро германская индустрия оправится после войны, как быстро найдет рынки сбыта своей продукции, чтобы выплачивать Советскому Союзу репарации? И здесь снова вставал вопрос о политике западных держав в этой области.

Как бы сам собой напрашивался, казалось бы, приемлемый вариант. Несмотря на то, что большая часть Германии будет оккупирована союзниками, тем не менее в итоговых документах можно будет зафиксировать требования советской стороны, так как союзники еще нуждаются в СССР в связи с необходимостью разгрома Японии. Но как только Япония будет разгромлена, у союзников появится искушение отказаться от своих, даже письменных, обязательств, и Советский Союз никаких денег с Германии не получит.

Поставить же вопрос о наложении всей массы необходимых репараций и контрибуций на советскую зону оккупации Германии политически было опасно, ибо таким образом можно было лишь озлобить местное население, чего, естественно, СССР не намеревался делать.

В итоге выкристаллизовывался единственно верный ответ на все вопросы и размышления на эту тему. Заводы, которые захватили советские войска, — единственная реальность. Проще говоря, лучше синица в руке, чем журавель в небе. Монолитную твердость и убежденность в правоте такого вывода придавало следующее соображение. Практически сразу же после окончания войны с Германией правительство СССР обязано будет — по экономическим

соображениям — произвести массовую демобилизацию вооруженных сил. А это миллионы трудоспособных мужиков. Естественно, встанет вопрос, а где им работать. Ведь допустить столь характерной для любого послевоенного периода массовой безработицы советское руководство не могло. Если даже и полагать, что денежные репарации с Германии удастся получить быстро и на эти средства заказать, предположим, в той же Америке новейшие заводы, то ведь пройдет немало времени. Пока там их спроектируют, изготовят, поставят в СССР, смонтируют на советской территории, пока, наконец, советские рабочие и инженеры освоят новейшее оборудование, то, опять-таки, пройдет огромное количество времени. А чем людей занять, на что они должны жить?

А вот если вывезти в СССР немецкое оборудование, то плюсов значительно больше. Прежде всего, это уже готовое оборудование. Технология производства на таком оборудовании уже отработана. Среди немецких военнопленных можно найти необходимых специалистов для быстрого обучения нашего инженерно-технического персонала и рабочих. Следовательно, можно избежать с социально-политической точки зрения очень опасной массовой, многомиллионной безработицы.

Подобные соображения подкреплялись еще и такими аргументами. Советское правительство без преувеличения абсолютно ясно понимало, что проблема морально устаревшего оборудования действительно существует. Однако смотря для чего, для какого производства? Если планировать выпуск на таком оборудовании деталей для каких-либо ультрасовременных промышленных систем или для суперсовременной военной техники — конечно же, такое оборудование едва ли подойдет. Однако в СССР не хватало буквально всего — не было ни гаек, ни гвоздей, ни болтов, не говоря уже о чем-либо более существенном. Для таких целей вывозимое оборудование прекрасно подходило. Не говоря уже о задачах восстановления народного хозяйства. Ведь фашисты разрушили 31 850 промышленных предприятий!

Короче говоря, размышления советского правительства и лично Сталина постепенно сконцентрировались в следующем резюме. Наиболее целесообразный вариант — вывезти оборудование германских заводов, находящихся в советской зоне оккупации.

Даже невзирая на то, что для строительства этих заводов и фундаментов для вывезенного оборудования потребуется много труда. Потому как в основном это не очень квалифицированный труд. И для решения этого вопроса наиболее целесообразно использовать немецких военнопленных. Прежде всего, на строительных работах. Ибо досрочно отпускать их обратно в Германию ради призрачной выплаты контрибуции и репараций было нецелесообразно. Да к тому же они должны были понести серьезное наказание за свой разбой на советской территории. Кстати говоря, аналогичный подход был и в отношении предателей и изменников Родины, служивших в немецкой армии либо в карательных органах на оккупированной территории.

Вот так тогда и поступили. И это был действительно единственный вариант выхода из тяжелейшего экономического положения, в котором оказался СССР в результате войны. Ведь разрушена была практически вся европейская часть Союза. И тот факт, что в кратчайшие сроки СССР восстановил свой экономический потенциал и на всех парах рванул вперед, и есть суть свидетельства правильности выбора. Один яркий пример. Наивысшее достижение в развитии экономики довоенного СССР — это введение в строй нового предприятия каждые 7 часов. Это по итогам незавершенной из-за начавшейся войны третьей пятилетки. В первой же послевоенной пятилетке новое предприятие входило в строй каждые 6 часов! То есть в сутки входили в строй четыре предприятия! Никогда в истории ни одна страна не знала таких темпов экономического восстановления и строительства!

Что же до того, сколько вывезли, то умышленно воспользуюсь цифрами, которые привел тот же Попов. В своей книге «Три войны Сталина» (С. 29 — 30) он приводит следующие цифры. Из Германии было вывезено 2885 заводов, 96 электростанций мощностью 4 млн киловатт каждая, 340 тыс. различных станков, 3 тыс. паровых котлов, 200 тыс. электромоторов разных мощностей и предназначения. Из берлинского метро вывезли электрическое оборудование, ремонтные мастерские, новые вагоны, локомотивы, платформы. В результате были созданы солидные запасы, позволявшие с размахом приступить к строительству линий метрополитена как в Москве, так и в других городах.

По тем же данным вооруженные силы вывезли 202 объекта, наркомат энергетики — 120, наркомат электропромышленности — 101, наркомат сельхозмашиностроения — 85, а также для нужд книгоиздательств — 64 объекта, здравоохранения — 26 и т. д. Кроме того, для нужд спорта было вывезено спортивное оборудование, прежде всего то, которое Германия создала к XI Олимпийским играм.

Кроме того, вывозились и иные материальные ценности:

— строительные материалы — только в 1945 году было вывезено 74 тыс. вагонов;

— одежда — 1,2 млн мужских и женских пальто, 1 млн головных уборов, всего 400 тыс. вагонов;

— сельхозпродукцию и пищевую продукцию 2,3 млн тонн зернопродуктов, 500 тыс. тонн масла, рыбы и жиров; 500 тыс. тонн сахара, 1 млн тонн картофеля и овощей, 16 тонн табака, 20 млн литров спирта. Было вывезено также 554 тыс. лошадей, 541 тыс. голов крупного рогатого скота, 240 тыс. голов овец.

Несмотря на то что это далеко не все цифры, могущие дать исчерпывающее представление об объемах репараций, сразу же хочу отметить одно обстоятельство. «Демократы» давно повадились завывать истошным голосом, что-де это был форменный грабеж поверженной Германии. Однако у «демократов» всегда более чем серьезные нелады как с реальными фактами, так и с элементарной совестью и порядочностью. Потому что форменный грабеж устроила нацистская Германия, разбойно напав на СССР. Причем планирование этого форменного грабежа осуществлялось одновременно с разработкой планов агрессии. На Нюрнбергском процессе все это было подтверждено соответствующими документами из германских архивов, а также свидетельскими показаниями. И поэтому просто подло ставить на одну доску репарации в пользу Советского Союза и результаты грабежа нацистов. Советский Союз действовал на основе международно-правовых документов, подписанных государствами — членами антигитлеровской коалиции. И называть его действия грабежом — более чем бессовестно. Особенно когда пытающийся протащить эту подлую мысль прекрасно осведомлен о том, какой астрономический ущерб нацисты нанесли Советскому Союзу. Впрочем, на то они и «демократы», что без лжи и фальсификаций и минуты не могут прожить.

В то же время, как и любой другой нормальный исследователь, автор не собирается отрицать того, что со стороны целого ряда военнотружущих, прежде всего из числа командного, в том числе и высшего командного, состава, имели место факты алчного грабежа, которые нам еще предстоит проанализировать. Однако же подлость «демократов» в том и заключается, что они пытаются поставить знак равенства между государственными репарациями и грабежом отдельных мерзавцев. Это более чем подло.

Такова вкратце правда о тех делах. Откровенно говоря, более чем очень трудно понять «логику "экономиста" и "демократа"» Г. Х. Попова. Ведь, в отличие от многих людей, ему вполне доступны все необходимые материалы для того, чтобы показать действительно имевшую место логику действий советского правительства и четко расставить акценты в соответствии с конкретными реалиями того времени. Зачем же вводить в заблуждение своих же сограждан! И это вопрос еще в самой мягкой форме...

Миф № 33. Вместо того чтобы после войны строить жилье, Сталин взял курс на милитаризацию страны.

Миф появился недавно как «адекватная реакция» проклятых «демократов» на свою же неспособность решить главнейшую социальную задачу — обеспечить население страны доступным, но качественным жильем. Не найдя ничего лучшего, решили, как и всегда, всю свою тупость и преступную бездарность свалить на Сталина. Мол, еще со времен его правления жилищная проблема не решается. «Демократы» — на то и «демократы», чтобы бездарно лгать. Ну, скажите-ка на милость, какое отношение может иметь к современным жилищным проблемам еще в начале 1953 года убитый негодьями Сталин?! На дворе-то нынче уже третье тысячелетие, 2009 год. А они все Сталин да Старина! Ну, не идиоты ли?! Впрочем, ну их... Лучше посмотрим, как Сталин решал жилищную проблему сразу после войны.

В представленном Нюрнбергскому трибуналу Документе СССР-35 указывалось: «Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек...разрушили 31 850 промышленных предприятий...»^[134] Такова была исходная позиция к началу восстановительного этапа.

Естественно, что Сталин не ждал окончания войны, чтобы убедиться в астрономических масштабах разрушений. Он и во время войны прекрасно знал об этом. И потому в круг его повседневных забот еще в середине войны вошло решение важнейшей социальной задачи — обеспечение советского народа доступным и качественным жильем. Этому способствовала одна интересная информация. Трудно сказать, каким образом Сталину стало известно о разработке французскими архитекторами технологии строительства дешевого панельного жилья, возводимого в сжатые сроки, но факт остается

фактом — Сталин обратил на эту информацию самое пристальное внимание.

Небольшой комментарий. Тут необходимо иметь в виду, что применение крупных блоков в жилищном строительстве не было абсолютной новинкой для СССР. Этот метод применялся в СССР еще в 1926 — 1927 годах в Москве, затем в Харькове, Краматорске, Запорожье, Ленинграде и других городах^[135].

Сталин вызвал известного в те годы профессора Карасева — далеко не последнего человека в строительной промышленности — и поставил перед ним задачу: на базе полученной информации создать в СССР домостроительную промышленность. Одновременно по инициативе лично Сталина ГКО еще 23.05.1944 года принял постановление о создании промышленности по производству заводским способом домов из расчета 3,6 млн квадратных метров в год. Этим же постановлением предусматривалось и создание предприятий по производству домов из гипса и шлакобетона из расчета 1 млн квадратных метров в год. Еще больший размах решение этой проблемы получило уже после окончания войны. В принятом в 1946 году Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 — 1950 годы решение одной из важнейших задач обеспечения населения жильем предусматривало: «Всемерно развивать дело восстановления и дальнейшего строительства городов и сел и увеличения жилищного фонда страны; создать массовое фабрично-заводское изготовление жилых домов; оказать государственную помощь рабочим, крестьянам и интеллигенции в индивидуальном жилищном строительстве.

...Определить объем восстановления и нового строительства жилых домов в селах за пятилетие на средства колхозов и совхозов и крестьян с помощью государственного кредита в количестве 3 400 тысяч домов, в том числе в районах, подвергшихся оккупации, 2 240 тысяч домов. Оказать помощь крестьянам и сельской интеллигенции в восстановлении и строительстве ими собственных жилых домов путем предоставления кредита и продажи строительных материалов и готовых деталей»^[136].

Благодаря предпринятым Сталиным мерам строительная индустрия стала быстро развиваться. В послевоенный период наибольшее распространение получили сборные железобетонные

конструкции и детали. «Уже в 1948 году наметились пути развития полносборного железобетонного домостроения. Например, на Березняковском домостроительном заводе было организовано производство ребристых панелей стен и перекрытий с минераловатным утеплителем. Крупнопанельное домостроение развивалось в Советском Союзе параллельно с развитием сборного железобетона. Значительный вклад в крупнопанельное домостроение сделан трестом Магнитострой. В 1949 г. им впервые были изготовлены изделия для бескаркасных крупнопанельных домов в вертикальных формах — кассетах»^[137]. «На развитие новых конструктивных форм сборного железобетона и на приобретение необходимого опыта по их производству оказало большое влияние строительство высотных зданий в Москве, в частности, в зданиях МГУ и гостиницы "Украина" были впервые применены сборные шатровые панели перекрытий размером на комнату»^[138]. К работе по развитию крупнопанельного домостроения подключались лучшие советские архитекторы, проектировщики и инженеры-строители. Знаменитый архитектор Борис Иофан еще 14 мая 1949 году в письме на имя Сталина выразил готовность включиться в эту работу: «Я бы мог включиться в массовое индустриальное жилищное строительства, в области которого у меня есть некоторые соображения и предварительные эскизы»^[139].

Директивами XIX съезда ВКП(б) по пятому пятилетнему плану предусматривалось: «Значительно увеличить выпуск новых высококачественных отделочных и облицовочных материалов, деталей и конструкций заводского изготовления из керамики, гипса, бетона и железобетона, способствующих дальнейшей индустриализации строительства, снижающих их стоимость и улучшающих архитектурно-строительные и эксплуатационные качества зданий и сооружений»^[140].

В пятой пятилетке для индустриализации жилищного и промышленного строительства была создана мощная строительная база — построены десятки механизированных заводов по производству железобетонных изделий, которые стали основой для крупнопанельного домостроения, цементные заводы и заводы по производству стекла, сантехники, керамической плитки и облицовочных материалов. Металлургические заводы наладили производство в необходимом количестве и ассортименте арматуры,

труб и сопутствующей оснастки для систем водоснабжения и канализации. Была создана основа основ жилищного строительства — строительная база. Под личным контролем Сталина размещение заводов строительной индустрии на территории Советского Союза было спланировано равномерно, чтобы стало возможным развивать жилищное строительство не только в столице и крупных городах, но и в глубинке.

К сожалению, к тому моменту, когда основы строительной индустрии для крупнопанельного домостроения были созданы, Сталина убили. И вся слава решения жилищного вопроса в 1950-е гг. совершенно незаконно досталась его убийце — Хрущеву. Причем лысый троцкист-кукурузник изрядно извратил сталинские параметры жилья для советских людей. Сталин поставил задачу так, что параметры квартир были очень солидными: высота потолка — 3 — 3,5 м, минимальная площадь однокомнатной квартиры — 40 — 45 кв. м, двухкомнатной — не менее 70 — 75, трехкомнатной — примерно 100 кв. м, санузел везде отдельный. Хрущев же все урезал в два-три раза, вследствие чего даже трехкомнатная квартира в прозванных «хрущобами» домах не превышала 55 кв. м, а санузлы совместил так, что в каждой семье потом выстраивалась очередь, чтобы попасть в туалет.

Хуже того. Хрущев грубейшим образом извратил градостроительную политику Сталина в крупных городах, особенно в Москве. Сталин-то требовал, чтобы жилищное строительство сосредоточилось на возведении 10 — 14-этажных зданий, потому как прекрасно понимал, что нельзя бесконечно расширять территории городов. Недобитый же троцкист-болван понатыкал по всей стране куцых пятиэтажек, с которыми современные власти не знают, что делать.

Заместитель Председателя Совета Министров СССР В. А. Малышев зафиксировал в своем дневнике содержание беседы со Сталиным во время встречи с ним 17 июня 1949 года: «Было Политбюро по вопросу о 25-летнем плане реконструкции Москвы. Выступил в конце тов. Сталин и сказал примерно следующее: "... Чтобы уважали Москву, как столицу, нужно сделать ее красивой. Надо помнить, что столица укрепляет государство. Мы, очевидно, сделали ошибку, разрешив москвичам составлять 25-летний план. Нельзя все

учесть и предусмотреть на такой долгий срок. В частности, нельзя учесть и развитие техники. Надо отказаться от 25-летнего плана. Будет разумней составить 10-летний план. Теперь несколько замечаний по существу проекта. Надо, чтобы большая часть Москвы была бы застроена 8 — 10-этажными домами и 25 — 30 % — 12 — 14-этажными домами. Это будет более экономно, чем предложение застраивать Москву 4 — 5-этажными домами. Развитие промышленности в Москве надо остановить, а предприятия, портящие воздух, надо вывести из Москвы. В проекте предлагается построить много пустых зданий (клубы, дворцы и т. д.). Это неправильно. Надо со всей силой налечь на строительство жилья и расшить жилищный кризис..."»^[141] Вот как в действительности Сталин относился к проблеме жилищного строительства!

Увы, не расстрелянный вовремя негодяй Хрущев не только извратил все его указания, но и фактически только усугубил жилищный кризис в СССР. Этот безмозглый баран даже использовать то, что уже было создано при Сталине, и то не мог толком. Потому что строительная индустрия для крупнопанельного жилищного строительства уже была создана к моменту убийства Сталина. А этот лысый идиот-троцкист развернул индустриальное жилищное строительство лишь в 1959 году, потому как не был способен к реальной организации дела. Болтать и лгать — на это он был мастак, да и то не всегда. Ума-то не было, всего одна извилина, да и та от его хохлацкой шляпы. Вот и тянул болван, до конца 50-х годов. Между тем, если бы Сталина и Берия не убили, они к концу 50-х годов уже решили бы жилищный вопрос как в Москве, так и во всей стране.

Вот как на самом деле Сталин относился к жилищной проблеме. Забота о простом человеке у него была на самом первом месте. Но при этом он не забывал об укреплении обороноспособности Советского Союза. Укрепление безопасности СССР перед лицом развернутой Западом холодной войны и развертывания агрессивных устремлений, конечно же, отвлекало громадные средства, которые можно было бы использовать для мирного строительства. Однако Сталин столь искусно развивал советскую экономику, что было возможно и то и другое. Увы, впоследствии, начиная с времен правления Хрущева, в экономике СССР все пошло наперекосяк...

Миф № 34. Во время войны сильно пострадала советская культура (на примере книгоиздания).

Да чушь это интеллигентская! И ничего более. Как такой выдающийся политик и стратег, как Сталин, мог исключить из жизни борющейся за свою свободу и независимость страны, например, книги?! Как, если печатное слово — это оружие сильнее любых бомб и снарядов, пушек, танков и самолетов вместе взятых! Невозможно даже анализировать эту интеллигентскую белиберду. В то же время нельзя не признать тот факт, что с началом войны резко изменился характер книгоиздательского дела в СССР. С указанного момента все было подчинено нуждам фронта, в целях скорейшего достижения победы. Вот отсюда и будем «танцевать».

«Особенностью печати военных лет стала издательская деятельность востока и юга страны — от Москвы до Магадана, Алма-Аты и Тбилиси, где развернулись эвакуированные издательства, резко изменилась и увеличилась продукция издательств местных. В среднем каждая военно-политическая, военно-техническая книга издавалась трижды; патриотическая, пропагандистская, военно-историческая литература — дважды и даже 100 художественных книг, как правило, имели до 148 изданий. Именно это позволило в условиях военного времени оперативно снабжать страну книгой»^[142].

Величайшее напряжение всех сил народа, и прежде всего сил духовных, интеллектуальных, породило яркое народное творчество, которое сразу же нашло свое отражение на страницах газет и книг о войне и для войны... Большинство рожденных войной произведений отличает... высокое мастерство, которое достигалось благодаря тому, что 1000 профессиональных писателей ушли на фронт; 417 из них погибли в боях»^[143].

Конечно, огромную долю составили издания политического и военно-политического характера, что должно быть понятно априори. Ведь шла война. И пропаганда играла колоссальнейшую роль. Так, по

данным «Ежегодника книги СССР. 1941», только книг о так называемом новом порядке в Европе, расовой теории фашизма, а также на близкие темы было издано свыше 179. Партийно-пропагандистской литературы было опубликовано 500 изданий в 17 млн экземпляров, речей и приказов Сталина, Калинина и других руководителей страны было издано 13 млн экземпляров.

Однако это не означает, что страну «кормили» только такой литературой. Не менее 16 % книг военных лет были посвящены событиям на фронтах. Достаточно упомянуть произведения военного времени В. Василевской, Н. Тихонова, С. Леонова, В. Гроссмана, В. Каверина, К. Симонова и многих других советских писателей. Огромную роль играли сотни популярных и фундаментальных научных книг, посвященных героическому прошлому народов СССР, освободительным, партизанским и народным войнам в России, Европе и Америке, которые подготовили к изданию ведущие историки СССР — С. В. Бахрушин, С. Я. Лурье, И. И. Минц, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, Е. В. Тарле. Только за первое полугодие войны были изданы четыре книги о выдающихся полководцах прошлого — Дмитрие Донском, Александре Невском, А. В. Суворове и М. И. Кутузове и войнах народа под их руководством. В общей сложности в 22 городах страны на многих языках народов СССР было издано 8,5 млн экземпляров книг, посвященных этим полководцам: 3,5 млн экз. — отдельными изданиями и 5 млн экз. — отдельными сериями. Только о Дмитрие Донском в восьми издательствах пяти городов страны вышло десять изданий восьми авторов. Об Александре Невском — 21 издание в 11 городах 13 авторов. О Кутузове — в 12 издательствах восьми городов 12 самостоятельных изданий и 63 — в различных сериях. Одним из самых читаемых произведений военного времени стало фундаментальное исследование академика Е. В. Тарле «Наполеон» о победе России над «непобедимым» полководцем. Е. В. Тарле опубликовал в 1942 году прекрасную книгу «Две Отечественные войны», которая концентрировала опыт первой Отечественной войны.

Ни на один день не прекращалось издание классической русской литературы. Только в 1942 году на русском языке были изданы пять самостоятельных изданий произведений А. С. Пушкина, шесть — М. Ю. Лермонтова, десять — Л. Н. Толстого, а на других языках по две книги Пушкина и Лермонтова и восемь — Толстого. Вообще же надо

сказать, что изданию произведений русской художественной литературы придавалось огромное значение. Причем из года в год шло нарастание таких публикаций. Если за первое полугодие войны было издано 419 книг, из них самостоятельных книг поэзии — 101, песенников — 18, фольклора — 2, то уже в 1942 году — 766 названий!

В годы войны не прекращалось издание и переводной литературы с иностранных языков. Прежде всего антифашистских и гуманистических произведений немецких, английских, французских и американских авторов. Издавалась также и зарубежная классика, например «Божественная комедия» Данте в переводе М. Лозинского. Огромную работу проделали поэты Б. Пастернак и С. Маршак, осуществлявшие переводы с английского языка, которые вошли в золотой фонд литературы.

Колоссальное значение придавалось изданию художественной литературы на патриотические темы, среди которой особое место занимает героическая комедия «Давным-давно» Ф. В. Гладкова, «Порт Артур» А. Н. Степанова, которого специально отозвали с фронта для завершения этого произведения.

Не меньшее значение уделялось изданиям по всем направлениям наук, создавались и немедленно публиковались тысячи книг по механике, медицине, технике, промышленности, сельскому хозяйству, о замещении продовольственных и медицинских препаратов, по военному делу и т. д. Немедленно публиковались и труды советских ученых.

Несмотря на всю сложность военного времени, в буквальном смысле слова ни на секунду не выпускалась из поля зрения Советского правительства и проблема учебников для учащихся. За годы войны было издано 110 млн экз. учебников и 60 млн экз. детских книг. Одно только 6-е издание знаменитого в свое время Букваря А. В. Янковской было выпущено полуторамиллионным тиражом только в 1942 году. А сколько было издано книг, которые называли «сражающейся литературой», то есть сугубо по военной тематике?! Все просто невозможно перечислить.

Но, конечно же, особое значение имел выпуск особо любимых в народе книг о героической поэзии Древней Руси, песен войны 1812 года, песен русских писателей XIX века, а также красногвардейского, красноармейского и краснофлотского репертуаров, песен народов

Кавказа, литовских народных песен-дажан и многое другое. Публиковались удивительно интересные исследования — «Защита Отечества в народных песнях» (А. М. Астахова и В. А. Кравчинская), «Суворов в народных песнях и рассказах» и многое другое. Издавались книги, посвященные фольклору освобождаемых Красной Армией стран, например Болгарии («Болгарская народная песня»). Кроме того, на основе записей фронтового фольклора были изданы очень интересные книги, посвященные устному творчеству солдат Красной Армии.

Как видите, книга действительно была солдатом. И сражалась она с врагом ничуть не хуже славного русского штыка и меткой пули наших солдат. Подвиг печатного слова был велик. А вершиной этого подвига явилась публикация 2000 изданий в блокадном Ленинграде, в том числе и прекрасно иллюстрированных, например «Борьба за Ленинград: Летчики» (М. Л., 1944, 230 стр., ил. портр., 34 цветных ил.). А, к слову сказать, прекрасный сборник «Ленинград в Великой Отечественной войне», который, хотя и был подписан к печати 28 апреля 1944 года, но создавался-то в период блокады, и по сей день является одной из важнейших книг по военной истории, так как содержит тексты многих документов и статистику.

Так что о каком упадке культуры, в том числе и сворачивании книгоиздательского дела в СССР в годы войны, и о каком ущербе советской культуре может идти речь?! Бред это интеллигентский, да и только. Напротив, в годы Великой Отечественной войны, несмотря на всю тяжесть военного времени, развитию культуры и усилению ее воспитательной роли в деле патриотического воспитания и повышению общеобразовательного уровня сражающейся армии и трудового тыла уделялось громадное значение, если не того более. Все это укрепляло духовные силы народа в его борьбе с ненавистным врагом. И печатное слово играло здесь авангардную роль. Особенно книги. Скажу даже более того. То, что было сделано в годы войны в этой области, — непревзойденный рекорд. И нам надо постоянно помнить об этом. Не говоря уже о том, что и брать пример.

Миф № 35. Чтобы стать выше всех военачальников, Сталин инспирировал присвоение ему звания Генералиссимуса Советского Союза.

Миф № 36. Чтобы сравняться со своими военачальниками, Сталин увешал себя всевозможными наградами [\[144\]](#).

Откровенно говоря, крайне нелепые мифы. Дело в том, что Сталин отродясь не страдал тягой к наградам и чинам. И всем это хорошо было известно. Как представляется, мифы появились в силу одного обстоятельства. Наши борзописцы все свои мерзкие черты очень уж любят приписывать тому, в отношении кого власть дает команду «фас». Вот приказали всесторонне облить грязью Сталина — они и стараются. Выдумывают всякую грязь, лишь бы только власти угодить да урвать от нее кусок пожирнее. При Сталине они не смогли бы такого делать. Сталин не терпел подхалимов, точнее, лютой ненавистью их ненавидел. Потому что считал, что «услужливый мерзавец — хуже врага». Точно так же дело обстояло и с наградами, особенно военными, а также с чинами и званиями.

Например, что касается истории присвоения Сталину звания генералиссимуса, то следует прямо указать, что к возникновению этой идеи Сталин не имел ровным счетом никакого отношения. Она возникла в среде высшего командования, прежде всего в кругах маршалов военной поры. И здесь не было подхалимажа с их стороны — для них признание заслуг Сталина в годы войны было естественно. Но вот дальше произошло непредвиденное маршалами. Дело в том, что обсуждение этого вопроса происходило в присутствии Сталина. И он отреагировал на эту идею резко отрицательно. Если, например, исходить из мемуаров Маршала Советского Союза Конева, то Сталин отреагировал следующим образом: «Хотите присвоить товарищу Сталину генералиссимуса? Зачем это нужно товарищу Сталину? Товарищу Сталину это не нужно. Товарищ Сталин и без того имеет авторитет. Это вам нужны звания для авторитета. Подумаешь, нашли звание для товарища Сталина — генералиссимус. Чан Кайши —

генералиссимус, Франко генералиссимус. Нечего сказать, хорошая компания для товарища Сталина. Вы маршалы, и я маршал, вы что, меня хотите выставить из маршалов? В какие-то генералиссимусы?..». И на первый раз отказался категорически. Маршалы повторили свою попытку, причем поступили весьма хитро — упростили, очевидно, сталинского любимца Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского уговорить Сталина. Благородный и честный Константин Константинович сразил Сталина простым аргументом: «Товарищ Сталин, вы маршал, и я маршал — вы меня наказать не сможете!» И Сталин сдался. Хотя впоследствии, по свидетельству Молотова, не раз крепко корил себя за то, что согласился принять это звание. Хотя, если честно, присвоение Сталину звания Генералиссимуса Советского Союза было более чем естественно и заслуженно. Зря он укорял себя за сговорчивость. Заслуги-то его действительно были не просто велики, а архигромадны. Кстати говоря, очень резко Сталин отреагировал и тогда, когда ему показали образцы предполагаемой формы для генералиссимуса. Ох, и взвился же он тогда на тыловики за крайне неуместное фанфаронство в дизайне одежды генералиссимуса... Впрочем, это не суть как важно.

Что же касается наград, то здесь картина следующая. В своей знаменитой книге «Дело всей жизни» Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский писал: «Сталин прочно вошел в военную историю. Его несомненная заслуга в том, что под его непосредственным руководством как Верховного Главнокомандующего Советские Вооруженные Силы выстояли в оборонительных кампаниях и блестяще провели все наступательные операции. Но он, насколько я мог его наблюдать, никогда не говорил о своих заслугах. И наград у него имелось меньше, чем у командующих фронтами и армиями».

Какие же награды были у Сталина, который больше 30 лет стоял у руля власти в СССР? Ведь великие не лишены человеческих слабостей — они тоже живые люди. На картинах и фотографиях многих известных исторических личностей — как государственных, политических, так и военных — все изображены с огромным количеством всевозможных наград. Наши маршалы и генералы, особенно военной поры, буквально увешаны с головы до ног всевозможными наградами. Их парадные кители чуть ли не полтора

пуда весят, если не того больше. А вот на кителе Сталина всегда поблескивала только одна скромная звездочка Героя Социалистического Труда. Он получил ее в 1939 году вместе с первым орденом Ленина. Небезынтересно в этой связи заметить следующее. В отличие от Гитлера, принципиально носившего на своем кителе только один из своих двух Железных крестов, то есть сугубо милитаристский орден, Сталин предпочитал носить только звездочку Героя Социалистического Труда, явно подчеркивая тем самым мирную направленность своей деятельности во главе государства и партии.

Что же до конкретных наград Сталина, то вот практически полный их перечень.

1. Медали — «Серп и Молот», № 1, 20.12.1939 г. и «Золотая Звезда» № 7931, 26.06.1945.

2. Ордена:

2.1. орден Ленина — № 6235 (20.12.1939) № 117859 (26.06.1945), № 117864 (20.12.1949). В 1949 году в связи с юбилеем — 70-летием — Сталин был награжден третьим орденом Ленина. Это была последняя награда в его жизни. По неизвестной причине не упоминается тот факт, что Сталин был награжден орденом Ленина четырежды;

2.2. орден Красного Знамени:

— № 400/3 (27.11.1919) — награждение состоялось по инициативе В. И. Ленина и на основании постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета от 27 ноября 1919 г. «за заслуги на фронтах гражданской войны»;

— № 19 (22.02.1930) — награждение состоялось по инициативе Центрального исполнительного комитета СССР, который учел многочисленные ходатайства ряда организаций, общих собраний рабочих, крестьян и красноармейцев о необходимости награждения Сталина «за заслуги на фронтах социалистического строительства». Кстати, формулировка очень примечательная — выходит, что как в народе, так и наверху все прекрасно понимали, что осуществлявшиеся под руководством Сталина крупномасштабные социалистические преобразования, в сущности, есть война за строительство социализма. Едва ли все они ошибались, ибо это была действительно война. Соппротивление этим преобразованиям было ожесточеннейшее. Это самая удивительная награда. Дело в том, что в то время не

существовало разделение ордена на Боевого Красного Знамени и Трудового Красного Знамени;

№ 1361 (3 XI 1944)

2.3. Орден «Победа» — награжден 29.07.1944 и 26.06.1945.

29 июля 1944 года Президиум Верховного Совета СССР наградил Сталина высшим советским полководческим орденом «Победа» с формулировкой «за исключительные заслуги в организации и проведении наступательных операций Красной Армии, приведших к крупнейшему поражению германской армии и коренному изменению положения на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в пользу Красной Армии». Вторым орденом «Победа» Президиум Верховного Совета СССР наградил Сталина 26 июня 1945 года с формулировкой «за исключительные заслуги в организации всех Вооруженных Сил Советского Союза и умелое руководство ими в Великой Отечественной войне, закончившейся полной победой над гитлеровской Германией». В Советском Союзе только три человека дважды были награждены орденом «Победа» — Маршалы Советского Союза И. В. Сталин, А. М. Василевский и Г. К. Жуков.

2.4. Орден Суворова 1-й степени — № 112 (6.I.1943). Орденом Суворова 1-й степени Президиум Верховного Совета СССР наградил Сталина 6 ноября 1943 года «за правильное руководство операциями Красной Армии в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков и достигнутые успехи». Обратите внимание на дату. К тому моменту уже и слепому было ясно, что коренной перелом в войне уже давно произошел, — великие победы в Сталинградской битве и в битве на Курской дуге были ярчайшим тому доказательством. Маршалы и генералы к тому времени уже не один раз обмыли свои заслуженные (а некоторые и незаслуженные) полководческие и иные ордена и медали, а Сталин полководческий орден получил только 6 ноября 1943 года.

2.5. Орден Красной Звезды 1-й степени Бухарской Народной Социалистической Республики — награждение 17.08.1922. После образования СССР этот орден был приравнен к ордену Красного Знамени.

3. Медали:

— «XX лет РККА»;

— «За оборону Москвы» — 20 июня 1944 года Председатель Исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил в Кремле Сталину первую медаль — «За оборону Москвы». Формулировка указа была такова — «за руководство героической обороной Москвы и организацию разгрома немецких войск под Москвой». Опять-таки, обратите внимание на дату награждения этой медалью — к тому времени награжденные такой медалью военачальники, принимавшие участие в обороне Москвы и в разгроме гитлеровских войск под Москвой, уже не единожды протрезвели после многочисленных возлияний по поводу такой награды. А Сталин только-только получил ее 20 июня 1944 года.

Кстати говоря, с этой медалью связан один примечательный инцидент, происшедший на менее известном банкете для высшего командования, который состоялся до знаменитого Банкета Победы. Согласно приведенному в книге «Отцы-командиры. Звезды на погонах — звезды на могилах» описанию Ю. И. Мухина, дело обстояло так: «Маршал Жуков находился за одним столом с Верховным Главнокомандующим, но в его персональную честь не было сказано ни слова. Всем присутствовавшим это показалось странным. Старшие военачальники стали знаками подавать ему (то есть Жукову. — А. М.) сигнал на перекур. Жуков попросил Сталина сделать перерыв. Вождь дал разрешение. Сам он курил трубку за столом, а все вышли в курительную комнату. Здесь же командующие войсками фронтов попросили маршала Жукова начать короткое выступление, чтобы они могли продолжить здравицу в честь первого маршала Победы. Жуков свое выступление-тост начал примерно так: "Если бы меня спросили, когда за всю войну мне было тяжелее всего, то я бы ответил, что осенью и зимой при обороне Москвы, когда практически решалась судьба Советского Союза". Выслушав молча эту тираду Жукова, Сталин внезапно оборвал его словами: "Вот вы, товарищ Жуков, вспомнили оборону Москвы. Правильно, что это было очень трудное время. Это была первая победоносная битва нашей армии при защите столицы. А вы знаете, что многие ее защитники, даже генералы, получившие ранения и отличившиеся в боях, оказались не отмеченными наградами и не могут получить их, так как стали инвалидами!" На этот упрек Жуков ответил так: "Товарищ Сталин, я,

как и Вы, тоже не отмечен наградами за эту битву, хотя почти все работники Генерального штаба награждены орденами Ленина (Шапошников, Антонов, Ватутин, Штеменко и другие). Вполне допускаю, что мною допущен в этом деле просчет, и мы поправим это". Тут Сталин ударил кулаком по столу так сильно, что хрустальная ножка высокого фужера обломилась, и красное вино пролилось на скатерть. Вождь, перебивая Жукова, сказал: "А вместе с тем вы не забыли наградить своих бл...ей". Наступила гробовая тишина, в ходе которой Сталин поднялся, удалился из-за стола и больше не вернулся».

— «За оборону Сталинграда» — почему-то эта награда нигде не фигурирует, хотя в посмертном списке личных вещей Сталина она числится;

— «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»;

— «За победу над Японией»;

— «В ознаменование 800-летия Москвы».

4. Иностранные ордена и медали:

4.1. орден Республики Т. А. Р. (Тувинской Аратской Республики) — 1943. После вхождения Тувы в состав СССР этот орден был приравнен к ордену Красного Знамени.

4.2. Ордена и медали Монгольской Народной Республики:

— Золотая Звезда Героя М. Н. Р. — 1949;

— орден Сухэ-Батора — 1945;

— орден Сухэ-Батора — 1949. В отношении ордена Сухэ-Батора следует отметить, что Сталин был награжден им трижды — в 1944 году по случаю 65-летия со дня рождения. Однако по неизвестным причинам эта награда нигде не упоминается;

— орден Боевого Красного Знамени Монгольской Народной Республики — 1943. По неизвестным причинам факт награждения этим орденом нигде не упоминается;

— медаль «За победу над Японией» — 1945.

— медаль «25 лет Монгольской народной революции» — 1946.

4.3. Награды Чехословацкой Социалистической Республики:

— Звезда и знак Ордена Белого льва 1-го класса — 1945;

— орден Белого льва «За Победу» 1й степени — 1945;

— Военный крест 1939 г. — 1943;

— Военный крест 1939 г. — 1945.

4.4. Награды Мексики:

— орден Звезда Ацтека — декабрь 1944.

Наряду с этими наградами Сталину была вручена также и именная шашка от 1-й Конной армии^[145]. Кроме того, по статусу в 1948 году Сталин должен был быть награжден медалью «30 лет Советской Армии и Флота», однако нигде упоминаний об этой награде нет.

В заключение следует отметить следующее. На следующий день после награждения вторым орденом «Победа», 27 июня 1945 года, Маршалу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу Сталину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина (второго) и медали «Золотая Звезда». Формулировка реляции — как «возглавившему Красную Армию в тяжелые дни защиты нашей Родины и ее столицы Москвы, с исключительным мужеством и решительностью руководившему борьбой с гитлеровской Германией».

Данное обстоятельство стало неким импульсом к тому, что на бюсте работы скульптора Яцыно Сталин оказался изображен в распахнутой шинели, а на кителе видны две звезды Героя — Соцтруда и Советского Союза, чего в действительности никогда не было. Потому что Сталин никогда не носил звезду Героя Советского Союза, не считая себя достойным этого звания, так как считал, что, поскольку он лично не принимал участия в боевых действиях на фронте и не совершал каких-либо подвигов на фронте, у него нет права на такое звание. Кстати говоря, узнав об этом награждении, он выразил крайне резкое недовольство этим и произнес в адрес не в меру ретиво расторопных, устроивших издание такого указа, резкое слово — «подхалимы».

Одновременно с присвоением звания Героя Советского Союза по письменному представлению командующих фронтами Сталину было присвоено высшее воинское звание — Генералиссимус Советского Союза. Кстати говоря, попутно хотели учредить и орден Сталина, однако Иосиф Виссарионович до глубины души возмущился таким подхалимажем и категорически отверг такое предложение.

Вот и все, что имел Сталин в качестве наград. Откровенно говоря, в сравнении с многопудовыми «иконостасами» тех же маршалов и генералов Победы — чрезвычайно не густо. Ну, а уж если сравнивать с незабвенным Леонидом Ильичом Брежневым, обладавшим 120

наградами, так и вовсе был обделен товарищ Сталин, как он сам же приказывал себя называть в ответ на попытки обращаться к нему «товарищ Генералиссимус Советского Союза».

Вот так Сталин и «любил себя награждать». А из имевшихся наград более всего ценил звание Героя Социалистического Труда. Потому как был создатель!

P.S. Считаю своим долгом выразить глубокую признательность и благодарность авторитетнейшему фалеристу и знатоку наградных проблем в СССР историку Б. Айрапетяну за ценные советы и консультации.

Миф № 37. Генерал Власов выполнял специальное задание Сталина и потому его не уничтожили после войны.

Этот миф появился недавно, примерно лет двадцать назад. Когда «свобода слова» стала превращаться в вакханалию издевательства над здравым смыслом, а также над Историей СССР и России. Чего хотят добиться этим мифом — понять трудно. Особенно когда этот миф начинают раздувать либо некоторые генералы, как, например, бывший главный редактор «Военно-исторического журнала» Виктор Филатов, либо некоторые бывшие сотрудники КГБ, как, например, полковник Станислав Лекарев, ныне обозреватель еженедельника «Аргументы недели». Фланирующие ныне на панели исторической проституции попытки обоснования априори совершенно бессмысленной и беспочвенной идеи о том, что-де Власов выполнял задание ГРУ есть не что иное, как запредельно омерзительное оскорбление в адрес славной военной разведки. Заново же излагать историю предательства Власова и его служения нацистам нет никакого смысла. Она и так прекрасно описана во многих исследованиях. Отметим лишь самое главное.

Генерал Власов был и навсегда останется отвратительным символом самого подлого, самого гнусного предательства. За что он и был сурово, но в высшей степени справедливо наказан. Ведь его и одиннадцать его основных подельников даже не расстреляли, а повесили, что по понятиям офицерской чести русской армии — самое унижительное наказание. Но исключительно заслуженное ими. В настоящее время уже преданы гласности фотографии их казни, на одной из которых четко видно, что в справедливо и законно затянувшейся 26 августа 1946 года на тощей шее Власова мертвым узлом петли именно он, гнусный изменник и предатель Родины А. А. Власов. И какие еще доказательства нужны, чтобы прекратить бесстыжее, подлое раздувание гнусного мифа?!

Миф № 38. После смерти Сталина Маршал Советского Союза Г. К. Жуков объективно оценивал особенно военные таланты Верховного Главнокомандующего.

Миф возник и сложился под влиянием мемуаров Жукова, а также всевозможных его частных высказываний. До сих пор очень часто многие историки ссылаются на мнение Жукова чуть ли не как на эталон. Но что было в действительности? О том, что было в реальности, говорить можно много и долго. Благо, всевозможных свидетельств — устных и документальных — предостаточно. Но лучше самого Георгия Константиновича никто не сможет объяснить, как в действительности он относился к Сталину. Именно поэтому позвольте привести ранее засекреченный полный текст произнесенной речи маршала Жукова, который по сию пору хранится в Архиве Президента Российской Федерации (ранее Особая папка Политбюро). Чтобы ни у кого не возникало сомнений в подлинности нижеприводимого документа, сразу же указываю координаты архивного хранения АП РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4 — 30. Подлинник. Итак, внемлите с максимальной тщательностью тому, как в действительности Жуков «оценивал» военный гений Сталина.

Произнесенная речь маршала Г. К. Жукова. На документе имеются пометы: «Разослано: тов. тов. Булганину Н. А. и Шепилову Д. Т.»; «Хранить в архиве Президиума ЦК КПСС». Пленум ЦК, где предполагалось обсудить вопрос о культе личности Сталина, так и не состоялся. Сохранены особенности орфографии и синтаксиса документа.

«СЕКРЕТНО»

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С. г.

Посылаю Вам проект моего выступления на предстоящем Пленуме ЦК КПСС.

Прошу просмотреть и дать свои замечания. Г. ЖУКОВ

19 мая 1956 года № 72с *Секретно*

Состояние и задачи военно-идеологической работы.

Товарищи!

В своем выступлении я хочу доложить Пленуму ЦК о состоянии и задачах военно-идеологической работы.

Главным недостатком во всей военно-идеологической работе у нас в стране до последнего времени являлось засилье в ней культа личности.

Должен отметить, что у некоторых товарищей имеется мнение о нецелесообразности дальше и глубже ворошить вопросы, связанные с культом личности, так как по их мнению углубление критики в вопросах, связанных с культом личности, наносит вред делу партии, нашим Вооруженным Силам, принижает авторитет советского народа и тому подобное.

Я считаю, что подобные настроения вытекают из несогласия с решением XX съезда партии, полностью одоббившего предложения, изложенные в докладе ЦК по ликвидации последствий культа личности. Если пойти по пути свертывания работы по ликвидации последствий культа личности, то мы не выполним тех решений, которые единодушно были приняты XX съездом партии. Мы не можем забывать, что культ личности и все то, что с ним было связано, принес нам много вреда и в деле обороны нашей страны. Мы обязаны из этого извлечь все необходимые уроки, продолжать настойчиво разяснять антиленинскую сущность культа личности, преодолевая боязнь обнажения фактов, мешающих ликвидации культа личности.

Как известно, особенно широкое распространение культ личности приобрел в вопросах, связанных с Великой Отечественной войной.

Отдавая должное заслугам, энергии и организаторской деятельности Сталина, я должен сказать, что культ личности

Сталина в освещении войны приводил к тому, что роль нашего народа, партии и правительства, наших Вооруженных Сил принижалась, а роль Сталина непомерно преувеличивалась. Во имя возвеличивания Сталина в нашей военно-идеологической работе было допущено грубое искажение ряда исторических фактов, замалчивание неудач, ошибок, недочетов и их причин, а достижение успехов приписывалось исключительно руководству Сталина. Все это создавало извращенное представление об исторических фактах и их оценке. Тем самым нарушалась основа партийности в нашей идеологической работе — ее историческая правдивость.

На протяжении нескольких лет перед Отечественной войной советскому народу внушалось, что наша страна находится в постоянной готовности дать сокрушительный отпор любому агрессору. На все лады восхвалялась наша военная мощь, прививались народу опасные настроения легкости победы в будущей войне, торжественно заявлялось о том, что мы всегда готовы на удар врага ответить тройным ударом, что, несомненно, притупляло бдительность советского народа и не мобилизовало его на активную подготовку страны к обороне.

Действительное же состояние подготовки нашей страны к обороне в то время было далеким от этих хвастливых заявлений, что и явилось одной из решающих причин тех крупных военных поражений и огромных жертв, которые понесла наша Родина в начальный период войны.

Накануне войны организация и вооружение наших войск не были на должной высоте, а что касается противовоздушной обороны войск и страны, то она была на крайне низком уровне.

До 1941 года у нас было очень мало механизированных соединений, и только зимой 1941 года было принято решение о формировании 15-ти механизированных корпусов за счет ликвидации кавалерии, но это решение было крайне запоздалым.

К моменту возникновения войны большинство наших механизированных корпусов и дивизий находилось еще в стадии формирования и обучения, в силу чего они вступили в бой несколоченными и слабо вооруженными.

Качество нашей *авиации* оказалось ниже немецкой, да и та из-за отсутствия аэродромов была крайне скудно расположена в приграничной зоне, где и попала под удар авиации противника.

Артиллерия, особенно зенитная, была очень плохо обеспечена тягачами, вследствие чего не имела возможности передвигаться и в какой-либо степени обеспечить маневр наших войск на поле боя. Очень много артиллерии из-за отсутствия артиллерийских тягачей было брошено при отходе наших войск.

У Генерального штаба не было законченных и утвержденных правительством оперативного и мобилизационного планов.

Промышленности не были выданы конкретные мобзадания по подготовке мобилизационных мощностей и созданию соответствующих материальных резервов. Особенно плохо обстояло дело с руководящими военными кадрами, которые в период 1937 — 1939 гг., начиная от командующих войсками округов до командиров дивизий и полков включительно, неоднократно сменялись в связи с арестами. Вновь назначенные к началу войны оказались слабо подготовленными по занимаемым должностям. Особенно плохо были подготовлены командующие фронтами и армиями. Огромный вред для Вооруженных Сил нанесла подозрительность Сталина по отношению к военным кадрам. На протяжении только четырех лет, с 1937 по 1941 г., в наших Вооруженных Силах дважды упразднялось единоначалие и вводился институт военных комиссаров, что сеяло недоверие к командным кадрам, подрывало дисциплину в войсках и создавало неуверенность у командного состава.

Слабые стороны в подготовке нашей страны и армии к войне, выявленные в ходе советско-финляндской войны и

событий на Дальнем Востоке, не только не устранялись, но по-серьезному даже и не обсуждались ни в ЦК, ни в Совнаркоме, так как все эти вопросы находились в руках Сталина и без его указаний никто не мог принять какого-либо решения.

Вследствие игнорирования со стороны Сталина явной угрозы нападения фашистской Германии на Советский Союз, наши Вооруженные Силы не были своевременно приведены в боевую готовность, к моменту удара противника не были развернуты и им не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника, чтобы, как говорил Сталин, «не спровоцировать немцев на войну».

Знали ли Сталин и Председатель Совнаркома В. М. Молотов о концентрации гитлеровских войск у наших границ? Да, знали. Кроме данных, о которых на XX съезде доложил тов. Н. С. Хрущев, Генеральный штаб систематически докладывал правительству о сосредоточениях немецких войск вблизи наших границ, об их усиленной авиационной разведке на ряде участков нашей приграничной территории с проникновением ее вглубь нашей страны до 200 километров. За период январь — май 1941 г. было зафиксировано 157 разведывательных полетов немецкой авиации.

Чтобы не быть голословным, я оглашу одно из донесений начальника Генерального штаба главе правительства тов. В. М. Молотову:

«Докладываю о массовых нарушениях государственной границы германскими самолетами за период с 1 по 10.4.1941 г. Всего за этот период произведено 47 нарушений госграницы.

Как видно из прилагаемой карты, нарушения в преобладающей своей массе ведутся: а) на границе с Прибалтийским Особым военным округом и особенно в районах ЛИБАВА, МЕМЕЛЬ и КОВНО;

б) на Львовском направлении на участке госграницы СОКАЛЬ, ПЕРЕМЫШЛЬ.

Отдельные случаи нарушения госграницы произведены в направлениях на ГРОДНО, БЕЛОСТОК, КОВЕЛЬ и ЛУЦК, а также на госгранице с РУМЫНИЕЙ.

Полеты немецких самолетов производились на глубину 90 — 200 км от госграницы как истребителями, так и бомбардировщиками. Это говорит о том, что немцы производят как визуальную разведку, так и фотографирование.

Прошу доложить этот вопрос тов. Сталину и принять возможные мероприятия. Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков.

11 апреля 1941 г. № 503727».

Никаких реальных мер ни по этому донесению, ни по ряду других не последовало и должных выводов не было сделано.

Примером полного игнорирования Сталиным сложившейся военно-политической обстановки и беспрецедентной в истории дезориентации нашего народа и армии является сообщение ТАСС, опубликованное в печати 14 июня 1941 г., т. е. за неделю до нападения фашистской Германии на Советский Союз. В этом сообщении указывалось, что "по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям".

Это заявление дезориентировало советский народ, партию и армию и притупляло их бдительность.

Неудачи первого периода войны Сталин объяснял тем, что фашистская Германия напала на Советский Союз внезапно. Это исторически неверно. Никакой внезапности нападения гитлеровских войск не было. О готовящемся

нападении было известно, а внезапность была придумана Сталиным, чтобы оправдать свои просчеты в подготовке страны к обороне.

22 июня в 3 ч. 15 мин. немцы начали боевые действия на всех фронтах, нанеся авиационные удары по аэродромам с целью уничтожения нашей авиации, по военно-морским базам и по ряду крупных городов в приграничной зоне. В 3 ч. 25 м. Сталин был мною разбужен и ему было доложено о том, что немцы начали войну, бомбят наши аэродромы, города и открыли огонь по нашим войскам. Мы с тов. С. К. Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: "Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий. Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия, Молотова, Маленкова, на совещание прибыть вам и Тимошенко".

Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 мин. он не давал разрешения на ответные действия и на открытие огня, а фашистские войска тем временем, уничтожая героически сражавшиеся части пограничной охраны, вклинились в нашу территорию, ввели в дело свои танковые войска и начали стремительно развивать удары своих группировок.

Как видите, кроме просчетов в оценке обстановки, неподготовленности к войне, с первых минут возникновения войны в Верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав которую, противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях.

Я не сомневаюсь в том, что, если бы наши войска в западной приграничной зоне были приведены в полную боевую готовность, имели бы правильное построение и четкие задачи по отражению удара противника немедленно с началом его нападения, характер борьбы в первые часы и дни войны был бы иным и это сказалось бы на всем ее последующем ходе. Соотношение сил на театре военных действий, при надлежащей организации действий наших войск, позволяло по меньшей мере надежно сдерживать наступление противника.

Неправильным является утверждение о том, что Сталин, разгадав планы немецко-фашистского командования, решил активной обороной измотать и обескровить врага, выиграть время для сосредоточения резервов, а затем, перейдя в контрнаступление, нанести сокрушительный удар и разгромить противника. В действительности такого решения не было, а "теория активной обороны" понадобилась для скрытия истинных причин наших неудач в начальном периоде войны.

Что же произошло в действительности, почему наши войска понесли поражение на всех стратегических направлениях, отступали и оказывались в ряде районов окруженными?

Кроме неподготовленности страны к обороне и неполной подготовленности Вооруженных Сил к организованному отражению нападения противника, у нас не было полноценного Верховного командования. Был Сталин, без которого по существовавшим тогда порядкам никто не мог принять самостоятельного решения, и надо сказать правдиво, в начале войны Сталин очень неплохо разбирался в оперативно-тактических вопросах. Ставка Верховного Главнокомандования была создана с опозданием и не была подготовлена к тому, чтобы практически взять в свои руки и осуществить квалифицированное управление Вооруженными Силами.

Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным и лишены его доверия.

Вместо того, чтобы немедленно организовать руководящую группу Верховного командования для управления войсками, Сталиным было приказано: начальника Генерального штаба на второй день войны отправить на Украину, в район Тарнополя для помощи командующему Юго-Западным фронтом в руководстве войсками в сражении в районе Сокаль, Броды; Маршала Б. М. Шапошникова послать на помощь командующему Западным фронтом в район Минска, а несколько позже 1-го заместителя начальника Генерального штаба генерала Н. Ф. Ватутина — на северо-западное направление.

Сталину было доложено, что этого делать нельзя, так как подобная практика может привести к дезорганизации руководства войсками. Но от него последовал ответ: «Что вы понимаете в руководстве войсками, обойдемся без вас». Следствием этого решения Сталина было то, что он, не зная в деталях положения на фронтах и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания, не говоря уже о некомпетентном планировании крупных контрмероприятий, которые по сложившейся обстановке надо было проводить.

Наши войска, не будучи развернутыми в правильных оперативных построениях, фактически дрались отдельными соединениями, отдельными группировками, проявляя при этом исключительное упорство, нанося тяжелые поражения противнику. Не получая своевременных приказов от высшего командования, они вынуждены были действовать изолированно, часто оказывались в тяжелом положении, а иногда и в окружении.

Положение осложнялось тем, что с первых дней наша авиация, ввиду своей отсталости в техническом отношении, была подавлена авиацией противника и не могла успешно взаимодействовать с сухопутными войсками. Фронты, не имея хорошей разведывательной авиации, не знали истинного положения войск противника и своих войск, что имело решающее значение в деле управления войсками.

Войска, не имея артиллерийских тягачей и автотранспорта, сразу же оказывались без запасов горючего и боеприпасов, без должной артиллерийской поддержки.

В последующем, будучи значительно ослаблены в вооружении, без поддержки авиации, не имея танков и артиллерии, часто оказывались в тяжелом положении.

Все это привело наши войска к тяжелым жертвам и неудачам в первый период войны и оставлению врагу громаднейшей территории нашей страны.

И только величайшая патриотическая любовь советского народа и его Вооруженных Сил к своей Родине, преданность их Коммунистической партии и Советскому правительству, дали возможность под руководством нашей партии преодолеть тяжелую обстановку, которая сложилась вследствие ошибок и промахов сталинского руководства в первый период войны, а затем вырвать у врага инициативу, добиться перелома в ходе войны в нашу пользу и завершить ее блестящей победой всемирно-исторического значения.

Отношение Сталина к личному составу наших Вооруженных Сил.

Я уже говорил о подозрительности и недоверии к военным кадрам, которое проявлялось у Сталина в предвоенные годы. Всю вину за наши неудачи в начальный период войны он постарался возложить на личный состав Вооруженных Сил.

Был организован судебный процесс над командованием Западного фронта, по которому были расстреляны командующий войсками Павлов, начальник штаба Климовских, начальник связи Григорьев и ряд других генералов. Был обвинен в измене и переходе на сторону противника командующий армией Качалов, фактически погибший на поле боя при прорыве из окружения. Без всяких оснований были обвинены в измене и другие генералы, в силу сложившейся обстановки попавшие в плен, которые, возвратясь из плена, и по сей день являются честнейшими патриотами нашей Родины.

Был издан ряд приказов, в которых личный состав наших войск, особенно командиры и политработники, огульно обвинялся в малодушии и трусости.

Уже после того, как наши войска показали себя способными не только обороняться, но и наносить серьезные удары по врагу, Сталин нашел нужным в одном из своих приказов написать: *"Население нашей страны с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней теряет веру в Красную Армию, а многие из них и проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на Восток"*.

Таким приказом Сталин незаслуженно опорочил боевые и моральные качества наших солдат, офицеров и генералов.

Как показывают действительные факты, наши солдаты и офицеры, части и соединения дрались, как правило, с исключительным упорством, не щадя своей жизни, нанося большие потери противнику.

Даже наши враги и те вынуждены были отметить боевую доблесть советских воинов в начальном периоде войны.

Вот что писал в своем служебном дневнике начальник Генерального штаба германских сухопутных сил генерал-полковник Гальдер:

24 июня. "Противник в приграничной полосе почти всюду оказывал сопротивление.

Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны ДОТов взрывали себя вместе с ДОТами, не желая сдаваться в плен".

27 июня. Он отмечает, что русские войска и командование на Украине "действует хорошо и энергично

29 июня. "Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бои по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы

могли позволять себе известные вольности и отступления от уставных принципов, что теперь уже недопустимо".

6 июля. "На отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины, но в большинстве запираются в танках и дают себя сжечь с машинами".

11 июля. "Противник сражается ожесточенно и фанатически".

Даже в том случае, когда наши войска попадали в окружение, они продолжали драться с противником.

20 июля Гальдер записал в дневнике: "Отдельные группы противника, продолжая оставаться в нашем тылу, являются для нас настоящим бедствием".

В том же дневнике Гальдером записаны потери за период с начала войны по 10 декабря 1941 года, т. е. еще до завершения битвы под Москвой и развертывания наших зимних наступательных операций. Немцами было потеряно убитыми, ранеными и без вести пропавшими 775 078 человек, что составляет 24,22 % от численности боевых частей на Восточном фронте, общая численность которых составляла 3,2 миллиона человек.

Эти факты и цифры, скорее приуменьшенные, чем преувеличенные, убедительно свидетельствуют о том, что наши воины в тяжелейших условиях начального периода честно и доблестно выполняли свой боевой долг, защищая свою социалистическую Родину.

Зачем понадобилось Сталину издавать приказы, позорящие нашу армию? Я считаю, что это сделано с целью отвести от себя вину и недовольство народа за неподготовленность страны к обороне, за допущенные лично им ошибки в руководстве войсками и те неудачи, которые явились их следствием.

О так называемых "сталинских операциях", "сталинской военной науке" и задачах по ликвидации последствий культа личности

Многие здесь присутствующие знают, как возникали операции фронтов, как планировались, готовились и

проводились наступательные операции наших войск, в последующем получившие название "Сталинские".

Надо быть неграмотным в военном деле, чтобы поверить в то, что один человек мог обдумать, рассчитать, распланировать и подготовить современную фронтовую операцию или операцию группы фронтов, проводимых на громаднейшем пространстве, с участием всех видов Вооруженных Сил и родов войск.

Был ли Сталин творцом вообще каких-либо операций?

Да, к *сожалению*, был. Об одной такой операции на XX съезде доложил тов. Н. С. Хрущев. По замыслу Сталина также планировалась и проводилась операция в Прибалтике в районе Либавы, которая безрезультатно повторялась несколько раз и, кроме тяжелых жертв, ничего не дала. За неудачи этой операции Сталин сменил трех командующих фронтами.

Исключительно безграмотно проводились операции севернее Варшавы, в результате которых погибли многие десятки тысяч наших людей. Сталину неоднократно докладывали о том, что по условиям местности там нельзя проводить операцию, однако такие доводы отвергались как «незрелые», и операция многократно повторялась с одними и теми же результатами.

О непонимании Сталиным основ управления войсками можно многое рассказать из истории оборонительных сражений за Москву, но достаточно только небольшого факта, чтобы уяснить непонимание Сталиным способов управления войсками. В тяжелый момент упорной борьбы, когда противник с ожесточением рвался к Москве, Берия доложил Сталину, что немцы захватили деревню Дедово и Красную Поляну. Сталин, вызвав к телефону меня и Н. А. Булганина, изругав как полагалось, приказал немедленно выехать мне в Дедово, а Н. А. Булганину в Красную Поляну и взять обратно эти деревни. Наши попытки доказать невозможность в такой тяжелый момент бросать командный пункт и управление войсками фронта, были встречены угрозой расстрела. И в то время, когда мы с

Н. А. Булганиным брали эти деревни, не имеющие никакого значения, противник прорвал фронт в другом месте — в районе Нарофоминска, ринулся к Москве и только наличие резерва фронта в этом районе спасло положение.

Я не могу обойти молчанием и того, что Сталин принуждал представителей Ставки Верховного Главнокомандования и командующих фронтами без всякой к тому необходимости проводить наспех организованные операции, без достаточного материального и технического их обеспечения, что приводило к чрезмерно большим потерям. Во многих случаях наспех и плохо организованные операции не давали положительных результатов. Так было на Северо-Западном, Западном, на Воронежском и других фронтах. Можно привести еще немало отрицательных фактов из оперативного творчества Сталина, чтобы оценить, чего стоят на самом деле его полководческие качества и «военный гений».

Последствия культа личности до настоящего времени дают себя чувствовать во многих областях военного дела, особенно в вопросах военной теории и военной истории.

В угоду культу личности у нас настойчиво прививалось неправильное представление о том, что Сталиным якобы заново разработана советская военная наука. Отдельные его высказывания по случайному поводу превращались в «энциклопедию военной науки». Старые, давно известные положения, вроде знаменитого суворовского афоризма — «готовить войска к тому, что необходимо на войне» — расценивались как новые гениальные открытия. Высказывание о постоянно действующих факторах, в котором новым была форма, а не существо вопроса, превратилось в основу основ всей советской военной науки, а такой важный и давно известный фактор, как внезапность, стали рассматривать лишь как принадлежность авантюристической стратегии.

Возводилось в культ контрнаступление, чем, по существу, оправдывались ошибки, допущенные в начальный период Отечественной войны, и неправильно

ориентировались наши военные кадры о возможных способах ведения войны в будущем.

В угоду культу личности замалчивался тот факт, что советская военная наука создавалась коллективным трудом руководящих партийных, государственных и военных деятелей, трудом многих военно-научных работников и наших ученых, выращенных партией.

Культ личности в военной науке сковывал творческую мысль наших научных кадров и приучал их к тому, что их роль заключается не в самостоятельной разработке военной теории, а в умелом комментировании и популяризации сталинских положений.

Мы должны ликвидировать эти серьезные недостатки и пробудить творческую мысль наших научных кадров, основанную не на рабском следовании цитате, а на научном, объективном и всестороннем анализе живой действительности и перспектив развития техники, способную к глубоким обобщениям в интересах дальнейшего укрепления оборонной мощи Советского государства.

Надо повернуть нашу военную науку прежде всего к современным и перспективным задачам. Сейчас наука и техника выдвигают все новые и новые вопросы, на которые военная теория должна своевременно дать правильный ответ. Особенно это относится к средствам массового поражения, так как неосведомленность народа и личного состава Вооруженных Сил в этих вопросах может отрицательно сказаться при возникновении войны.

Огромное значение для правильного воспитания не только Вооруженных Сил, но и всего советского народа имеет правдивое освещение военных событий и научное обобщение опыта войн.

Однако, несмотря на то, что со времени окончания войны прошло 11 лет, у нас еще нет трудов, исторически правдиво освещающих события Отечественной войны, правильно раскрывающих роль советского народа, его

Вооруженных Сил, организующую деятельность Коммунистической партии в завоевании исторических побед.

В исследовании военных событий нет глубокого анализа явлений, научной критики фактов и действий. Неудачные операции наших войск, как правило, не исследовались, а если и описывались, то без соблюдения исторической правды. В описаниях военных событий почти нет имен коллектива военачальников, которые непосредственно планировали операции и руководили боевыми действиями войск. Культ личности бесцеремонно вычеркнул из истории имена действительных героев, а их коллективные заслуги беззастенчиво присваивались Сталину.

Установившееся в периодизации Великой Отечественной войны наименование первого периода «Активная оборона советских Вооруженных Сил» — не дает правильного представления о фактическом характере действий советских войск в 1941 году и противоречит принятому у нас понятию активной обороны. Исходя из фактической обстановки, первый период войны правильнее называть "Периодом отступления и срыва планов "молниеносной" войны фашистской Германии против Советского Союза", предоставив историкам научно установить хронологические рамки этого периода.

При составлении истории Великой Отечественной войны и истории советского военного искусства нужно осветить нашу боевую дружбу с вооруженными силами стран народной демократии, строительство которых началось при помощи Советского Союза на полях сражений в борьбе с общим врагом — германским фашизмом.

Одним из существенных недостатков военно-идеологической работы является недооценка буржуазной военной науки, выразившаяся в чванливом ее отрицании. Нами явно недостаточно изучаются формы и методы военно-идеологической работы в капиталистических странах, а также сильные и слабые стороны империалистических военных систем.

В результате извращенного понимания задач борьбы против неоправданного преклонения перед границей отрицалась какая-либо ценность зарубежной военной мысли, военной техники, игнорировались ее достижения, а задачи в области военно-идеологической борьбы сводились к огульному охаиванию всего того, что находится за пределами наших границ.

Надо улучшить дело научной информации о зарубежной военной литературе и военной технике, изучать сильные и слабые стороны империалистических военных систем и основные направления военно-идеологической работы в их армиях, вскрывать новые процессы, связанные с подготовкой их к будущей войне, разоблачать реакционную сущность буржуазной военной идеологии и военной науки.

Говоря о нашей практике военно-идеологической работы в Армии и флоте, необходимо отметить ее низкое качество, а порой и отрыв ее от задач воспитания войск, на что сейчас необходимо обратить серьезное внимание командиров, политорганов и партийных организаций Вооруженных Сил.

В системе идеологического воспитания наших военных кадров надо развернуть глубокое изучение марксистско-ленинского учения о войне и армии, тесно увязывая изучение теории с конкретными задачами подготовки войск, с их качественными и организационными изменениями. С этой целью надо подготовить и издать труд по основам марксистско-ленинского учения о войне и армии, в котором правильно отразить роль В. И. Ленина в развитии этого учения и обобщить опыт войн современной эпохи.

Разоблачить неправильность и вредность утверждения о том, что В. И. Ленин не являлся «знатоком военного дела», так как подобное утверждение не соответствует действительности и умаляет роль В. И. Ленина как организатора Вооруженных Сил, внесшего много новых принципиальных идей в советскую военную науку. В ближайшее время необходимо возобновить издание военно-

теоретических трудов М. В. Фрунзе и других советских военных теоретиков.

Необходимо также отметить явно недостаточное развертывание военно-идеологической работы в широких массах советского народа, особенно молодежи, направленной на воспитание советского патриотизма, национальной военной гордости, любви к своим Вооруженным Силам и готовности к сокрушительному разгрому любого агрессора, развязавшего войну. Чтобы устранить этот недочет, мы должны значительно улучшить военно-идеологическое воспитание широких масс советского народа, особенно молодежи в духе патриотизма, любви к своим Вооруженным Силам и постоянной готовности с честью и достоинством защищать свою Родину. Надо организовать выпуск правдивых кинофильмов и литературных произведений о патриотическом долге советских людей по защите своей Родины, постоянной их бдительности и активности в подготовке обороны страны. Это особенно важно в настоящее время, когда наше государство значительно сокращает численность Вооруженных Сил. Пассивное отношение к военно-идеологической работе может породить настроение пацифистского благодушия и беспечности.

У нас мало уделяется внимания историческим памятникам военной славы нашего Отечества, на которых воспитывались бы патриотизм и военная гордость советского народа. У нас почти нет памятников в местах, где происходили важнейшие события Гражданской и Отечественной войн. В Москве и городах-героях до сих пор нет монументальных памятников подвигу советского народа в Отечественной войне. В этом отношении мы серьезно отстаем от других государств. Это явно ненормальное положение необходимо устранить в ближайшее время.

Об устранении неправильного отношения к бывшим военнопленным, возвратившимся на Родину из фашистского плена. В идеологической работе нам нанесен большой морально-политический вред произволом бериевской шайки в отношении советских военнослужащих, которые в период

Отечественной войны находились в плену у наших противников.

В силу обстановки, сложившейся в начале войны на ряде фронтов, значительное число советских военнослужащих нередко попадало в составе целых подразделений и частей в окружение и, исчерпав все возможности к сопротивлению, вопреки своей воле, оказалось в плену. Многие попадали в плен ранеными и контуженными. Советские воины, попавшие в плен, как правило, сохраняли верность своей Родине, вели себя мужественно, стойко переносили лишения плена, издевательства гитлеровцев, нередко проявляли подлинный героизм. Многие советские военнослужащие с риском для жизни бежали из гитлеровских лагерей и продолжали сражаться с врагом в его тылу, в партизанских отрядах, или пробивались через линию фронта к своим войскам.

Однако как во время войны, так и в послевоенный период в отношении бывших военнопленных были допущены грубейшие извращения советской законности, противоречащие ленинским принципам и самой природе советского строя. Эти извращения шли по линии создания по отношению к ним обстановки недоверия и подозрительности, а также ни на чем не основанных обвинений в тяжких преступлениях и массового применения репрессий.

При решении вопроса о судьбе бывших военнопленных не принимались во внимание ни обстоятельства пленения и поведение в плену, ни факт бегства из плена, участие в партизанской борьбе и другое. Наши офицеры, попавшие в плен ранеными, мужественно державшиеся в плену, огульно лишались офицерского звания и без суда посылались в штрафные батальоны, наравне с лицами, совершившими преступления.

Некоторые советские и партийные органы до сих пор продолжают проявлять неправильное отношение к бывшим военнопленным, ничем себя не запятнавшим, относятся к ним с недоверием, устанавливают незаконные ограничения в

отношении продвижения по службе, использования на ответственной работе, избрания депутатами в Советы депутатов трудящихся, поступления в высшие учебные заведения и другие, ущемляя их права и достоинство советских граждан.

Наиболее грубые извращения нарушений законных прав военнопленных были связаны с необоснованным привлечением их к уголовной ответственности. Значительное количество военнопленных, возвратившихся на Родину, было подвергнуто различным наказаниям, начиная со ссылки на спецпоселения и кончая высшей мерой наказания.

Советское законодательство предусматривает суровую ответственность за преднамеренную сдачу в плен, за сотрудничество с врагом и за другие преступления, направленные против Советского государства. Однако из советских законов не вытекает, чтобы военнослужащий, попавший в плен вследствие ранения, контузии, внезапного захвата и при других обстоятельствах, не зависящих лично от военнослужащего, должен нести уголовную ответственность.

Незаконным репрессиям подвергались и те военнослужащие, которые помимо своей воли попав в плен, руководствуясь чувством воинского долга, бежали затем из плена и возвратились на Родину, проявляя при этом нередко личный героизм, подвергая свою жизнь опасности. Приведу лишь два примера.

Капитан Фурсов Д. Т., член КПСС, в Советской Армии служил с 1929 года, в августе 1946 года был осужден к 8-ми годам лишения свободы, с поражением в правах на 3 года, с конфискацией имущества и лишением воинского звания «гвардии капитан». Его обвинили в том, что он, находясь с конца 1941 года в плену, в феврале 1943 года добровольно поступил на службу в организованную немцами «офицерскую казачью школу».

Что же установлено теперь? Капитан Фурсов, попав в окружение немецких войск, пытался выйти из окружения, но

был ранен и оказался в плену у немцев. Не имея возможности бежать из плена, он решил поступить в «казачью офицерскую школу» с тем, чтобы бежать к партизанам. Получив в школе оружие, Фурсов 17 июня 1943 года вместе с группой курсантов этой школы в количестве 69 человек с оружием перешли к партизанам, захватив с собой находившихся в опьяненном состоянии начальника школы и командира эскадрона.

В партизанском отряде Фурсов был командиром отделения, а затем командиром диверсионной группы и выбыл из отряда в связи с ранением. После излечения в госпитале Фурсов продолжал служить в Советской Армии и активно участвовал в боях, был три раза ранен и награжден двумя орденами и медалью. И вот этого отважного советского патриота, возвратившегося на Родину с победой над врагом, в 1945 году осудили и посадили в тюрьму.

Старший лейтенант Анухин Е. С., член КПСС, 31 марта 1950 года был осужден к лишению свободы на 25 лет якобы за то, что 9 августа 1944 года при выполнении боевого задания, когда самолет Ил-2, управляемый Анухиным, был сбит противником, а Анухин пленен, он на допросе в румынском штабе выдал сведения, составляющие военную тайну, сообщив противнику о летно-технических свойствах самолета^[146]. Как теперь установлено, Анухин в плену у румын был всего 11 дней, а затем вместе с другими нашими военнослужащими бежал из плена и прибыл в свою часть. До конца войны он принимал активное участие в боях летчиком-штурмовиком, совершил 160 боевых вылетов, из них 120 вылетов после побега из плена. Трофейными документами установлено, что Анухин при допросе румынами гордо заявил, что война кончится победой Советского Союза, а Румыния станет свободным государством. Через пять лет после войны, в которой Анухин принимал самое активное участие, он был осужден и посажен в тюрьму.

Нет необходимости доказывать, что с точки зрения подлинной советской законности расценивать в подобных

случаях советских военнослужащих, попавших в плен к врагу, как изменников Родины, не было абсолютно никаких оснований. Не было оснований и для применения к ним каких-либо репрессивных мер.

Более того, советские военнослужащие, по независящим от них обстоятельствам попавшие в плен и затем бежавшие из плена на Родину, — достойны поощрения и правительственных наград. Такой порядок существовал даже при царском режиме и имел большое значение для воспитания народа, солдат и офицеров.

Некоторая часть военнослужащих, попав в плен и зная о неизбежности для них репрессий на Родине, естественно не проявляла стремления к тому, чтобы бежать из плена. А по окончании войны угроза незаслуженных репрессий могла заставить некоторых военнослужащих отказаться от репатриации на родину. Неправильные действия местных органов власти, создание по отношению к бывшим военнопленным атмосферы недоверия порождает среди них, членов их семей справедливые настроения обиды, бесперспективности, ощущение неправопорядка, отрицательно сказываются на их производственной, общественной деятельности.

Воспитывая военнослужащих в духе высокой стойкости, ненависти к врагу и презрения к плену, мы недостаточно популяризируем примеры доблестного поведения советских воинов в плену, примеры смелых побегов наших людей из плена.

Нужно снять с бывших военнопленных моральный гнет недоверия, реабилитировать незаконно осужденных, ликвидировать ограничения в отношении бывших военнопленных.

Товарищи! Культ личности причинил большой ущерб нашей военно-идеологической работе. Наша задача заключается в том, чтобы решительно очистить от последствий этого культа всю работу по воспитанию советского народа и личного состава Вооруженных Сил, все виды и формы военно-идеологической работы в области

военной науки, пропаганды, военно-художественной литературы, а также связанные с военной тематикой искусство и кино и прочно поставить их на марксистско-ленинскую основу. Во всей нашей военно-идеологической работе мы должны исходить из непреложного марксистско-ленинского положения, что творцом истории является народ, а в основе военного могущества Советского государства лежит его общественный и политический строй, передовая экономика, морально-политическое единство советского народа, мощь его Вооруженных Сил и руководящая деятельность нашей славной Коммунистической партии». АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4 — 30. Подлинник.

Приведя этот документ на страницах своей великолепной книги «Запрещенный Сталин», полковник ФСБ в запасе В. Сойма вопрошает: «Ну что сказать после этого? Правильно: рабы всегда пляшут на могилах своих господ. Первым Сталина предал Хрущев, больше всех пресмыкавшийся перед ним. Вслед за Хрущевым отречься от прежнего кумира начали все: политики и ученые, военные и инженеры человеческих душ. Прославленный полководец тоже не удержался, отдал дань тогдашней моде. А может, и в самом деле вознесся, уверовал в свою гениальность. Власть с человеком чудные чудеса творит»^[147].

Конечно, автору пятитомника не составляет никакого труда детально и с опорой на архивные документы прокомментировать каждое из положений этого секретного письма-речи Жукова. Однако делать этого не буду. Прежде всего потому, что придется заново писать всю многотомную историю Великой Отечественной войны. Но это выйдет далеко за рамки проекта «200 мифов о Великой Отечественной войне». Скажу лишь одно. Во всей этой непроизнесенной, но подобострастно направленной на одобрение в ЦК КПСС речи Жукова нет ни одного хотя бы мало-мальски объективного положения. А уж если совсем откровенно, то все ее содержание — попросту ложь и фальсификация, не говоря уже о злонамеренных умолчаниях, передергиваниях, искажениях и т. п. «приемчиках» маршала. Он явно полагал, что никогда этот документ не выйдет из недр ЦК КПСС. Увы, маршал всего лишь предполагал, но Господь-то располагает! Документ

стал известен. И едва ли теперь потребуются какие-либо дополнительные комментарии. Все ведь и так очевидно. Так что оценивайте «объективность» маршала самостоятельно. Не думаю, что могут возникнуть какие-либо затруднения...

Миф № 39. Смерть Сталина способствовала определенной разрядке в отношениях между СССР и Западом, особенно США.

Что же касается мифа о том, что «смерть Сталина способствовала определенной разрядке в отношениях между СССР и Западом, особенно США», то это более чем тупая и подлая ложь. И вот почему. Прежде всего потому, что не «смерть» Сталина, а убийство Сталина. Именно убийство. В настоящее время этот вопрос можно считать уже окончательно решенным. Во-вторых, со времен Древнего Рима хорошо известно, что как только речь заходит об убийстве человека, тем более такого уровня и масштаба, как Сталин, то автоматически возникает вопрос *Qui prodest?* — Кому выгодно? И если рассматривать именно с этой точки зрения, которая на языке следствия во всем мире называется «поиск мотивов убийства», то обнаружим следующее.

В опубликованных автором книгах неоднократно упоминалась одна чрезвычайно специфическая особенность политики англосаксов на мировой арене. Фактически это жизненное кредо англосаксонского ядра Запада. Вначале это было кредо непосредственно Великобритании и фигурировало как «баланс сил» («равновесие сил»), без которого Англия не будет Англией. Причем необходимо иметь в виду, что уже в начале XX века даже в самой Великобритании бесповоротно осознали, что «баланс сил» есть суть АГРЕССИЯ! Как отмечал еще в 1923 году один из наиболее авторитетных политологов и публицистов Великобритании — Норман Энджел — «"баланс сил" в действительности всегда означает стремление создать превосходство сил на нашей стороне... Позиция, которую мы занимаем, в этом случае означает, что мы... не терпим существования настолько сильной группы соперничающих с нами государств, сопротивление которой было бы для нас безнадежным, которая обрекла бы нас на постоянно подчиненное положение в дипломатии, а наше свободное

передвижение по земному шару могло бы иметь место лишь с ее молчаливого согласия. В этом весь *raison d'être* "баланса сил" (весь смысл "баланса сил". — А. М.). Принцип "баланса сил" означает в действительности требование превосходства. Требование превосходства сил означает акт агрессии»^[148].

И поскольку инфекции существуют не только в медицинской практике, но и в политике, движущим мотивом которой всегда являются геополитические устремления, этой инфекцией, то есть «требованием превосходства сил, означающим акт агрессии», Великобритания намертво заразила и США. Причем на генетическом уровне. Как сифилисом, который, как известно, может передаваться и по наследству...

Между тем после войны сложилась ситуация, которая не обеспечивала Западу, особенно его англосаксонскому ядру превосходства сил. В своей знаменитой работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин еще в 1952 году писал, что в результате Второй мировой войны «от капиталистической системы отпали Китай и другие народно-демократические страны, образовав вместе с Советским Союзом единый и мощный социалистический лагерь, противостоящий лагерю капитализма. Экономическим результатом существования двух противоположных лагерей явилось то, что единый всеохватывающий мировой рынок распался, в результате чего мы имеем теперь два параллельных мировых рынка, тоже противостоящих друг другу. Следует отметить, что США и Англия с Францией сами содействовали, конечно, помимо своей воли, образованию и укреплению нового параллельного мирового рынка. Они подвергли экономической блокаде СССР, Китай и европейские народно-демократические страны, не вошедшие в систему "плана Маршалла", думая этим удушить их. На деле же получилось не удушение, а укрепление нового мирового рынка»^[149]. По тем временам это означало потерю примерно половины мирового рынка. А это уже сотни и сотни процентов прибыли. Между тем со времен К. Маркса хорошо известно, что при 300 % прибыли нет такого преступления, на которое не пошел бы капитал, даже под страхом смерти. И если подойти к вопросу о мотивах убийства Сталина именно с этой точки зрения, то обнаружим реальные мотивы Запада для совершения такого убийства.

К примеру, один из исследователей сталинской эпохи, Алексей Чичкин, опубликовал свое открытие в труде «Забытая идея без срока давности». По его данным, в апреле 1952 года в Москве состоялось международное экономическое совещание, на котором СССР, страны Восточной Европы и Китай предложили создать зону торговли, альтернативную долларовой. Причем громадный интерес к этому плану проявили также: Иран, Эфиопия, Аргентина, Мексика, Уругвай, Австрия, Швеция, Финляндия, Ирландия, Исландия. На совещании Сталин предложил создать свой «Общий рынок». Более того. На совещании была озвучена также и идея введения межгосударственной расчетной валюты. Учитывая же, что инициатором замысла создания альтернативного долларовой зоне торговли фактически трансконтинентального «общего рынка» был Советский Союз, то и межгосударственной расчетной валютой в таком «общем рынке» все шансы имел стать именно советский рубль, определение курса которого за два года до этого было переведено на золотую основу.

Как известно, 1 марта 1950 года в советских газетах было опубликовано постановление Правительства СССР следующего содержания:

«В западных странах произошло и продолжается обесценение валют, что уже привело к девальвации европейских валют. Что касается США, то не прекращающееся повышение цен на предметы массового потребления и продолжающаяся на этой основе инфляция, о чем неоднократно заявляли ответственные представители правительства США, привели также к существенному понижению покупательской способности доллара. В связи с вышеуказанными обстоятельствами покупательская способность рубля стала выше его официального курса.

Ввиду этого Советское правительство признало необходимым повысить официальный курс рубля, а исчисление курса рубля вести не на базе доллара, как это было установлено в июле 1937 года, а на более устойчивой золотой основе, в соответствии с золотым содержанием рубля.

Исходя из этого, Совет Министров СССР постановил:

1. Прекратить с 1 марта 1950 года определение курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе доллара и перевести на более устойчивую золотую основу, в соответствии с золотым содержанием рубля.

2. Установить золотое содержание рубля в 0,222168 грамма чистого золота.

3. Установить с 1 марта 1950 года покупную цену Госбанка на золото в 4 рубля 45 копеек за 1 грамм чистого золота.

4. Определить с 1 марта 1950 года курс в отношении иностранных валют, исходя из золотого содержания рубля, установленного в пункте 2:

4 руб. за один американский доллар вместо существующего 5 р. 30 коп.

11 руб. 20 коп. за один фунт стерлингов вместо существующего 14 р. 84 коп.

Поручить Госбанку СССР соответственно изменить курс рубля в отношении к другим иностранным валютам.

В случае дальнейших изменений золотого содержания иностранных валют или изменений их курсов, Госбанку СССР устанавливать курс рубля в отношении к иностранным валютам с учетом этих изменений»^[150].

«Вдумайтесь, на что посягнул Сталин, — подчеркивает известный историк Ю. И. Мухин, — на святая святых США, ни их базу паразитирования, ни доллар! Ведь благодаря тому, что в международной торговле универсальной валютой является (по состоянию на начало послевоенного периода правильно будет сказать "стал". — А. М.) доллар», США имеют возможность Всучивать миру крашеную бумагу с портретами своих президентов вместо реальных ценностей. А Сталин не то что отказался использовать доллар во все расширяющейся международной торговле СССР, он даже оценивать товары в долларах прекратил. Можно ли сомневаться, что для США (да и Великобритании тоже. — А. М.) он стал самым ненавистным человеком?» Сталин попросту подорвал установленную после Войны систему золотого стандарта доллара, опиравшегося на схему 34,5 доллара за одну тройскую унцию золота (31,103477 г), под которую

янки сумасшедшим образом производили бешеную эмиссию зеленых фантиков.

Более образно суть дела передает малоизвестный эпизод последних лет правления президента Франции де Голля. В 1964 году французский министр финансов рассказал президенту Франции генералу де Голлю историю о том, как сложилась довоенная, а затем и послевоенная международная финансовая система. Он привел такой пример: «Представьте, на аукционе продается картина Рафаэля и идет битва за нее между немцем Фридрихом, арабом Абдуллой, русским Иваном и янки Джоном. Каждый из них предлагает за картину свои товары: араб — нефть, немец — технику, Иван — золото, а янки Джон с веселой улыбкой предложил двойную цену, вынул кошелек с пачкой новеньких стодолларовых банкнот, отсчитал, забрал картину и ушел».

«Где же трюк?» — спросил де Голль.

«Трюк в том, — отвечивал его министр финансов, — что янки выложил сто стодолларовок, а фактически заплатил 3 доллара, потому что стоимость бумаги на одну банкноту в 100 долларов — 3 цента...» То есть все богатство мира, все его золото текло в обмен на зеленые бумажки! Ранее, до войны, такую же роль играл английский фунт стерлингов.

Де Голль расщипел, собрал по всей Франции 750 млн бумажных долларов и в 1967 году во время официального визита в США с диким скандалом, но обменял бумажки на золото, благо тогда в США сохранялся золотой стандарт. В Париж де Голль вернулся, имея на борту своего самолета почти 66,5 тонны золота (в 1967 г. средняя цена одной тройской унции золота составляла 35,23 доллара). После этого он прожил всего два года, причем на следующий год, в мае 1968 года, ему устроили, как теперь говорят, знаменитые студенческие волнения, в результате которых он вынужден был уйти в отставку. А уже в 1969 году Франция со слезами на глазах прощалась с великим французом XX века. Сталин же после фактически такого же действия — разве что доллары прямолинейно не обменивал на золото — прожил ровно три года.

Так вот, чем это не мотив для убийства — постановление Совета Министров СССР от 1 марта 1950 года?! Когда речь идет о золоте, Запад не останавливается ни перед каким преступлением. Кстати говоря, обратите внимание на то, что во всех исследованиях о смерти

Сталина четко указывается, что беда с Иосифом Виссарионовичем произошла в ночь на 1 марта. Между тем с давних пор, еще со времен смерти Ивана Грозного, наблюдается англосаксонская «традиция» именно в это же время оказываться причастными — прямо или косвенно — к смертям великих государей России — в самом начале марта...

К вопросу о вводе золотого стандарта рубля и исчисления валютного курса рубля именно на этой основе вплотную примыкает одна, фактически детективная история. После войны Сталин отказался признать зачисление «царского золота» в уставные фонды Международного валютного фонда и Всемирного банка, куда США упрятали все так называемое «бесхозное золото» — нацистское, «еврейское», царское и т. д. Вследствие этого доллар стал самой обеспеченной послевоенной международной платежной валютной единицей. В знаменитом хранилище золота США — форте Нокс — после войны было сосредоточены свыше 14 тысяч тонн золота!

У нас как-то не принято вспоминать о том, что США, а также Великобритания (и Франция) своровали у России гигантское количество золота. При царе под надуманным и навязанным лично Витте предлогом в США уплыло примерно 23 доверху груженных золотом пароходов. Как минимум это тысяча тонн. Не меньшее количество золота переправил в США и В. И. Ленин^[151]. Личное же золото и драгоценности последнего русского царя, которые он по неосторожности переправил в Англию, нагло присвоила британская королевская семья и до сих пор не отдает их. Хуже того. Великобритания и Франция присвоили себе также и то залоговое золото, которое царское правительство держало в западных банках накануне еще Первой мировой войны. Одним росчерком пера 1 августа 1914 года был введен банковский мораторий на операции с русским золотом. Ну а после двух «революций» в России и вовсе невозможным стало требовать золото обратно. Тем более что западные мерзавцы попросту переплавили царское золото и поставили свои клейма. Последняя такая операция была проведена еще в 1934 году. Особой краже подверглось золото, которое находилось в германских банках, в том числе и то, которое по второму Брест-Литовскому договору вывез Ленин. Только указанными двумя способами было украдено более 610 тонн золота. А если посчитать общий тоннаж

украденного золота, то это уже несколько тысяч тонн золота. Так что яростное нежелание отдавать сворованное, но зачислить это золото в разряд «бесхозного», тем более в таких количествах, — куда более чем серьезный мотив для убийства Сталина.

Особенно если учесть, что после войны Сталин вновь начал самостоятельные негласные поиски «царского золота», включая и золото семьи последнего царя. Для этого был разработан и осуществлялся план «Крест»^[152]. Алчных, особенно до чужого, янки такая акция не только не устраивала, но и сильно напугала. Ведь со Сталиным шутки были плохи. Уж он-то мог так скрутить Запад, что ему пришлось бы отдать сворованное. Поэтому в 1946 году вторично появляется «лже-Анастасия» — все та же Андерсон. В ответ Сталин поручает в том же 1946 году соорудить под Екатеринбургом «Могилу» расстрелянной царской семьи, закрывая тем самым вопрос об Анастасии. Кстати, операция «Могила» была настолько серьезной, что курировал ее сооружение [уж какие кости в нее закопали — Бог ведает!] лично В. М. Молотов. После смерти Сталина операцию «Крест» почему-то прекратили. Материалы ее до сих пор за семью печатями хранятся в архиве ФСБ.

Перевод исчисления курса рубля на золотую основу являлся одной из наиболее эффективных мер по дальнейшему укреплению и повышению эффективности советской экономики. А ведь никто в мире не ожидал, что после такой крайне разрушительной войны Советский Союз восстановит свою экономику в кратчайшие сроки. Фактически к началу 1948 года восстановительный этап был завершен, что, кстати говоря, позволило не только осуществить денежную реформу, но и одновременно с ней произвести отмену карточной системы.

Уровень цен в СССР на основные продукты по состоянию на 1.01.51 г. к ценам на 1.01.46 г. снизился за 5 послевоенных лет в более чем в 2 раза. Между тем в крупнейших капиталистических странах (в двух из них — США и Англии — не было войны на их территориях) эти цены возросли в 2 и более раза. Цены на хлеб, мясо, масло, сахар в СССР снизились на 40 — 65 %. Это говорит о грандиозном успехе страны, в которой всего пять лет назад окончилась самая разрушительная война в истории человечества и которая от этой войны больше всех пострадала. Буржуазные специалисты в 1945 году дали официальный прогноз, что хозяйство СССР сможет выйти на уровень

1940 года только к 1965 году — при условии, если возьмет иностранные займы. Мы вышли на этот уровень в 1949 году. Без всякой внешней помощи. Сами.

В 1947 году СССР первым после войны из государств нашей планеты отменил карточную систему. А с 1948 года ежегодно — до 1954 года — снижал цены на продукты питания и товары широкого потребления. А, например, Великобритания, которая пострадала в войне несоизмеримо меньше, еще в начале 1950-х годов не могла себе позволить отказаться от карточной системы распределения продуктов питания.

По сравнению с 1940 годом детская смертность в 1950 году снизилась более чем в 2 раза (в 1940 г. — 180 на 1000; в 1950 — 81 на 1000) и, продолжая снижаться, была самой низкой в мире до конца 80-х годов прошлого столетия. И только при «демократах» стала одной из самых высоких в мире: в 1993 году детская смертность в России — 220 на 1000 — одна из самых высоких в мире. Число врачей в 1950 году возросло по сравнению с 1940 годом в 1,5 раза и продолжало расти до конца 70-х годов. И нужно ли напоминать, что о «платной медицине» тогда и подумать не могли! А как развивалась наука! Число научных работников в 1950 году возросло по сравнению с 1940 годом в 1,5 раза и продолжало расти до конца 70-х годов. Число студентов вузов в 1950 годом увеличилось на 50 % по сравнению с 1940 годом и продолжало увеличиваться до 70х годов. И так далее.

Бурные темпы роста советской экономики не остались незамеченными на Западе. Уже в начале 1950-х годов Запад стал психовать по этому поводу. И если англичане, например, в основном ограничивались тревожной констатацией факта — «Россия переживает чрезвычайно бурный экономический рост», то янки с присущей им прямолинейностью делали вывод: «Советский экономический вызов реален и опасен». В том же 1953 году американский журнал «Нейшнл бизнес» в статье «Русские догоняют нас...» отмечал, что по темпам роста экономической мощи СССР опережает любую страну. Более того, темп роста в СССР в 2 — 3 раза выше, чем в США. А кандидат в президенты США Стивенсон во всеуслышание заявил, что если темпы роста производства в сталинской России сохранятся, то к 1970 году объем русского производства в 3 — 4 раза превзойдет американский. И

если это произойдет, то последствия для западных стран, прежде всего для США, будут плачевными.

И в этой связи хотелось бы напомнить об одной из главнейших причин привода Гитлера к власти и развязывания Второй мировой войны. Дело в том, что привод Гитлера к власти был обусловлен не только, а, возможно, даже и не столько геополитическими, политическими и идеологическими причинами, сколько имевшими колоссальнейшее значение причинами экономическими. До 1932 года включительно в мире было четыре крупных промышленных района: Пенсильвания в США, Бирмингем в Великобритании, Рур в Германии и Донецкий (тогда находился в составе РСФСР) в Советском Союзе. В конце первой пятилетки к ним добавились Днепровский (на Украине) и Урало-Кузнецкий (в РСФСР). Теперь в мире стало не просто шесть промышленных районов. Просто шесть Запад как-нибудь да перенес. Ему стало невыносимо по иной причине. До 1932 года три четверти промышленных районов мирового значения дислоцировались на Западе. С конца 1932 года ровно половина индустриальных районов мирового уровня уже находилась на территории СССР!

Подлинные властелины Запада превосходно владели (и владеют) базисными принципами экономики. Потому прекрасно поняли, что столь быстро достигнутые количественные показатели быстро трансформируются в такое фантастическое качество, что Западу придется сдаваться на милость созидającego социализма. Вот почему Запад и свернул им же устроенный мировой кризис, прозванный Великой депрессией. Дальнейшее его затягивание было уже опасно для самого Запада. И одновременно Гитлера привели к власти на рубеже завершения первой — начала второй пятилетки. Именно Гитлер как фактор войны должен был прервать поступательное развитие ненавистной Западу России, называвшейся тогда Советским Союзом. По тем временам Запад ничего более умного выдумать не мог.

После войны вообще сложилась крайне встревожившая Запад ситуация. Образовалась система стран народной демократии, куда вошел и мировой демографический гигант Китай. То есть в руках выбравших социалистические ориентиры развития стран оказались сосредоточены гигантские ресурсы, которые при содействии Советского Союза могли быть вовлечены в хозяйственный оборот, что в свою очередь привело бы едва ли не к полному падению

экономического, а, следовательно, и политического значения Запада. Естественно, что на Западе задумались о том, как ликвидировать такую угрозу своему бытию. Проще говоря, агрессивная сущность Запада в очередной раз взяла верх. Однако после войны силовой вариант решения проблемы уже был непригоден. Советский Союз убедительно продемонстрировал все свои преимущества и одержал невиданную в истории Победу. Более того, уже на мирном фронте СССР показал вообще невероятные темпы развития, в результате чего довоенный уровень был достигнут всего за два-три года. Соответственно вновь прибегнуть к войне, чтобы прервать развитие СССР, уже было невозможно. Тем более что, в отличие от предвоенной ситуации, у СССР теперь имелись союзники и на Западе, и на Востоке.

Конечно, Запад, особенно США, наплодили тьму-тьмущую всевозможных планов нападения на СССР после войны. Выше о них уже говорилось. Но вот реализовать их попросту не смогли. Вначале потому, что никто в мире и не понял бы Запад, если он посмел бы поднять руку на главного победителя во Второй мировой войне. Это сейчас кое-кто делает вид, что Америка да Англия внесли решающий вклад в разгром нацизма. А тогда люди всего мира прекрасно знали, что если бы не Красная Армия и не Сталин, то быть бы всем в коричневом рабстве, в том числе англосаксам, которых, в частности англичан, гитлеровцы даже планировали выселить с Британских островов. А чуть позже Запад не мог сделать этого уже по той простой причине, что СССР овладел секретами атомного оружия. Соответственно разговаривать с ним на языке силы было бы просто бесполезно, что наглядно показала война на Корейском полуострове. Со Сталиным такие номера не проходили. Генералиссимус запросто мог так ответить, что Запад перевернулся бы вверх тормашками.

Запад тем более пугала такая перспектива, если учесть, например, аналитический вывод одного конфиденциального доклада, который по заказу правительства США был подготовлен в 1953 году Гарвардским университетом: «Западные политики 40-х годов осознали, что тост, провозглашенный Сталиным в 1945 году за "великий русский народ", его апелляции в 1941 году к русским историческим подвигам, гимн СССР 1944 года, возвеличивающий "Великую Русь", и, наконец, развернутая Сталиным с 40-х годов кампания по пропаганде русской истории, науки и культуры, могут означать негласный, но тотальный

отказ от подлинного ленинизма-большевизма, реанимацию великороссийской державной концепции. Эта стратегия сделает сталинское государство еще более жизнеспособным, его влияние — глобальным, что чревато многими опасностями для Запада»^[153].

В данном случае американским аналитикам нельзя отказать в проницательности аналитических выводов. Тем более что наряду с зафиксированным ими креном политики Сталина в сторону возрождения великороссийской державной концепции они уловили и вторую, тесно связанную с ней особенность, о которой у нас не очень-то вспоминают. В современной отечественной историографии практически на нет сведены всякие упоминания о том, что одной из главнейших целей спровоцированных Западом Первой и особенно Второй мировых войн XX века было уничтожение славян как таковых!

Корни такой политики, в частности, нацистов кроются в глубине истории европейской цивилизации. Вот как в сухих, беспристрастных цифрах описывал их выдающийся немецкий философ В. Шубарт: «В 1810 г. в Европе проживало (включая Россию) 187 млн. человек, из них по одной трети германцев, романских народов и славян. К 1910 г. славяне насчитывали уже 42 %, ныне (1939 г.) — 46 %. В 1950 г. более половины европейцев составят славяне. На этом основании специалист по народонаселению Ф. Бургдерфер высказал предположение, что Европа превращается в преимущественно славянскую часть света»^[154]. После этого В. Шубарт сделал еще более круто припечатывающий Запад к позорному столбу Истории вывод: «В своей расовой гордости европеец презирает восточную расу. Причисляя себя к разряду господ, он считает славян за рабов (уже звуковое подобие этих слов соблазняет его на это). (По-английски Slav — славянин, Slave — раб; по-немецки Slawe — славянин, Sklave — раб.)»^[155].

«Расовая гордость европейца» не обошла своим вниманием и воспаленные мозги фюрера. Еще до прихода к власти будущий преступник № 1 всех времен и народов в интервью редактору влиятельной газеты «Лейпцигер невесте нахритен» Р. Брейтингу в начале 30-х годов прошлого столетия заявлял: «Мы не должны оставаться равнодушными к тому, что происходит в России... Русачество, это славянство в соединении с диктатурой пролетариата, есть опаснейшая сила на свете. Что будет, если осуществится этот

симбиоз? Подумайте лишь о том человеческом потенциале и сырьевом богатстве, которым располагает Сталин! Уже сейчас наши публицисты должны бить тревогу. Никогда не была так велика угроза западной цивилизации. Еще до того, как мы придем к власти, мы должны разъяснить англичанам, французам, также американцам и Ватикану, что мы будем рано или поздно вынуждены начать крестовый поход против большевизма. Мы должны безжалостно колонизировать Восток... Мы хотим от Северной Норвегии до Черного моря протянуть защитный вал против русачества, против славянства...»

Соответственно для полного удовлетворения своей» расовой гордости» европейцам, прежде всего англосаксам, как особым проповедникам столь человеконенавистнических идей нужен был не только соответствующий тандемный механизм огня и меча! Им нужен был также и инструмент, который привел бы в действие этот механизм, ликвидировав даже тень намека на какое бы то ни было численное превосходство славян в Европе хотя бы и в очень отдаленном будущем! Этим инструментом и стал Гитлер со своим нацизмом! И то, что они устроили в ходе Второй мировой войны, иначе как особо злоумышленный геноцид славян назвать нельзя! Перед злодеяниями нацистов в отношении славян меркнет даже холокост евреев.

Сталин прекрасно знал об этой этно-демографической подоплеке Второй мировой войны. Именно по этой причине Сталин и проявлял запредельную осторожность еще накануне, прекрасно понимая всю тяжесть своей ответственности за исторические судьбы славянских народов, как, впрочем, и всех народов СССР. А когда война завершилась блистательной Победой, то в своем обращении к советскому народу 9 мая 1945 года Сталин сказал: «Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами»^[156]. Обратите внимание на то, что свободу народов и мир между народами в Европе Сталин открыто увязал именно с успешным завершением вековой борьбы славянских народов за свое существование и независимость!

Тем самым он обозначил особую роль славянского мира на мировой арене. Чуть позже, он и вовсе заявил, что «если славяне будут

объединены и солидарны — никто в будущем пальцем не шевельнет. Пальцем не шевельнет! Нужно единство славян»!

Мог ли Запад смириться с этим, тем более после столь блистательной Победы СССР во Второй мировой войне?! Мог ли этот проклятый Запад смириться с тем, что будущее может быть связано с единством славян, при котором никто на Западе и пальцем-то не сможет пошевелить?! Ведь Западу нужно было превосходство сил, а не ситуация, когда он не сможет даже пальцем пошевелить

Именно с этим обстоятельством, к слову сказать, и связан хорошо известный конфликт между СССР и Югославией, точнее, между идиотски амбициозным Тито, которого англосаксы лихо «развели» на антисоветчину, и Сталиным, который добивался не покорности Тито и Югославии, а единства славян, чему идиот Тито здорово мешал.

Вот какой конкретно конгломерат причин и мотивов стоял за убийством Сталина. И поэтому нет ничего удивительного, что в июне 1951 года президент США Г. Трумэн создал Совет по психологической стратегии (Psychological Strategy Board, PSB), в котором была создана рабочая группа «Сталин» (кодовое обозначение PSB D40). Ее основной задачей было изучение возможности отхода или отстранения Сталина от власти. На языке заокеанских бандитов это называлось «Планом устранения Сталина» (Plan for Stalin's passing from power)^[157].

Но это только внешне он так назывался. Не могли же эти ублюдочные бандиты из-за океана обзвать свой план «Восстановление принципа "баланса сил" как требование превосходства сил на стороне англосаксонского Запада»! Не могли, потому что требование превосходства сил означало Акт Агрессии! Вот именно таким Актом Агрессии против СССР и было убийство Сталина! Убийство, которое совершили мерзавцы из высшего эшелона партократии. И тут уж не приходится особенно догадываться, каким образом Западу удалось не столько войти в контакт с Хрущевым и К°, сколько достичь взаимопонимания и тем более договориться со всеми этими бандитами! Впрочем, и тут особой сложности не возникнет, если внимательно и тщательно все проанализировать, но это, к сожалению, выходит далеко за рамки настоящей работы.

Так что какой такой «определенной разрядке в отношениях между СССР и Западом, особенно США», могло способствовать убийство Сталина, если это был ничем не прикрытый Акт Агрессии против

СССР?! Напротив, после убийства Сталина подлой бандой Хрущева и К° СССР по всем параметрам покатился по наклонной, причем за время правления, к глубокому сожалению, не расстрелянного вовремя гнусного троцкиста-кукурузника, СССР не менее шести раз был подставлен под угрозу вооруженного столкновения с Западом, в том числе один раз — во время Карибского кризиса — под угрозу ядерной войны!

Миф № 40. Хрущев не мстил Сталину за своего расстрелянного сына Леонида.

Ох уж этот Никита Сергеевич Хрущев! Даже всей мощи, великолепия и необозримого богатства великого русского языка, включая даже и мата, и то не хватит, чтобы дать полную оценку того, что натворил этот, к глубочайшему сожалению, не расстрелянный вовремя мерзавец. Нам еще предстоит проанализировать и этот пласт трагической истории СССР. Автор готовит отдельное исследование о проклятом XX съезде КПСС, который был не чем иным, как глобальным мошенничеством этого негодяя. Так что пока вопросы, связанные с XX съездом, затрагиваться не будут. Речь пойдет только об истории с его старшим сыном Леонидом. Любопытный факт. Сразу после XX съезда по стране пошло гулять вот такое стихотворение неизвестного автора^[158].

Мы не поверили ему!
Промчалась мимо слов лавина,
И недоверию тому
Была — и не одна причина.
Шептались — в плен его сынок
В разгар войны без боя сдался.
Высокий преступив порог,
Хрущев спасти его пытался.
А Сталин желтизною глаз
Сверкнул и тронул кончик уса:
— Я своего орла не спас,
А ты пришел просить за труса!!!

Тут дело вот в чем. Допустим, что это стихотворение — реакция на народную молву, на слухи, которые в массовом порядке тогда ходили в народе. Абсолютное большинство народа крайне резко восприняло решения XX съезда, однако, не имея возможности как следует отомстить оскорбившим мертвого льва негодяю и его подлым приспешникам и прихвостням, народ отомстил им в наиболее доступной ему форме — стихотворной, а также частушечной. Это обычная реакция народа в России на преступные злодеяния высшей власти. Но и это еще не все. За всю свою многотысячелетнюю историю народная молва никогда не рождалась на пустом месте.

Конечно, всю правду, тем более документированную, о старшем лейтенанте Леониде Никитиче Хрущеве никто и никогда не узнает. И всего лишь по той простой причине, что проклятый кукурузник, получив доступ к архивам, провел в 1953 — 1956 годах их чистку и изъял из личного дела сына протоколы допросов в немецком плену и другие компрометирующие Леонида документы. Об этом говорят авторы публикаций о сыне Хрущева, в частности Николай Над, которого интересует: «Почему из "личного дела" его сына так в наглуго выдраны страницы, касающиеся тех военных лет, когда в судьбе его Леньки появились вопросы? А взамен, хотя и наспех, но уверенно выданных, от которых, правда, остались клочки, через 10 — 15 лет после войны вдруг возникли новые, датированные уже 60-ми годами...» То есть получается, что в этом деле было нечто такое, чего лысый поддон-троцкист чрезвычайно опасался. И, кстати говоря, не по этой ли причине в том числе проклятый кукурузник приказал немедленно расстрелять Абакумова в 1954 году?! Ведь именно СМЕРШ вел расследование преступления его сына. К тому же Виктор Семенович намеревался рассказать о Хрущеве нечто чрезвычайно важное, но пуля оборвала его...

Но как бы там ни было, одна версия все-таки заслуживает особого внимания. Ее автор участник Великой Отечественной войны, заслуженный чекист с 37-летним стажем оперативной работы, опытный контрразведчик, генерал-майор КГБ СССР в отставке В. Удилов — автор книги «За что Хрущев отомстил Сталину». Фрагменты из этой книги были опубликованы в «Независимой газете» 17 февраля 1998 года. Правнучка лысого поддонка-троцкиста и внука этого самого Леонида — проживающая в США выпускница

Принстонского университета Нина Хрущева — 4 апреля 1998 года опубликовала в той же газете статейку «За что сталинисты мстят Хрущеву?». Но доводы, которые она привела, были не только малоубедительны и не опровергали версию осведомленного бывшего высокопоставленного чекиста, но и наоборот, еще больше укрепили его версию. Кстати говоря, впоследствии еще здравствующие члены клана Хрущевых, проживающие между прочим в основном в США (ну самое место для наследников троцкиста!), скинулись и оплатили создание в России документального фильма, который был призван убедить всех, что негодный отпрыск негодяя-троцкиста пал смертью храбрых в боях за Родину.

Между тем речь-то идет о следующем. Еще в начале 1941 года Л. Хрущев совершил уголовное преступление на почве злоупотребления алкоголем и должен был предстать перед судом. Однако благодаря папаше-троцкисту избежал не только наказания, но и суда. Вторым преступлением Леонида Хрущева было убийство сослуживца во время попойки, после чего, по свидетельству Степана Микояна, который дружил с Леонидом, его судили и дали восемь лет с отбытием на фронте. Однако по свидетельству В. Удилова, подтверждаемому другими источниками, самолет-истребитель, пилотируемый сыном Хрущева, ушел в сторону расположения немцев и бесследно пропал. Впоследствии выяснилось, что Леонид оказался у гитлеровцев и, скорее всего, он пошел на это добровольно, так как ему терять было нечего.

Итак, Леонид пошел-таки на сговор с германскими фашистами. Убедившись в этом, Сталин поставил перед военной контрразведкой СМЕРШ задачу выкрасть Л. Хрущева и доставить его в Москву. Спецзадание Верховного Главнокомандующего было выполнено. Вместе с Л. Хрущевым в Москву были доставлены документальные данные, свидетельствовавшие о его предательской деятельности. Военный трибунал приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу. Узнав о приговоре военного трибунала, Никита Хрущев обращается в Политбюро с просьбой отменить суровую кару. Сталин согласился обсудить вопрос о судьбе Леонида Хрущева на заседании Политбюро. Начальник СМЕРШ генерал-полковник Абакумов изложил материалы дела, приговор военного трибунала и удалился. Первым на заседании выступил секретарь Московского обкома и

горкома, он же начальник ГлавПУРа Красной Армии и кандидат в члены Политбюро Александр Щербаков, который в своем выступлении сделал упор на необходимости соблюдения принципа равенства всех перед законом. Нельзя, заявил он, прощать сынков именитых отцов, если они совершили преступление, и в то же время сурово наказывать других. Что тогда будут говорить в народе? Щербаков предложил оставить приговор в силе.

Кстати говоря, одно из самых первых дел, что учудил проклятый Хрущев, едва только захватил власть в стране, — переименовал станцию метро «Щербаковская» в «Алексеевскую». Мелочная мстительность всегда была отличительной чертой кукурузника. Да и в дальнейшем он изрядно отыгрывался на семье Щербаковых. Самому, еще в 1945 году умершему, Александру Щербакову проклятый троцкист ничего сделать не мог, но в своих пасквильных мемуарах от всей своей подлой душонки «наградил» покойного самыми грязными эпитетами. Тут и «ядовитый, змеиный характер Щербакова», «мы все возмущались Щербаковым», «подлые задатки Щербакова», «этот злостный подхалим Щербаков», «Щербаков же продолжал свою гнусную деятельность», «Я Щербакова оцениваю по заслугам, причем с очень плохой стороны» и т. д.

Затем слово взял Берия, который был в курсе прежних проступков сына Хрущева, напомнил о них и о том, что сына Хрущева уже дважды прощали. После чего выразили свои точки зрения Молотов, Каганович, Маленков. Мнение у всех членов Политбюро было едино: оставить приговор в силе. Сталин выступил последним. Ему было отнюдь не просто принимать решение — ведь его Яков тоже находился в плену. Своим решением он тем самым подписывал приговор и собственному сыну. Удилов отмечает, что в заключение Сталин сказал: «Никите Сергеевичу надо крепиться и согласиться с мнением товарищей. Если то же самое произойдет с моим сыном, я с глубокой отцовской горечью приму этот справедливый приговор!».

Ревностно следящая за всеми публикациями о своем клане Нина Хрущева, никак не отреагировала, прочитав, как ее прадед ползал на коленях перед Сталиным, слезно умоляя его пощадить сына, бился на ковре в судорогах, но так и не смог разжалобить «тирана». Но как только узнала о мнении В. Удилова, то проявила неадекватную реакцию — версия экс-чекиста, мол, не подтверждается документами,

а посему ей верить нельзя. А как она должна быть документирована, если треклятый троцкист несколько лет кряду работал не столько самозванцем — первым секретарем, сколько Джеком-потрошителем архивов.

К тому же не следует забывать, сколь подло кукурузник расправился со всеми членами Политбюро, которые приняли участие в том заседании, также с теми людьми, кто был причастен к трагическому финалу его сына-предателя. Берия был просто застрелен у себя дома. Абакумов просидел в тюрьме до 1954 года и тоже был расстрелян вопреки всем законам через час с четвертью после оглашения приговора. Сына Сталина — Василия — в буквальном смысле слова сгноил в тюрьме, выпустив лишь тогда, когда ему и жить-то оставалось совсем немного. Генерал-лейтенант госбезопасности Павел Судоплатов, чьи сотрудники участвовали в похищении Леонида Хрущева, неизвестно за что «от звонка до звонка» отсидел 15 лет в той же Владимирской тюрьме, где сидел и Василий Сталин. Там же сидел и такой выдающийся чекист-разведчик как Наум Эйтингон — ближайший соратник Судоплатова. Маленков, Молотов и Каганович были выведены из состава Политбюро и отправлены в ссылку под строжайший надзор органов МВД и КГБ. По свидетельству писателя Ивана Стаднюка, комиссия по реабилитации — так называемая комиссия Шверника — после XX съезда пыталась доказать в угоду троцкисту, что осужденный во время войны его сын — совершивший героический подвиг летчик, который ни в чем не виноват. Однако даже в те времена Военная коллегия Верховного Суда СССР «не нашла возможным снять с него судимость». И тем не менее в книге мемуаров Хрущева помещена фотография его сына с надписью: «Леонид Никитич Хрущев, летчик, погиб в боях за Родину»?!

С упорством, достойным лучшего применения, клан Хрущевых не желает признать очевидные факты и пытается отрицать предательство Леонида: «Слухи о том, что мой брат не погиб, выполняя свой воинский и патриотический долг, а якобы сдался в плен, выдал врагу военную тайну и что после войны он "попал в наши руки" и его ждала "заслуженная кара", — были явно выдуманы. Для чего? Это становится понятным из имевшей хождение версии о том, что, дескать, Хрущев пошел к Сталину вымолить снисхождение к преступнику,

даровать сыну жизнь. И благородный вождь, дескать, с презрением отверг недостойного, говоря: "Я не стал помогать своему сыну-герою, а твой трус должен получить по заслугам"». Эти слова были произнесены Сергеем Хрущевым, доктором физико-математических наук, конструктором ракетной техники, который новой «родине» — США — был нужнее исключительно как «сын Хрущева», а посему и с самого начала он стал подвизаться на должности профессора политологии в американском университете Брауна, прославляя мировой империализм и клевета на наше прошлое.

Члены клана Хрущевых по сию пору пыжятся доказать, что Леонид Никитович Хрущев не был предателем. Но ничего у них не получается. И не получится. В памяти народа и истории он останется таким же предателем СССР-России, как и его проклятый отец — подлый Никита Сергеевич Хрущев!

Миф № 41. Оценивая роль Сталина в Истории России, У. Черчилль сказал, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой.

Сколько раз в различных публикациях встречалось это высказывание. Несмотря на то что фигура самого У. Черчилля никогда не вызывала симпатий в России, особенно у патриотически настроенной части населения, тем не менее именно это выражение знаменитого «британского бульдога» стало наиболее расхожим. Однако и, увы, это миф. Один из самых безобидных и благожелательных по отношению к И. В. Сталину, но действительно миф. Сложился он следующим образом^[159].

Фразу «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой» действительно обычно приписывают Черчиллю. Как интегральная характеристика со стороны результатов сталинского правления, она используется в различных дискуссиях. Увы, но Черчилль не является автором этой фразы. Но вопрос об авторстве очень важен. Ведь оно приписывается матерому вражине, патологическому русофобу и антисоветчику, который всю свою сознательную политическую жизнь только и был занят тем, чтобы как можно сильнее навредить России, а затем и Советскому Союзу. Отсюда простой вывод. Если даже он вынужден был признать сей факт, то, следовательно, размах достижений СССР скрыть было невозможно. Даже за завесой многодесятилетней клеветы.

Самое интересное в этой истории — это поиск «нити Ариадны». Проще говоря, откуда выплыла эта фраза, с чьей подачи и кто вложил ее в уста Черчилля? Впервые это произошло в нашумевшей в свое время статье «Не могу поступиться принципами»^[160]. Ее автором была преподаватель химии из Санкт-Петербурга (в то время Ленинграда) Нина Андреева. В упомянутой статье приписываемая Черчиллю фраза завершает объемистый панегирик Сталину. Причем, по утверждению

Нины Андреевой, Черчилль произнес эти слова в 1959 году, якобы по случаю 80-летия со дня рождения Сталина. Однако никакой точной ссылки на труды Черчилля Н. Андреева не привела.

Через три года в журнале «Армия» с 1-го по 24-й номер публиковалась книга поэта Феликса Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым»^[161]. Чуев привел в общем похожий, но в деталях отличающийся текст речи Черчилля. Кроме того, Чуев уже более конкретно указал на происхождение текста: «...Читаю короткую речь английского премьера в палате общин 21 декабря 1959 года, в день 80-летия Сталина, перевод из Британской Энциклопедии...» Таким образом, речь обрела как бы точную дату произнесения и место публикации.

Итак, в пропагандистском обороте фигурируют три варианта. Вариант № 1 — принадлежит Нине Андреевой. В настоящее время этот вариант изрядно подзабыт. Вариант № 2 — принадлежит Ф. Чуеву, часто используется. И вариант № 3 — как бы общеизвестный. Он-то и применяется широко в различных исследованиях. Если свести все три варианта в одну таблицу, то получим следующую картину.

Вариант № 1 — принадлежит Нине Андреевой:

Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в которое протекала его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой силы воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить... В его произведениях звучала исполинская сила. Эта сила настолько велика в Сталине, что казался он неповторимым среди руководителей всех времен и народов... Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали. И странное дело — держали руки по швам. Сталин обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самого безвыходного положения... Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставлял и нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов...

Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием.

Вариант № 2 — принадлежит Ф. Чуеву

Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии и нестигаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин, прежде всего, обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов. Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. **Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением.** Что ж, история, народ таких людей не забывают.

Вариант № 3 — «общеизвестный»

Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавил гений и непоколебимый полководец И. В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и нестигаемой воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе,

которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин, прежде всего, обладал большим чувством сарказма и юмора, а также способностью точно выражать свои мысли. Сталин и речи писал только сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей всех времен и народов. Сталин производил на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, встали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Сталин был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые трудные моменты, а также в моменты торжества, он был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих и заставил нас, которых открыто называл империалистами, восстать против империалистов. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором. **Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием.** Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история и народы не забывают.

Небезынтересно заметить, что едва только появились ссылки на Британскую Энциклопедию, как тут же произошло источниковедческое уточнение. Мол, эти слова из речи Черчилля, которая опубликована на странице 250 пятого тома Британской Энциклопедии 1964 года издания. А попутно изредка утверждается, что эта же речь опубликована в восьмитомнике Winston S. Churchill. His Complete Speeches. Правда, никогда не указывается ни год издания, ни номер тома, ни страница.

При самой элементарной проверке любой может установить, что никакой речи 21 декабря 1959 г. Черчилль не произносил. Прежде всего потому, что, как было установлено уже в наши дни, никакого заседания британского парламента 21 декабря 1959 г. не было. На указываемой 250-й странице пятого тома Британской Энциклопедии нет не только какой бы то ни было речи Черчилля, но и вообще ничего,

что могло бы относиться к этому делу. И даже если предположить, что якобы произошла опечатка и в виду имелась не 250-я, а 750-я страница, на которой и опубликована статья «Черчилль», то опять-таки ничего, относящегося к предмету исследования, там нет. Попутно та же самая элементарная проверка покажет одновременно, что в послевоенных речах У. Черчилля имя Сталина упоминается всего 9 раз, из них в пяти случаях — ругательно. Последний раз Черчилль упомянул имя Сталина в своей речи в 1956 году. А в положительном смысле Черчилль последний раз упомянул имя Сталина еще в 1946 году.

То есть после такой проверки, казалось бы, есть все основания сделать вывод о том, что перед нами 100%-ная фальсификация, хотя и доброжелательная по отношению к Сталину. Однако это не совсем так. При более детальном исследовании выясняется, что первая половина якобы речи в редакции Чуева представляет собой «творческую переработку» фрагмента из реальной речи Черчилля, произнесенной им перед палатой общин по возвращении из Москвы, 8 сентября 1942 года:

It is very fortunate for Russia in her agony to have this great rugged war chief at her head. He is a man of massive outstanding personality, suited to the somber and stormy times in which his life has been cast; a man of inexhaustible courage and will-power and a man direct and even blunt in speech, which, having been brought up in the House of Commons, I do not mind at all, especially when I have something to say of my own. Above all, he is a man with that saving sense of humour which is of high importance to all men and all nations, but particularly to great men and great nations. Stalin also left upon me the impression of a deep, cool wisdom and a complete absence of illusions of any kind.

Присвоивший себе функции редактора-переводчика неизвестный «умелец» при переводе на русский язык более чем доброжелательно для Сталина перевел и в режиме «отсебятины» отредактировал

собственный же перевод. Далее приводится текст этой отсебятины, причем прошу обратить особое внимание на следующее:

— не подвергается отдельному анализу очевидные корявости перевода, в том числе странный перевод смысла в прошедшее время из настоящего;

— жирным прямым шрифтом выделено то, что осталось от речи Черчилля;

— обычным курсивом — смысл тех сегментов сказанного Черчиллем, который при переводе был искажен;

— в шрифте «Arial Black» (его образец приведен выше), в том числе и в варианте курсива, показаны добавленные неизвестным «умельцем» от себя фразы.

Это дает возможность наглядно увидеть, как дружественно-нейтральная речь превращается в панегирик. Где-то добавлено «гений», где-то «самый», количество употреблений слова «Сталин» увеличено в несколько раз против оригинала. В уста Черчилля вдруг начинают вкладывать самоуничижительные слова типа «я не мог ничего противопоставить», что для него было вовсе нехарактерно. Однако, помимо стилистической смысловой правки, текст якобы речи якобы Черчилля «обогащен» множеством красочных добавлений. И среди них и интересующее нас выражение «принял с сохой, а оставил с бомбой». Итак, вот что сотворил неизвестный «умелец».

Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил **гений и непоколебимый полководец Сталин**. Он был **самой** выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь. **Сталин был** человеком необычайной энергии и несгибаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, *которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить* [У Черчилля: против чего, я, воспитанный в палате общин, совсем не возражаю, особенно когда есть что сказать в ответ). **Сталин, прежде Всего, обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов.** [У Черчилля: Сверх того, он обладает тем

спасительным чувством юмора, которое так важно для всех людей и всех народов, но особенно для великих людей и великих народов.]

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением. Что ж, история, народ таких людей не забывают.

Как это ни парадоксально, но более или менее точную логичность для поиска корней происхождения столь вольного перевода, которым воспользовалась Нина Андреева, дал пресловутый и ныне уже покойный ярый враг России и Советского Союза А. Н. Яковлев. В опубликованной 5 апреля 1988 года в газете «Правда» статье «Принципы перестройки, революционность мышления и действия» он обвинил Н. Андрееву в следующих словах: «В угоду своей концепции автор обращается за поддержкой к Черчиллю. Отметим, что приведенный ею панегирик Сталину принадлежит отнюдь не Черчиллю. Нечто подобное говорил известный английский троцкист И. Дойчер». Правда, А. Н. Яковлев не указал, в какой конкретно работе И. Дойчер написал такое.

Впоследствии выяснилось, что это была характеристика И. Дойчером итогов модернизации СССР. И применил он ее в своей статье, которая была опубликована 6 марта 1953 г. в газете «Manchester Guardian» в связи со смертью И. В. Сталина (к слову сказать, к тому времени И. Дойчер уже давно отошел от троцкизма). Вот его подлинные слова из той статьи:

«The core of Stalin's historic achievements consists in this, that he had found Russia working with wooden ploughs and is leaving her equipped with atomic piles. He has raised Russia to the level of the second industrial Power of the world. This was

not a matter of mere material progress and organization. No such achievement would have been possible without a vast cultural revolution, in the course of which a whole nation was sent to school to undergo a most intensive education».

В 1966 г. эта статья вошла в сборник эссе *Ironies of History: Essays on Contemporary Communism*. А затем эти же слова появились на 303-й странице 21-го тома Британской Энциклопедии:

Stalin's Last Years. — The year 1945 marked the climax in Stalin's crowded and chequered career. As generalissimo and uncontested leader he was surrounded by an adulation and a cult which assumed its most grotesque forms toward the end of his life. Soviet scientists, writers, musicians, linguists, philosophers and others were made to accept his judgment as final. Underlying the bizarre cult were Stalin's indubitable achievements. He was the originator of planned economy; he found Russia working with wooden plows and left it equipped with atomic piles; and he was "father of victory." But his achievement was marred by the despotism and cruelty of his dictatorship; and the patriarchal character of his rule, suited perhaps to the mentality of an illiterate and backward people, became an anachronism in the industrialized and modernized Russia of his own making.

Stalin's personal role in the conduct of Soviet foreign policy from 1945 to 1953 remained somewhat obscure.

Кто и как переводил эти слова на русский язык — неизвестно. Зато хорошо понятно, что неизвестный «умелец-переводчик» решил усилить звучание фразы и перевел «atomic piles» (атомные реакторы) как «атомное оружие». Впоследствии слово «оружие» с чьей-то подачи «заменилось» на более яркий образ «бомбы».

Некоторые менее значимые фразы, похоже, попали в якобы речь непосредственно от Молотова. Например, про «всегда находил выход» Молотов говорил Чуеву прямым текстом:

— Подобные разговоры с подковырками имели место на конференциях «Большой тройки», и Сталин, действительно, всегда находил выход из, казалось, безвыходного положения, — говорит Молотов^[162].

Фраза «заставлял и нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов» присутствует у Молотова в пересказе Чуева в несколько замаскированном виде:

— Трудная история, — говорит Молотов, — но одно то, что Сталин заставил капиталистов Рузвельта и Черчилля воевать против Гитлера, о многом говорит...^[163]

Насчет «руки по швам», похоже, «постарался» пресловутый Э. Радзинский — во введении к своей книге «Сталин»: «Уинстон Черчилль вспоминал: "Сталин произвел на нас величайшее впечатление... Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все, словно по команде, вставали и — странное дело — держали почему-то руки по швам". Однажды он решил не вставать. Сталин вошел — "и будто потусторонняя сила подняла меня с места"», — писал Черчилль. Но книга Радзинского вышла в свет значительно позже статьи Нины Андреевой, так что вполне возможно он просто позаимствовал эту фразу оттуда. Хотя, черт его знает...

Таким образом, очевидно, что столь часто используемая цитата Черчилля в действительности представляет собой компиляцию на основе речи Черчилля от 8 сентября 1942 года, подвергнутой, мягко выражаясь, «оригинальной» редакции со стороны неизвестного «умельца-переводчика», от души щедро разбавившего свой и без того запредельно вольный перевод не имеющими никакого отношения к Черчиллю высказываниями. А что касается выражения «принял с сохой, а оставил с атомной бомбой», то авторскими лаврами следует увенчать Исаака Дойчера, очередного неизвестного «умельца-переводчика», который перевел «атомные реакторы» как «атомное оружие», и, конечно же, неизвестного стилиста русского языка, который благозвучия ради заменил «атомное оружие» на «атомную бомбу».

Как видите, антисталинская мифология может идти и по пути внешне благожелательного отношения к Сталину. Но в итоге-то получается сильный подвох. Поэтому очень важно всегда тщательно проверять даже позитивные оценки деятельности Сталина. Ведь на

гора их выдают порой не без умысла, нередко не без злого умысла, в том числе и на будущее. Между тем фигура Сталина, как, впрочем, и вся его деятельность на посту главы партии и государства, таковы, что они не требуют излишеств в позитивных оценках. Нет в этом никакой нужды. Его подлинный защитник сама История и подлинные факты Истории. Вполне достаточно опираться только на них. И тогда подлинный образ выдающегося, планетарного масштаба политика, геополитика, стратега, государственного деятеля, талантливого хозяйственника, искреннего радетеля за народное благо — генералиссимуса Сталина — станет более чем очевидным без всяких дополнительных приукрашиваний.

Послесловие

Итак, длинный путь анализа 200 мифов завершен. Понятно, что далеко не все мифы вошли в орбиту предпринятого анализа. Прежде всего потому, что технически крайне затруднительно охватить информативным анализом все мифы о Великой Отечественной войне. Сложен был путь анализа и некоторых присутствующих на страницах пятитомника мифов. В силу целого ряда причин автор старался избегать академического изложения имеющегося материала, особенно с приведением большого количества цифр и цифрового анализа. Зачастую это просто не нужно. Иной раз наиболее правильно показать логику событий, логику размышлений и действий, нежели делать крен на цифры. А уж если читателей что-то конкретно заинтересует и очень сильно, то ему, современному человеку, не составит большого труда разыскать дополнительную информацию о заинтересовавшем его вопросе.

Свою главную задачу автор видел прежде всего в том, чтобы с помощью накопленных материалов показать, в чем суть подлой лжи о Великой Отечественной войне, о Сталине и его роли в этой войне, о ее итогах. Как представляется, это тем более важно, если учесть, что за последние годы историческая память нашего общества резко ослабела, а потоки несносной, подлой лжи и клеветы льются как из ведра. Но более всего это важно по двум основным причинам. Прежде всего, восстановление Подлинной Правды о Великой Отечественной войне это дань искреннего, коленопреклоненного уважения Великого Подвига наших славных предков, ветеранов-фронтовиков, отстоявших не только Свободу и Независимость Нашей Великой Родины, Ее Величества России, но и право на жизнь последующих поколений. Но в то же время это и обращение к молодым поколениям, чьи светлые головы были задурманены подлой и донельзя лживой пропагандой «демократов». Молодежь не только вправе, она просто обязана знать о войне всю известную на сегодня правду, в том числе и ту, от которой, быть может, и скулы сведет... Иначе они не будут поколениями преемников таких славных предков, как наши ветераны-фронтовики.

Ну а насколько автору удалось достичь поставленных задач — судить, естественно, читателям. Автор же приступает к реализации следующих проектов...

notes

Примечания

1

Цит. по: Germany Surrenders Unconditionally. Facsimiles of the documents. Washington, 1945, p. 8.

Цит. по: Germany Surrenders Unconditionally. Facsimiles of the documents. Washington, 1945, p. 30.

F.C. Pogue. United States Army in World War II. The European Theater of Operations. The Supreme Command. Washington, 1954. pp. 485 — 490.

Все подписанные в Реймсе документы хранятся в Национальном архиве США.

Помещение в здании технического колледжа г. Реймс во Франции, где 7 мая 1945 года был подписан акт о военной капитуляции германских вооруженных сил, через два месяца после этого события было официально передано вооруженными силами США городскому муниципалитету и с тех пор является городской достопримечательностью. В 1985 году в связи с 40-летием Победы рядом с мемориальным залом в отдельном помещении была открыта экспозиция документов и фотографий, посвященных окончанию войны в Европе. Этот муниципальный музейный комплекс из двух помещений посещают ежегодно около 10 тысяч человек.

Штеменко С. М., Генеральный штаб в годы войны. М., 1981. С. 424 — 426, 436.

Принцип безоговорочной капитуляции стран-агрессоров был выдвинут президентом Ф. Рузвельтом в январе 1943 г. и затем зафиксирован министрами иностранных дел СССР, США и Великобритании в Декларации о всеобщей безопасности на конференции в Москве, в октябре 1943 г.

МИД СССР. Отчет о работе Европейской консультативной комиссии. М., 1947. С. 22, 26 — 32, 34 — 37.

25 июля 1945 г. представителями СССР, США, Англии и Франции в ЕКК было утверждено и подписано соглашение о некоторых дополнительных требованиях к Германии.

АВП РФ, ф. 36, д. 355.

Здание офицерского клуба, принадлежавшего бывшему немецкому военно-инженерному училищу в Карлсхорсте, где 8 мая 1945 года был подписан еще один акт о военной капитуляции германских вооруженных сил и где в первые послевоенные годы находился рабочий кабинет Г. К. Жукова, по решению военного совета Западной группы войск СССР (ЗГВ) в 1967 году было превращено в постоянный «Музей безоговорочной капитуляции фашистской Германии в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.». В 1992 году были начаты переговоры о сохранении существующего музея после вывода российских войск из Германии. Переговоры завершились летом 1994 года обменом нотами на правительственном уровне. Германская сторона согласилась сохранить музей под новым названием «Музей Берлин — Карлсхорст» и финансировать его из федерального бюджета. Российская сторона передала музею все музейные экспонаты и оборудование в безвозмездное долговременное пользование. После ремонта здания в нем была смонтирована новая музейная экспозиция, согласованная двумя сторонами. В 1995 г. состоялось торжественное открытие новой экспозиции.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Сб. документов, т. 4 — Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1980. С. 484.

АВП РФ, ф. 7, оп. 1, п. 2, д. 24, л. 1 — 4. Автограф.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 127, 164.

Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., 1949. С. 93 — 146.

Там же. С. 115 — 116.

Там же. С. 146.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. М., 1973. С. 257.

Times, 27.X 1941, p. 4. Documents on American Foreign Relations, vol. IV, July 1941 — June 1942. Boston, 1942, p. 662. Однако союзники на этой стадии войны избегали делать более конкретные заявления о наказании нацистских лидеров и других военных преступников. Так, в переданной государственному секретарю США 22 октября 1941 г. ноте Форин Офис, наряду с предложением выпустить коллективное заявление относительно германских злодеяний, указывалось: «В то же время правительство его Величества считает нежелательным на данной стадии делать в такой декларации какие-либо конкретные угрозы о применении репрессий». Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941, vol. I, p. 445.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941, vol. I, p. 447 — 449.

Punishment for War Crimes. The Interallied Declaration Signed at St. James Palace, London on 13th January 1942 and Relative Documents. London, 1942 (Punishment for War Crimes...).

Punishment for War Crimes... p. 6 — 7.

«Правда», 15.1.1942. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 463 — 464.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942, vol. III, p. 772.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942, vol. I, p. 62 — 63.

В прошлом именно тот самый британский министр иностранных дел, который еще в 1935 г. обещал Гитлеру «зеленый свет» его экспансии на Восток.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942, vol. I, p. 48 — 50.

Ibid., p. 65.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942, vol. III. p. 65.

Woodward L. *British Foreign Policy in the Second World War*, vol. II. London, 1971, p. 280.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942, vol. I, p. 62 — 65.

Международные документы Великой Отечественной войны. Вып. II (1942 г.). М., 1943. С. 145.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, Т. 1. М., 1946. С. 82.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. II. М., 1958.
С. 385.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 359 — 380.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Т. I. М. 1957. С. 395 — 396.

Memoirs by Harry S. Truman. Vol. I. Year of Decisions. New York, 1955, p. 284.

Ibidem.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 418 — 419.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 322 — 326.

На 1-м заседании комиссии 15 марта 1943 г, ответственным секретарем был назначен П. И. Богоявленский.

РГАСПИ. Ф. 7021 (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию немецко-фашистских злодеяний). Оп. 116, ед. хр. 1а, л. 14 — 16.

Там же, л. 13. В состав этих комиссий входили: первый секретарь ЦК Компартии союзной республики (крайкома, обкома), председатель или заместитель председателя совнаркома (крайисполкома, облисполкома), начальник управления НКВД и представители общественности.

Там же, ед. хр. 326, л. 85 — 89.

Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. С. 430.

РГАСПИ. Ф. 7021, оп. 116, ед. хр. 1а, л. 22.

Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области: в период их временной оккупации. М., 1943; Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. М., 1943.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943, vol. III, p. 851 — 852.

Ibidem, p. 850, 852. Ibidem, 1944, vol. IV, p. 1198 — 1211.

Ibidem, 1944, vol. IV, p. 1202.

Creel G. War Criminals and Punishment. New York, 1944, p. 152, 154.
Sb. Glueck. War Criminals. Their Prosecution and Punishment. New York, 1944, p. 80.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943, vol. I, p. 402 — 422.

В мае 1944 г, в Чунцине (Китай) была создана подкомиссия для расследования военных преступлений на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Law очаг. London, 1948, p. 129 — 131.

Guide of the Record of the United Nations War Crimes Commission. London 1943 — 1948, New York, 1951, p. 1 — 2. Председателем комиссии был избран представитель Англии сэр С. Херст — член постоянной палаты Международного суда в Гааге. Председателем комитета по фактам и доказательствам — представитель Бельгии генерал М. де Боэр. Председателем комитета по санкциям — представитель США Г. Пелл, бывший посол в Лиссабоне и Будапеште. Председателем юридического комитета — представитель Польши С. Глазер.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944, vol. I, p. 1353 — 1354, 1361.

Jerome V. J. What of the War Criminals// Political Affairs. 1945, Feb., vol. 24, № 2, p, 136 — 137.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944, vol. I, p. 1406 — 1407.

Ibidem, p. 1341, 1397 — 1398. The Conferences at Malta and Yalta, 1945, Washington, 1955, p. 437. Morse A.D. While Six Million Died. A Chronicle of American Apathy. New York, 1968, p. 375 — 381

Поздеева Л. В. Англоамериканские отношения в годы Второй мировой войны 1941 — 1945 гг. М., 1969, с. 30. Израэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция. 1941 — 1945. М. 1964, с. 532.

Nolum crimen sine lege — нет преступления без закона.

Ex post facto — издание закона после совершения преступления.

War Crimes. Moral, Political and Legal Problems. Round Table. A Quarterly Review of the Political of the British Commonwealth, 1944, March, i№ 134, p. 121 — 129.

Шейнман М.М. Ватикан во второй мировой войне. М., 1951. С. 320.

Creel G. War Criminals and Punishment. New York, 1944, p. 152, 159.

«Известия», 6 февр. 1945.

Anderson C. A. Utility of Proposed Trial and Punishment of Enemy Leaders. *The American Political Science Review*, 1943, Dec, vol. XXXVII, № 6, p. 1099. *Current History*, 1944, March, vol. 6, № 31, p. 304 — 310. *Young G.* War Criminals// *Contemporary Review*, 1942, *Aug.*, p. 77.

Война и рабочий класс. 1944, № 19. С. 16 — 17.

Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956. С. 251.

The New Republic, 1945, Feb. 19, vol. 112, p. 260.

Цит. по: *Ланциков А.* Черда окаянных дней. М., 1998, с. 150.

Там же, с. 152.

Папен Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. 1933 — 1947/ пер. с англ.
М., 2005. С. 550.

Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1991, С. 156 — 157. Что касается провоцирования Второй мировой войны, то этот список настолько обширен, а правящая элита Великобритании, в том числе и персонально королевская семья, настолько серьезно замешана в них, что сразу после окончания войны по личному указанию короля Георга VI британская разведка в срочном порядке провела операцию по негласному изъятию из архивов разгромленной Германии громадного количества компрометирующих Великобританию документов. В исчислявшихся тоннами документах содержался беспрецедентный компромат на британскую правящую элиту. А все, что касалось королевской семьи, было изъято в результате проведенной британской разведкой другой специальной операции, которую осуществил выдающийся агент советской внешней разведки Энтони Блант. Документы, затрагивающие честь и достоинство, а также международный престиж британской короны, он выкрал из Голландии. Именно через эту страну пролегал основной канал нелегальной связи Гитлера с британской короной, который поддерживался усилиями сына последнего германского кайзера Вильгельма II кронпринца Фридриха Вильгельма и его жены Цецилии (вместе с кайзером они осели в Голландии после Первой мировой войны). В 1923 г. кронпринц получил разрешение вернуться в Германию и жил преимущественно в Потсдаме. Тем не менее он нередко навещал своего отца — экс-кайзера, выполняя попутно ряд конфиденциальных поручений германского генералитета и представителей монархических кругов.

Общее собрание Академии наук СССР 25 — 30 сентября 1943 г.
М. Л., 1944. С. 209.

РГАСПИ. Ф. 7021. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков. Оп. 116, ед. хр. 337, л. 1 — 84.

Там же, л. 20.

Там же, л.32.

В соответствии с 97 Германского уголовно-процессуального кодекса «дело подсудно тому суду, в районе которого совершено наказуемое деяние». В соответствии с разъяснением Имперского суда от 14 июня 1894 г. «заграничное подстрекательство к преступлению внутри государства должно считаться совершенным внутри государства». *Lowe C. Die Strafprozessordnung für das Deutsche Reich. Berlin, 1925, S. 66.*

Статьи А. Н. Трайнина в «New Masses» (1944, Sept. 5, vol. 52, № 11, p. 3 — 6; № 12, p. 10 — 12) и в «Central European Observer». London, 1943, Sept., vol. 20, p. 281 — 282.

К примеру, западногерманский адвокат Волл указывал, что именно работа Трайнина «Уголовная ответственность гитлеровцев» «неожиданно оказала большое влияние в Лондоне, когда вырабатывался устав Нюрнбергского трибунала». *Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог*. М., 1969. С. 157, а также *American Journal of International Law*, 1947, vol. 41, № 1, p. 29.

New York Times, 7.XII.1944, p. 4.

Glueck Sb. War Criminals. Their Prosecution and Punishment. New York, 1944, p. 10.

Maugham F. UNO and War Crimes. London, 1951, p. 113.

Great Britain. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Official Report. Fifth Series. 1945, vol. 409, col. 1340.

Parliamentary Debates, Home of Lords, vol. 135, col. 652 — 658.

Parliamentary Debates, House of Lords, vol. 135, col. 660 — 666, 672
— 673.

Ibidem, col. 680 — 691.

The Conference at Quebec 1944. Washington, 1972, p. 105 — 108. Stimson *H.L.*, Bundy *M.G.* *On Active Service in Peace and War*. New York, 1948, p. 584. *New York Times*, 26.11.1948, p. 25. *Mason A.T.* Harlan Fiske Stone: *Pillar of the Law*. New York, 1956, p. 715.

Против суда как никому не нужной затяжки дела высказался известный английский дипломат лорд Ванситтарт: «Нельзя представить себе ничего более смешного, чем суд над главными военными преступниками, — это огромное пушечное ядро, выпускаемое громоздким механизмом». *New York Times*, 28. III.1945, р. 3.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т 2. М., 1946. С. 209, 218, 288.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1, М., 1946. С. 400 — 401.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943, vol. I, p. 460 — 468.

Hull C. The Memoirs, vol. II. New York, 1948, p. 1361 — 1362.

Шейнман М. М. Ватикан во второй мировой войне. М., 1951. С. 248—249.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference at Quebec 1944, p. 91 — 93.

Ibidem, p. 467.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference at Quebec 1944, p. 489.

Ibidem, p. 490.

Письмо У. Черчилля Ф. Рузвельту от 22 октября 1944 г. — W. *Churchill*. *The Second World War*, vol. VI. *Triumph and Tragedy*. London, 1954, p. 210.

Тегеран, Ялта. Потсдам. Сб. док. М., 1970. С, 175 — 176.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945, vol. III, p. 1161.

Pompe C. A. Aggressive War — International Crime. The Hague, 1953, p. 89.

АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 20, д. 209, л. 60 — 61.

АВП РФ, ф. 07, оп. 10, п. 8, д. 83, л. 40 — 43.

Цит. по: *Литвиненко В.* Правда сталинской эпохи. М., 2008, с. 141.

Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1942 года. См. сборник: *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 75.

Речь идет о секретном русско-французском соглашении от 14 февраля — 11 марта 1917 г., согласно которому Россия становилась лично ответственной за раздробление и расчленение Германии на ряд мелких государств. Соглашение было подписано первым Временным правительством.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза.
М., 1950. С. 193.

Тейлор А. Вторая мировая война. Цит. по: Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 539.

Там же. С. 554.

Там же.

Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1995. С. 247. Не будем сейчас вдаваться в подробный анализ подлового намека на некий антисемитизм в действиях Сталина, который уже в то время осуществлял поворот в сторону возрождения Великого Русского Государства, пусть и называвшегося тогда Союз Советских Социалистических Республик. И не только потому, что в данном случае это выходит за рамки интересующей нас темы, но и потому, что это подлая ложь. Никакого антисемитизма в разведке не было. Тем более в 1935 году, когда практически все руководящие посты в разведке НКВД, а речь идет именно о ней, занимали евреи. А ведь их назначение без участия Политбюро и Сталина было просто немыслимо. Как, впрочем, и назначение русских по национальности сотрудников в разведку, в том числе и на руководящие посты. Главным в приведенных ею словах Кривицкого является следующее. Доверие тесно связанным с Коминтерном коммунистам-интернационалистам в разведке у руководства страны к тому времени уже стремительно иссякало, и потому начались назначения именно таких сотрудников, включая и русских по национальности, в том числе и на руководящие посты, для которых революционное (и коммунистическое) движение в Европе ничего не значило. А ведь это была не столько их позиция, сколько позиция Сталина и политбюро!

Карлей Майкл Дж. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. М., 2005. Карлей дает такую ссылку: *Rayart*, no. 377, 26 septembre 1935, MAE Z-URSS/961, ff. 280 — 281.

Там же. С. 49.

Halford MacKinder. The Round World and the Winning of the Peace.
Foreign Affairs, July 1943.

Ibidem

Цит. по: *Кара-Мурза С. Г.* Демонтаж народа. М., 2007. С. 434 — 435, а также *Бокарев Ю.* «Открытое общество» и его друзья// Россия — XXI, 1996, № 5.

Черчилль У. Вторая мировая война. Т. III. Великий Союз. Пер. с англ. М., 195. С. 574.

Эмигрантского правительства в Лондоне.

Речь идет об обязательстве не вступать в сепаратные переговоры с немцами.

Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Wash. DC, 1996, p. 186 (впервые этот труд был опубликован еще в 1919 г.).

Кстати, обратите внимание, что документ был составлен всего лишь через неделю после пресловутой Атлантической хартии, в которой Рузвельт и Черчилль провозгласили свое единство в борьбе против нацистской Германии и пока еще на словах солидарность с СССР.

АВП РФ. Ф, 0512. Оп. 4, № 213, полка 25, лист 3. В прошлом особо секретный документ. Агентурным путем добыт советской разведкой.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4 — 11 февраля 1945 г.). Сб. док. М. 1979. С. 98 — 99.

Там же. С. 99 — 100.

«Красная Звезда». 19 сентября 1956 г.

За спасение Иосипа Броз Тито Д. Н. Шадрину, А. С. Шорникову, Б. Т. Калинин, Н. Н. Якимову было присвоено звание Героя Советского Союза, а маршал Тито, со своей стороны, удостоил их звания Народного Героя Югославии.

Разумеется, подобная болтовня о ВКП(б) от сомнительных личностей типа Джиласа, Вукмановича, Карделя, Ранковича и других была смехотворна. *Докучаев М. С. История помнит.* М. 1998. С. 345 — 346.

Journal des Debates, Paris, 1922, 7 dec.

Докучаев М. С. История помнит. М., 1998. С. 379.

РГАСПИ. Ф 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 119 — 121, 263.

По своей эффективности спецслужбы германских монополий резко превосходили и нацистские внешнеполитическую, военную и даже партийную разведки вместе взятые.

Нюрнбергский процесс. сборник материалов в двух томах. М., 1952, т. 1, Документ СССР-35. С. 79.

Жуков К. Опыт крупноблочного строительства и дальнейшего его развития // Архитектура в СССР. 1953, № 3.

Гирский В. А., Голубев А. В., Штейнберг А. С. Заводское производство крупнопанельных домов. М., 1967. С. 5.

Развитие бетона и железобетона в СССР. М., 1969. С. 19.

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 — 1950 гг. М., 1946. С. 8, 47.

Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. М., 2007. С. 255.

Директивы XIX съезда ВКП(б) по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951 — 1955 годы. М., 1952. С 11.

Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 1997, № 5. С. 136 — 137.

Поздеева И В. Книга сражается. Советская печать времен Великой Отечественной войны. В сборнике «Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.». М., 2007. С. 139 — 140.

Там же. С. 140.

Анализ этого мифа представляет собой уточненный и детализированный вариант аналогичного мифа (№ 39), который был приведен в четвертом томе настоящего пятитомника — «На пути к победе». После выхода в свет указанного тома автор с сожалением обнаружил отдельные неточности, на которые ему указали также и внимательные читатели. Именно поэтому и прежде всего глубоко уважая своих читателей, автор принял решение дать уточненный вариант анализа, а также принести свои извинения за допущенные ранее неточности.

Егоршин В. А. Фельдмаршалы и маршалы. М., 2000. С. 304.

Использованный Жуковым пример — полная чернуха. Во-первых, потому, что летно-технические данные самолета Ил-2 к этому времени не были секретом для противника, в том числе и для румын. Во-вторых, потому, что в августе 1944 года Румыния уже объявила войну Германии и стала союзником СССР. Анухин был осужден за другое, о чем Жуков умолчал, но настойчиво пропедалировал ложь.

Сойма В. М. Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 428.

Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография.
М., 1977. С. 265.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 30 — 31.

«Правда». 1 марта 1950 г.

По данному вопросу подробнее см. мою книгу «Кто привел войну в СССР?», М., 2007, а также «За кулисами Мюнхенского сговора. Кто привел войну в СССР?» М., 2008.

Аналогичная операция проводилась еще до войны.

Внутренняя жизнь Советского Союза. Издание Гарвардского университета, 1953, № 11.

Шубарт В. Европа и душа Востока. Пер. с нем. М., 2003. С. 49.

Там же. С.98.

Цит. по: *Клочков И. Ф. Эхо Великой Победы*. СПб., 2005. С. 10 — 11.

Клейн Б. Политика США и «дело врачей» // Вопросы истории. 2006, № 6. С. 35.

Формально автором этого стихотворения был назван почему-то Эль-Регистан (Габриэль Уреклян). Однако все дело в том, что Эль-Регистан скончался за 11 лет до приписываемого ему авторства — в 1945 г. Видимо, неизвестный автор просто решил укрыться за этим хорошо известным в те времена поэтическим псевдонимом и одновременно придать определенный вес стихотворению.

Дальнейший анализ осуществлен по материалам Интернета. К сожалению, в инсталлированной в Интернете статье нет никаких исходных данных о ее авторе, чтобы дать более точную ссылку.

160

Советская Россия», 13 марта 1988 г.

Впоследствии вышла отдельным изданием. Неоднократно переиздавалась.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991, С. 74.

Там же. С. 72.